

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)»

На правах рукописи

Доброхвалов Эдуард Олегович

**ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК XXI В. КАК
ОБЪЕКТ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Куликова Э.Г.

Ростов-на-Дону – 2026

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. КОНФЛИКТНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУКИ.....	10
1.1. Конфликтология и лингвоконфликтология: объём понятий и точки пересечения.....	10
1.2. Глобализация как фактор конфликтогенности и языковая политика.....	17
1.3. Иноязычное влияние в контексте идей лингвоконфликтологии.....	24
Выводы по главе I.....	40
ГЛАВА II. ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ.....	43
2.1. Традиционные факторы, определяющие конфликтный потенциал заимствований.....	43
2.1.1. Агнонимия.....	43
2.1.2. Агрессивная неэкологичная коммуникация.....	48
2.1.3. Манипулятивное использование заимствований.....	53
2.2. СВО как катализатор изменений в русской лингвокультуре и проблема иноязычного влияния.....	57
2.3. Идеи «импортозамещения» в духовной жизни и в языке.....	66
Выводы по главе II	81
ГЛАВА III. ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ И ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ.....	84
3.1. Англоязычные макаронизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления и экзотизмы.....	84
3.2. Проблема иноязычных брендов, эргонимов и «малой топонимики».....	90
3.3. Особые коммуникативные среды как объект иноязычного влияния.....	99
3.3.1. Англизация современных медиа.....	99
3.3.2. Иноязычие в терминосферах: элиминация понятийных лакун или «болезнь подражания»?.....	106
3.4. Прагматическая информация в лексикографии и её роль в преодолении вербальных конфликтов.....	110
3.5. Англицизмы и проблема позитивной интерференции.....	119
3.5.1. Заимствование морфем и «инговые» формы.....	120
3.5.2. Анализация русской грамматической системы.....	123
Выводы по главе III	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
БИБЛИОГРАФИЯ.....	138

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время конфликтная коммуникация, наряду с коммуникацией образцовой и гармоничной, все чаще становится объектом как собственно лингвистических, так и междисциплинарных исследований. Однако категория верbalного конфликта остается недостаточно изученной, а методология ее исследования разработана слабо. Диссертация строится на пересечении двух актуальных исследовательских направлений – лингвоконфликтологии и лингвоконтактологии: изучаются вербальные конфликты, обусловленные иноязычным влиянием на современный русский язык. **Актуальность** диссертации связана с объективной потребностью в осмыслении сути лингвистических конфликтов. Для лингвоконфликтологии важно выявление и исчисление всех возможных конституентов конфликтогенности, и один из них – англизация современного коммуникативного пространства – исследуется в данной работе. В последние годы чрезмерное заимствование англо-американизмов стало ощутимо входить в противоречие с важнейшими политическими и социокультурными обстоятельствами, и актуальной задачей представляется преодоление этого противоречия. Теоретически значимым видится то, что в работе предлагаются пути решения этой проблемы.

В качестве **объекта** исследования выступает англизация русскоязычного коммуникативного пространства.

Предметом исследования являются все типы англизмов, используемых в русскоязычных медиийных текстах – ассимилированные и неассимилированные единицы (макаронизмы, иноязычные вкрапления), англизированные единицы топонимики и эргономики.

Цель работы состоит в исследовании и описании критериев англизации русскоязычного коммуникативного пространства в аспекте современной лингвоконфликтологии.

Для достижения указанной цели потребовалось решение следующих задач:

- 1) выявить функциональный потенциал иноязычий в русском языке XXI века;
- 2) уточнить причины и следствия англизации русского языка XXI века;
- 3) выявить факторы, определяющие конфликтный потенциал англицизмов;
- 4) исследовать специфику англизации различных коммуникативных сред;
- 5) проанализировать роль СВО как катализатора изменений в русской лингвокультуре и значение идей «импортозамещения» («импортоочищения») для языка;
- 6) выявить роль прагматической информации об англицизмах в преодолении вербальных конфликтов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды в области:

- когнитивной лингвистики и лингвопрагматики (Ю.Д. Апресян, С.Н. Бредихин, Вяч. Вс. Иванов, В.И. Карасик, Е.Е. Котцова, А.В. Кравченко, В.Р. Муравлева, Т.Б. Радбиль, И.Г. Родионова, В.М. Савицкий, Э. Сепир, Г.Г. Слышкин, Г.Г. Хазагеров, Т.А. van Dijk, D. Maillat);
- социолингвистики и лингвоконтактологии (Н.Д. Агафонова, В.М. Алпатов, И.В. Беляева, С.А. Бойко, У. Вайнрайх, А.Д. Васильев, Е.В. Гуляева, Н.А. Гуторова, А.И. Дьяков, В.М. Жирмунский, К.С. Захватаева, В.В. Ингул, А.А. Котлярова, Л.П. Крысин, М.А. Кулинич, Е.В. Маринова, М.А. Марусенко, М.Ю. Никитин, Вл. Новиков, М.В. Панов, Е.Д. Поливанов, Х. Пфандль, О.Б. Сиротинина, Г.И. Тираспольский, Н.М. Усенко, Т.А. Хагуров, D. Crystal, N. Fairclough, M.A.K. Halliday, V. Hansen, N. Langer, V. Pulcini, R. Phillipson, C. Rollason, G. Thomas, P. Tsagouria, E. Winter-Froemel);
- лингвоконфликтологии (В.В. Барабаш, О.В. Балаясникова, Л.А. Брусянская, З.Б. Велиев, Т.А. Воронцова, Н.Д. Голев, Д.В. Дунас, Е.С. Кара-

Мурза, С.Г. Кара-Мурза, А.С. Киндеркнехт, Н.Н. Кошкова, М.А. Кронгауз, Н.И. Леонов, В.Л. Литвин, В.И. Мозговой, Т.П. Соколова, Г.Г. Сондерс, Н.В. Уфимцева, М.П. Филиппова, П.Н. Хроменков, Р. Aall, A. Barnhill, S. Chen, J. Darquennes, J. Habermas, M. Evans);

– медиакоммуникации (В.В. Барабаш, Т.Г. Добросклонская, Л.Р. Дускаева, С.Г. Корконосенко, В.Г. Костомаров, Н.И. Клушина, С.А. Крылов, Э.Г. Куликова, А.Р. Лебедева, И.Б. Левонтина, В.А. Лукин, М.Л. Новикова, Н.Е. Петрова, А.В. Полонский, Л.В. Рацибургская, А.П. Сковородников, Г.Я. Солганик, Н.М. Цветова, Т.В. Шмелева).

Материалом исследования послужила авторская картотека, насчитывающая свыше 1000 примеров медийных текстов, в которых представлено удачное и неудачное (конфликтогенное) использование англоамериканизмов на разных уровнях языка и речи (лексическом и грамматическом уровнях; на уровне речевых стратегий). Для анализа также привлекались медийные тексты, отражающие общественные дискуссии, посвященные проблемам англизации отечественной лингвокультуры в контексте современных информационных войн. Эта часть картотеки составила свыше 500 примеров. Таким образом, **источниками** исследования стали популярные общероссийские газеты, такие как «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Аргументы недели», «Завтра», «Московский комсомолец», «Литературная газета». Медиадискурс дает материал реализации коммуникативных стратегий и тактик, связанных с информационно-психологическим противоборством, реализуемым на когнитивном уровне, и англицизмы непосредственно участвуют в этих процессах.

Методы исследования. Поскольку ставятся и решаются задачи не только дескриптивные, но и прескриптивные, связанные с оценкой перспективы тех или иных лексических единиц и категорий, были использованы следующие методы:

- 1) метод филологической герменевтики с подчеркнутой установкой на объяснение языковых фактов и социокультурных процессов, связанных с иноязычным заимствованием;
- 2) описательный метод (с приемами внутриязыкового сопоставления, социолингвистической и лингвопрагматической интерпретации англицизмов);
- 3) метод аксиологического анализа конфликтной коммуникации;
- 4) дефиниционный анализ в соединении с элементами трансформации и субSTITУции.

Наиболее частотными актуализаторами конфликтных смыслов являются лексические единицы, и самыми очевидными маркерами конфликтного текста выступают элементы субстандарта – инвективы и обсценизмы. Иноязычные единицы до недавнего времени в качестве таких маркеров не рассматривались (чему были объективные причины). Сегодня, как показывает материал медийных дискуссий по проблемам современного русского языка, именно иноязычное влияние (точнее – англизация) представляется угрозой для публичной коммуникации. **Новизну** предлагаемой работы мы видим в том, что традиционная (может быть, даже «вечная») проблема иноязычного влияния рассмотрена в параметрах современной лингвоконфликтологии: повышенная конфликтность современной коммуникации проанализирована в одном из ее важнейших звеньев. Типичные конфликты, спровоцированные англо-американизмами, исследованы на материале новейших медийных источников. Сформулированы тенденции и перспективы дальнейшего развития языковой ситуации под влиянием новых политических и социокультурных условий. Обозначены условия достижения языкового суверенитета и предложены пути решения задачи оптимального лексикографирования новейших англицизмов.

Коммуникативные конфликты становятся важным компонентом анализа, потому что современную лингвистику интересует не столько язык в отрыве от его носителей и реальной жизни, сколько его функционирование в

социуме. **Теоретическая значимость** работы состоит в том, что она позволяет продвинуться на пути постижения онтологии и гносеологии вербального конфликта, в разработке принципов описания ценностных коммуникативных конфликтов, в объяснении природы конфликтогенности иноязычных единиц и выработке рекомендаций по ее преодолению. Предложенные материалы и выводы позволяют внести вклад в развитие общей конфликтологии, лингвоконфликтологии и медиаконфликтологии. Исследование различных типов англицизмов существенно для лингвистической аксиологии. Теоретически значимо разграничение конструктивного и деструктивного процессов при языковых контактах.

Практическое применение результаты и материалы исследования найдут в вузовских курсах современного русского языка, риторики, культуры речи, а также медиалингвистики и лингвоконфликтологии, в спецкурсах по социолингвистике и лингвопрагматике. Языковой материал может стать важным источником для лексикографических описаний современного русского языка с расширенным представлением социолингвистической и прагматической информации. Материалы исследования могут быть использованы при изучении феномена «информационная война», для разработки средств противодействия информационному воздействию.

На защиту выдвигаются следующие **положения**:

1. В русскоязычной коммуникации с конца XX века обозначилась проблемная зона, связанная с небывалой прежде массированной англизацией. В этих условиях актуальной стала выработка принципов новой коммуникативной культуры, ориентированной на языковой суверенитет как стратегический ресурс обеспечения национальной безопасности государства в рамках идеологического противостояния с «коллективным Западом».

2. Признание концептуализирующего влияния языка переводит проблему иноязычных заимствований из чисто лингвистической области в сферу идеологии и политики. Базой современного лингвокультурного и – шире – социального конфликта стала, с одной стороны, ксенофилия,

проявляющаяся в сверхтолерантном отношении к влиянию английского языка, а с другой – оценка этого влияния как спланированной диверсии, направленной на подрыв ценностных основ общества. Конфликт обусловлен также противоположными представлениями о векторах движения русского языка (подчинение глобализационным процессам или ориентация на деглобализацию). Конфликт находит свое выражение в медийных дискуссиях, диагностирующих социокультурное противостояние.

3. Традиционные факторы конфликтогенности иноязычных единиц (агнонимия, агрессивная коммуникация и манипулятивность) в современных условиях дополняются противопоставлением ксенофилии и ксенофобии. С одной стороны, англицизмы воспринимаются как сознательное нарушение конвенциональных правил, с другой – как норма в условиях глобализации.

4. Маркерами дисгармонии и конфликтности могут быть все типы неассимилированных иноязычных единиц – макаронизмы, экзотизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления; конфликтным потенциалом обладают нетранслитерированные онимы (единицы «малой топонимики», эргонимы и маркировочные обозначения).

5. Аналитизация под влиянием английского языка нередко становится фактором конфликта: в ней видят даже «подрыв основ русской грамматики». Однако небывалое прежде распространение аналит-прилагательных, а также грамматическое заимствование (суффикс *-инг*, который русифицировался и стал морфемой русского языка) считаем фактами позитивной интерференции, поскольку влияние англизации в этом случае совпадает с тенденциями развития грамматической системы русского языка.

6. Поскольку важнейшими факторами предпочтения англицизмов в течение последних тридцати лет являются мода, престиж и повышение в ранге, актуальна проблема изменения мотивации речевого поведения в соответствии с новыми социокультурными, экономическими и политическими условиями в эпоху СВО.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена: обширной источниковедческой базой (для анализа привлечено 1500 медиийных текстовых фрагментов); репрезентативной библиографией, включающей основополагающие труды по социолингвистике, лингвоконфликтологии и теории языковых контактов; использованием комплекса методов, адекватных цели и задачам исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в форме докладов на следующих конференциях разного уровня: IX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (Ростов-на-Дону, 2023); VII Международной научно-практической конференции «Лингвокультурологические чтения»: «Актуальные проблемы лингвокультурологии в условиях современных вызовов: тренды и перспективы» (Москва, 2025); II Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский язык в современном научном и образовательном пространстве», посвященной 95-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной (Москва, 2025); Международной научно-практической студенческой конференции «Иностранные языки в современном мире» (Ростов-на-Дону, 2025); Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, посвященной 95-летию Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) «Новые направления научной мысли» (Ростов-на-Дону, 2025).

По теме исследования опубликовано 8 научных работ (общий объем 2,8 п. л.), в том числе 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование (общий объем – 187 с.) включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы (398 наименований).

ГЛАВА I

КОНФЛИКТНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУКИ

1.1. Конфликтология и лингвоконфликтология: объём понятий и точки пересечения

Конфликт (от лат. *conflictus*), то есть противоборство, противостояние, столкновение различных точек зрения, сегодня становится важнейшим объектом изучения в гуманитарных науках, поскольку уровень конфликтности в современном обществе чрезвычайно высок, а антропологические науки стремятся принести конкретную пользу социуму. Достигнуто понимание того, что конфликт не обязательно несёт только деструкцию: происходит «постепенное изменение в оценке конфликта: конфликт начинает рассматриваться как естественное явление, которое не обязательно проявляет себя со знаком «минус». В отношении разного рода конфликтов наблюдается поворот к позитивным и конструктивным сторонам исследуемого явления» [Киндеркнехт, 2022, с. 2]. То есть конфликт признаётся разновидностью нормы в отношениях между людьми.

Конфликт играет даже позитивную роль, поскольку порождает благотворные социальные изменения. Конфликты интересов в борьбе за власть, за рынки сбыта продукции и т. д. и т. п. неизбежны и составляют правило общественной жизни. Поэтому возникает потребность в изучении конфликта, в разработке теории конфликта как отдельной области знания, то есть в создании особой науки – конфликтологии. «Неакцентрируемая… часть конфликтологии заключается в том, что её главная цель состоит в объяснении вопроса, как возможны партнёрство и сотрудничество при том, что социальные акторы во многих случаях преследуют противоречивые/взаимоисключающие интересы в условиях ограниченности

ресурсов. Конфликтология – это наука о конфликтах, но также о сотрудничестве и партнёрстве» [Глазырин, 2016, с. 74].

Общая конфликтология включает в себя несколько частных разделов: политическая, педагогическая конфликтология, межэтническая, юридическая конфликтология и лингвоконфликтология, изучающая лингвистические (речевые, вербальные) конфликты. Д. Дунас пишет о «медиаконфликтологии как о самостоятельном академическом направлении, соединяющем традиционные конфликтологические разработки, теорию журналистики и медиаисследования. Медиаконфликтология «включает в себя изучение субъектов, вовлеченных в создание медиарепрезентаций конфликтов, стадий конфликта, влияния медиакоммуникаций на «жизненный цикл» конфликта, комплекс причин представленности тех или иных характеристик конфликта в медиа» [Дунас, 2024, с. 4].

На сегодняшний день конфликтное функционирование языка подробно исследовано в работах Барабаша, 2025; Бобр, 2024; Василенко, 2022; Голева, 2014; Дубовицкой, 2019; Кара-Мурзы, 2020; Киндеркнехт, 2023; Кронгауза, 2025; Моисеенко, 2024; Новгородовой, 2021; Хроменкова, 2016; Чернышевой, 2017; Benesch, 2012; Darquennes, 2015; Evans, 2019; Kecskes, 2015; Tillman, 2010; Webb, 2011 и мн. др. Это формирующееся направление, «ещё не вполне чётко очертившее собственное исследовательское пространство» [Кронгауз, 2025, с. 159]. П.Н. Хроменков [2016, с. 319] фиксирует «рост темы конфликта в общественном сознании» и актуализацию «симптоматики конфликтогенеза». Общественная значимость исследования конфликтной коммуникации определяется необходимостью описания конфликта на основе признаков рациональной сферы.

Конфликтогенами могут стать единицы всех уровней – лексемы (главным образом, пейоративы), грамматические формы (множественное сенсационное, антономасия на основе числа или феминитивы), этикетные формы. Так, обращение на «ты» или на «вы» может вызвать конфликт, детерминируемый социальным статусом коммуникантов, это обращение может

быть реально или потенциально конфликтным (выбор ты- и вы-форм на основе их оппозитивности по реализации категории вежливости, которые косвенно опираются на модели, представленные в английском языке)

Впрочем, «ты хамское» (по определению Ю.Д. Апресяна) распространилось задолго до массированной англизации отечественной лингвокультуры, ср.:

«Я видел Горбачева и Раису Максимовну во Владивостоке, когда они пришли на выставку достижений Дальнего Востока, и меня поразило, что они всех называли на «ты». Если бы к Горбачеву тоже обращались на «ты», это была бы хорошая партийная традиция, но ему-то говорили – «вы». «Тыкала» и Раиса Максимовна. Это произвело тяжелейшее впечатление, и, не дождавшись финала этого действия, я улетел в Москву» (А. Проханов «Только развитие может объединить Россию» //Литературная газета, 2021, № 9. С. 4.);
«...меня достала привычка «тыкать» всем без разбора. Ежедневно достаю из почтового ящика газеты и рекламные листовки, все рекламные объявления обращаются к читателю на «ты». Почему это так? Значит ли это, что все они адресованы человеку не старше тридцати? Ведь только в этом возрасте обращение на «ты» воспринимается как нормальное. А дальше как-то странно бывает слушать или читать такое: «Мы уже подготовили для тебя лучшие условия...» (Культура, 2021, № 5. С. 2).

Освоение конфликтогенной компетентности подразумевает владение знаниями и представлениями о прагмалингвистических характеристиках местоимений и местоименных форм (в том числе числовых) в этикетной/неэтикетной коммуникации и предупреждать от подобных конфликтов.

Конфликтогенами в современной русскоязычной коммуникации стали новейшие феминитивы. Многие из них ошибочно воспринимаются как неологизмы, а на самом деле они существуют в языке многие десятилетия (конечно, только на языковой периферии). Их оценки бывают резко отрицательными: слово «авторка» представляется «противоестественным»;

«блогерка», «поэтка» – «причудами феминисток»; писательница Татьяна Толстая уверена, что «нет и не будет слова «авторка» [Куликова, 2022]. У С.П. Степанова «феминитивы-окказионализмы типа *авторка, редакторка* ничего, кроме смеха, не вызывают» [Степанов, 2020, с. 34]. Ср. также:

*«...за пределы нашей Родины выплеснулся небольшой табун айтишников, напуганных слухами же о мобилизации, немного пенсионеров-предпринимателей, вышедших давным-давно в кэши и кипрское гражданство, пожилые музыканты и, наконец, чемпионы неудачи – **нервные хипстерки обоего пола**, привыкшие устраивать в Москве, Екатеринбурге и Петербурге обнимательные вечеринки и важные квесты по Гарри Поттеру»* (В. Малаховский «Русский индивидуализм против шкурности» // Культура, 30 июня 2022. С. 3). Отрицательная прагматика новых феминитивов диктует выбор их в качестве номинаций отрицательно оцениваемых персонажей: Это прямо проговорила на той неделе упомянутая в начале текста блудная dochь советского номенклатурища, а ныне главдипломатка Евросоюза Кая Каллас (И. Титов «Гrimасы Европы» // Завтра, 2025, № 39. С. 2)

Последние два десятилетия дали пример конфликтности на базе непарарадигматической грамматики – первообразных предлогов, лишённых номинативного содержания: *в Украине – на Украине* (о том, как и почему эти формы стали выразителями идеологической нагрузки, см. в работе: Лобанов, 2013. «Современный человек мало задумывается о том, что под словом Украина подразумеваются какие-то окраинные земли. Но шумиха вокруг вариантов *на Украину / в Украину* способствовала тому, что «унизительная» внутренняя форма названия государства вновь стала очевидной для большого количества людей» [Лобанов, 2013, с. 122]. Ср. также: *«Про замену «на» на «в» касательно Украины я уже молчу. То, что являлось обычным разнообразием языкового порядка, усилиями сумасшедших националистов превратилось в страшное лингвистическое преступление, наказание за которое внедряется и у нас»* (М. Артемьев «Великий и немощный» // Московский комсомолец, 16 декабря 2020 г.).

Как известно, через два года после выхода из состава Советского Союза официальные власти Украины просили закрепить в официальной коммуникации *в Украине / в Украину* и приняли такой вариант в качестве нормативного своим решением. Но такое решение не является достаточным основанием для изменения коммуникативных практик на других языках, в частности на русском. Тем не менее, во избежание конфликтов, в официальных российских документах тоже был принят именно этот вариант. Как показала дальнейшая практика (после начала СВО), в русскоязычной прессе всё-таки доминирующим остался традиционный вариант – *на Украине*.

Конфликт может быть связан с обычными словами при расширении сферы их применения. Так, общественные дискуссии вызвало слово «услуги» в ставших популярными выражениях «образовательные услуги» и «медицинские услуги» (вместо «образование», «медицинская помощь»):

«Учитель превращается в тренера по ЕГЭ, ученик – в клиента, образование – в услугу. В такой логике смартфон даже удобнее: он даёт услугу быстрее и эффективнее. Но настоящая школа всегда была больше, чем сервис (О. Григорьев «Наставник в кармане» // Литературная газета, 2025, № 40. С. 2); *«Самая приятная новость для педагогов – ненавистный термин «образовательные услуги» из законов исключен. «Услужливая» школа уходит в прошлое»* (редакционная статья «Услугам здесь не место». Лид: «Ненавистный термин из образовательных законов исключен» // Литературная газета, 2022, № 35. С. 1). Аналогичным образом негатив вызывала формулировка «медицинские услуги» вместо «медицинская помощь».

Эти примеры показывают, насколько важную роль играют когнитивные механизмы интерпретации сообщения. Но в любом случае положительную роль могут сыграть «конфликтологические компетенции», с помощью которых возможно удерживать ситуацию в цивилизованных формах [Барабаш, 2025; Цой, 2015]. Естественно, что эти компетенции могут быть верифицированы на основании тщательного изучения всех типов верbalных конфликтов.

Полемические традиции в конфликтной коммуникации отражены в русской классической литературе, в образцах судебного красноречия XIX века, в православной публицистике, где учитываются «конфликторазрешающие» заповеди о прощении врагов и т. д. О развитии традиций православия в конфликтологии см. в работе: [Нагайчук, Филатова, 2019, с. 248–252].

М.А. Кронгауз справедливо отметил, что «...ненависть к слову – это ненависть к стоящему за ним социальному типу: молодежи (молодежный сленг), малообразованным людям (просторечие), простому народу (уменьшительные суффиксы), молодым мамам («мамский» язык) и т. д. В стилистических конфликтах ярко проявляется столкновение представителей «высокой» культуры, недовольных чужой речью, то есть выступающих инициаторами конфликта, и носителей народной или какой-либо маргинальной культуры. <...> Речевой характеристикой человека оказывается не только то, какие слова он употребляет, но и какие слова он ненавидит» [Кронгауз, 2025, с. 173]. То есть, вербальные конфликты дают материал для языковой стратификации общества, для анализа речевых предпочтений разных слоёв общества.

Отношение к слову динамично – от ненависти до полного принятия и абсолютной ассимиляции. Так, известный публицист 80-х годов прошлого века Анатолий Стреляный сопровождал слово «имидж» комментарием «как говорят подлецы» [см. об этом: Изюмская, 2000; Малащенко, 2003]. С тех пор слово прочно заняло свою «нишу», так что синоним «образ» оказался далеко не во всех случаях уместным. Однако новейшие англицизмы, особенно их концентрация, часто вызывают отторжение.

Итак, в ведении лингвоконфликтологии находятся те конфликты, триггером которых оказываются языковые единицы. Самыми частотными конфликтогенами оказываются единицы субстандарта (просторечие, жаргон), инвективы и обсценизмы [Режук, 2023; Соболева, 2024].

М.Ю. Никитин считает «правомерным разграничить собственно конфликтный и конфликтогенный (порождающий, продуцирующий конфликт) дискурс. Под конфликтогенным дискурсом понимается «специфическое речевое взаимодействие коммуникантов, доминантная иллокуция которого сопряжена с конфронтацией коммуникативных целей через использование имплицитных и эксплицитных инвектив, формирующих ярко выраженный негативный психоэмоциональный фон у участников. Такое разделение оправданно, поскольку помогает понять генезис конфликта как такового, что позволяет разработать лингвистический инструментарий выявления конфликтогенности» [Никитин, 2023, с. 6].

Итак, проявления конфликтогенности являются облигаторными для любого социума, фиксируют и актуализируют противоречивые аксиологически значимые для конкретного социума признаки. Если противоречия своевременно не регулируются, а возникающие конфликтные ситуации не разрешаются, то в социуме неминуемо наступает кризис [Нагайцев, 2019, с. 242–244]. Изменения исследовательских парадигм, попытки найти новые исследовательские стратегии детерминируют формирование новых предметных областей, требующих культурно обусловленной параметризации социальных конфликтов, в частности, «роли языка и языков в конфликте мировоззренческих структур...» [Завершинский, 2019, с. 134–135]. Это особенно актуально в современных условиях информационной войны.

Как известно, в рамках теории речевых актов рассматривается такой речевой акт, как конфликтив, имеющий следующие иллокутивные цели: угроза, обвинение, выговор, проклятие. Как правило, средством манифестации таких интенций становятся сниженные единицы субстандарта. К конфликтогенам, которые переводят конфликт в область права, относят в первую очередь инвективы и обсценизмы в публичной коммуникации. В современных условиях, примерно с конца XX в., такими конфликтогенами могут стать заимствованные единицы.

1.2. Глобализация как фактор конфликтогенности и языковая политика

Заемствования с конца XX в. чаще всего связываются с процессами глобализации. В мире сложилась устойчивая тенденция к интеграции во всех важнейших сферах – в экономике, политике, науке, культуре и образовании. Глобализация неотделима от понятия языка, объединяющего всё население земного шара. В настоящее время такой статус имеет только английский язык, который несколько десятилетий назад был только одним из «мировых» рабочих языков ООН и не занимал первого места по числу владеющих им. Сегодня это главный язык-посредник для межэтнического общения, объединяющую роль играет именно английский язык, *lingua franca* XXI века, «глобальный язык» [Crystal, 2003].

Актуальным стало понятие «лингвистический империализм», то есть «навязывание» английского языка как языка институционального общения в ущерб национальным языкам. Это имеет отношение и к русскому языку, ср. констатацию «доминирования английского языка над русской языковой системой» [Марусенко, 2019]. Указанный автор отмечает изменение вектора экспансионистской политики ангlosаксонского мира с оккупации территорий на «захват культурных и языковых ментальных пространств» [Марусенко, 2019, с. 47].

Заемствование из «глобального» английского в другие языки приобрело особые черты. Как писал В.М. Алпатов, экспансия англо-американизмов в японский язык приняла вид «абсорбции японским языком английского словаря: чуть ли не каждое английское слово могло теперь быть заимствовано в японский язык, хотя бы в составе сочетаний» [Алпатов, 2018, с. 13], в том числе это и слова основного словарного фонда со значениями ‘жена’, ‘вчера’, ‘завтра’ и под. Причём, как подчёркивает цитируемый автор, такое массированное проникновение англицизмов в японский язык вовсе не означало одновременно массового свободного владения самим английским

языком в Японии. Положение изменилось только после реформ в сфере образования, предусматривавших более длительное обучение английскому языку.

Что касается русского языка, то у него длительные традиции использования в качестве языка межнационального общения, значительной была и его международная роль (что было следствием как геополитических условий, так и влияния идеологии, достижений в науке, искусстве). Роль и влияние русского языка в мире в целом и даже на постсоветском пространстве заметно снизились после 1991 г. По понятным причинам после распада СССР чрезвычайно велико было влияние английского языка в бизнес-коммуникации, во всех секторах инновационной экономики, в политике и культуре. На этом фоне заметно расширилось преподавание в школе английского языка. И до самого недавнего времени активно обсуждались предложения по ещё большему его расширению. Ср. формулировку «выход из гетто русского языка» как часть «модернизации России» в статье И.Г. Яковенко «Образование новой России», опубликованной в «Новой газете» 16 марта 2012 г. Дискутировалась возможность включения английского языка (не вообще иностранного, а именно английского) в перечень обязательных предметов для сдачи ЕГЭ. Но в сентябре 2022 года Басманный суд Москвы на основании иска Роскомнадзора аннулировал у «Новой газеты» лицензию СМИ в России, бывший главный редактор Дмитрий Муратов, внесённый Минюстом РФ в реестр иноагентов, покинул страну. Ср.: *«Идея престижа латинизированных языков, которая так долго у нас поддерживалась, не прошла бесследно (не арабица же у нас преподносилась престижной, как и не иероглифы). Результат – сентябрь-октябрь 2022 года, толпы людей, уехавших от мобилизации. И явление, которое мы называем иноагентством, – тоже продукт этой деятельности»* (Интервью с И. Анненковой «Сбережём язык – защитим сознание» // Аргументы недели, 2025, № 26. С. 3).

Россия выбрала путь самостоятельного развития, духовного, культурного и языкового суверенитета. И сегодня обсуждается вариант включения в перечень обязательных предметов ЕГЭ истории – науки, «которая делает человека гражданином».

Конечно, взаимозависимые экономические пространства нуждаются в наличии таких явлений, как единый язык коммуникации, и определяемая им единая информационная система, что способно привести к своеобразному «лингвистическому переделу мира», который подразумевает не только количественный, но и качественный рост англицизмов в большинстве языков мира. Не случайно именно английский язык воспринимается в качестве «языка образования». «Англоязычные заимствования в языках мира надлежит считать непосредственным языковым следствием глобализации, проявлением унификации и универсализации как ее составляющих» [Пискарёва, 2014, с. 8]. Для социума, рассматривающего глобализацию как единственно возможный вариант развития, характерна ориентация на западный образ жизни, на ассимиляцию с западной культурной моделью и на особый тип мировидения – космополитизм.

В настоящее время отмечается неоднозначность трактовок глобализации и общей оценки этого явления. Помимо позитивной её роли в качестве фактора демократизации и межкультурной интеграции, сильна критика глобализации как инструмента неоколониальной гегемонии. Растёт неприятие гомогенизирующего влияния массовой культуры: ср. иронизмы типа «макдональдизация» или «гамбургеризация» и под. Экспансия западного масс-культа подрывает локальные идентичности, ведёт к стандартизации и универсализации западных ценностей.

Наверное, остались сегодня и те, кто, подобно лакею Смердякову из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского считает: «Хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с»; см. об этом:

(С. Рязанов «Европейничанье: история болезни» // Аргументы недели, 2025, № 40. С. 3). Но смердяковы сегодня явно не в большинстве.

У. Бек различает понятия «глобализм» и «глобализация»: под глобализмом понимается идеологическое «обоснование неолиберального порядка, ориентированного на доминирование мирового рынка»; глобализация знаменует «новую реальность, при которой национальные государства утрачивают монополию на суверенитет», подчиняясь наднациональным структурам, в частности – бюрократии Евросоюза [Бек, 2001]; см. также: Радкевич, 2018; Тужба, 2025. В XXI в. в оценках феномена глобализации преобладают не восторженные отзывы, а критическое осмысление и негатив: восторг по поводу установления межцивилизационных связей сменился обвинениями в «лингвистическом геноциде».

Массовое распространение английского языка ассоциируется с худшими проявлениями глобализации – с навязываемой массовой культурой, с культурной стандартизацией. Поэтому на повестке дня вопрос о кризисе либерального миропорядка и деглобализации как возможности для народов мира освободиться из-под гегемонии англоязычного мира и обрести свой путь независимого развития.

От глобализации в области образования Россия отказалась: Болонское соглашение, подписанное Россией в 2003 г., перестало действовать, в 2022 г. РФ объявила о выходе из Болонского процесса. Трёхступенчатая система высшего образования – бакалавриат – магистратура – аспирантура – остаётся действующей, однако в ряде отраслей (в медицинской, военной) предпочтение отдаётся специалитету.

Как известно, Евросоюз из экономической организации дрейфует в сторону организации военной, причём враждебной России. Если прежде для многих главным было то, что западный мир – эталон высокого уровня жизни и исключительно развитого потребления, то сегодня гораздо важнее очередной пакет санкций Евросоюза против России, откровенная русофobia и военная помощь Киевскому режиму.

Всё отчётливее становится понимание того, что языковая экспансия есть метод внедрения в этническое сознание народа, подвергшегося экспансии, чуждых стереотипов и ценностей. Это делается завуалированно – под прикрытием внедрения новейших технологий или приобщения к общим культурным ценностям. Но это вмешательство в ментальный мир, которое будет иметь следствием идеологическую, политическую и экономическую зависимость. Вытеснение русского языка через систему средств глобальных коммуникаций и массированный приток англо-американизмов в русский язык выполняют разрушительную функцию.

В этих условиях как никогда прежде возрастает роль языковой политики. Являясь частью общей политики, она направлена на обеспечение языковой безопасности, на защиту языка от опасных воздействий, определяемых глобализацией. Проблемы языковой политики сегодня имеют геополитическую значимость. Доказано, что, вторгаясь в пространство иных стран, глобальный английский не только изменяет лексический состав, но задаёт идеологический вектор лингвистической концептуализации событий, формирует ценностную картину мира. Гибридная война, которая ведётся сегодня против России, составной частью имеет информационную войну – вербальную прежде всего. Англизация языков мира есть проявление «технологии обеспечения гегемонии над миром через тотальный контроль за информационным полем и навыками восприятия мира» [Ильницкий, 2024, с. 5].

Под информационной войной понимается противоборство сторон из-за конфликта идеологий, осуществляющееся путём различных мер воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления. Информационная война имеет сложную гетерогенную систему. Её цель – «приобретение информационного превосходства над партнёром по интеракции, изменение его неречевой деятельности» [Муравлева, 2022]. В этих условиях актуализируется традиционная для отечественной науки проективная лингвистика.

Как известно, проективная лингвистика базировалась на идеях социолингвистики, на изучении причинных связей между социо-политическими и экономическими явлениями с процессами в языке и коммуникации. Вопрос о проективной (прогностической) лингвистике ставил еще Е.Д. Поливанов. Проективная лингвистика (под иными формулировками, например – языковое строительство) успешно развивалась в СССР. Поразительные успехи языкового строительства хорошо известны. Это, прежде всего, создание десятков словарей и грамматик для бесписьменных языков на территории СССР, рациональные меры помощи исчезающим языкам; ср. характерное название статьи: Обрезков А.А. «История лингвопроектирования как поиск языками путей самоусовершенствования» [2017]. Расцвет советской социолингвистики пришёлся на 30-40 гг. XX в. (словари и грамматики для бесписьменных языков) и 60-70-х гг. XX в. (коллективная монография «Русский язык и советское общество» в трёх томах).

В современных условиях, с опорой на идеи антропоцентрической экспланаторной лингвистики, социолингвистика и её часть – лингвистика проективная способна принести новые важные результаты. Проективная лингвистика исходит из принципиальной возможности влияния на многие элементы не только речи, но и языка. Если задача сегодня заключается в том, чтобы лексический состав русского языка в XXI в. обогащался за счёт собственных системных ресурсов, а не за счет англизации, то эта задача вполне может быть решена. Эвристическая и экспланаторная ценность проективной лингвистики состоит в глубоком постижении внешних детерминирующих факторов развития языка – такой анализ делает проективную лингвистику предпосылкой оптимальной в данных условиях языковой политики. На основании рекомендаций проективной лингвистики могут быть обеспечены лингвоохраные меры, то есть выявлены условия и механизмы сохранения языковых ресурсов.

Вопреки пресуппозициям о способности языка «самоочищаться», проективная лингвистика отстаивает необходимость сознательного воздействия на меру использования иноязычных слов. В силу экстралингвистических условий такие действия не просто оправданы, но жизненно необходимы. А. Фефёлов назвал свою статью о засилье латиницы на улицах русских городов «Лингвооккупация» (Завтра, 2024, № 42. С. 8) и сопроводил её десятками снимков городских вывесок, исполненных на латинице. Из статьи следует, что и в конце 2024 года положение с обликом наших городов не очень изменилось: «Сейчас никто уже не внушает нам с экранов, что Европа и США – это прекрасный, свободный, цивилизованный мир, а Россия – это тоталитарный монстр, который обязан платить и каяться. На дворе грозный военный 2024-й... Уже давно идеологией страны провозглашён патриотизм. При этом, как мы видим, периферийное мышление никуда не исчезло. Мы как народ продолжаем, по определению Михалкова-старшего, "с умилением глядеть на заграничные наклейки". Иначе откуда взялись эти бесконечные вывески на латинице?» (А. Фефёлов «Лингвооккупация» // Завтра, 2024, № 42. С. 8); «...объясните мне, почему *тотально в наших городах надо писать на вывесках «cafe» вместо «кафе» и довольно неблагозвучное слово «shop» вместо «магазин»?* Не говоря уже о *полчищах франчайзингов и мерчендайзингов, оккупировавших наши СМИ*» (Д. Аграновский «Возвращение русского» // Московский комсомолец, 6 июня 2023 г. С. 3). К числу самых действенных и эффективных институтов влияния на язык относятся органы административного управления, система образования и медиа. Сегодня действие проективной лингвистики должно распространиться на эксплицитную и имплицитную англогенность в русском языке и в отечественной культуре.

В.М. Жирмунский, описывая проективную деятельность в Германии XIX в., замечает: «Главным лозунгом было: ни одного иностранного слова для того, что так же хорошо может быть сказано по-немецки. Понятно, что это «так же хорошо» могло быть истолковано по-разному» [Жирмунский, 1936, с.

196–201]. О процессах «импортозамещения» в современном русском языке см. подробнее во второй главе.

1.3. Иноязычное влияние в контексте идей лингвоконфликтологии

Итак, языковыми конфликтогенами признаются разноуровневые ресурсы языка, которые регулярно «создают конфликтную ситуацию и переводят её в стадию вербализованного противостояния» [Семенец, 2021, с. 71]. К таким ресурсам, безусловно, относятся и новейшие заимствования, главным образом – англо-американизмы.

Проблема проникновения иноязычной лексики в русский язык, влияния западной культуры на речевые стратегии, этикетную сферу всегда оставалась в центре общественного внимания. Но если в советское время эта проблема не была острой (в социолингвистическом исследовании 1968 г. «Русский язык и советское общество» было сформулировано, что русскому языку не угрожает излишнее иноязычное влияние), то закономерным образом всё изменилось в конце 80-х – начале 90-х гг. «Экспансия англицизмов стала возможной вследствие массового смещения российских государственно-политических ориентиров в конце XX в. Данная тенденция четко прослеживается все последние 35 лет. Постперестроечная эпоха, привнесшая внезапную доступность некогда табуированной массовой западной культуры, многократно ускорила процесс распространения заимствований» [Ингул, 2023, с. 106]. Но поскольку перемены в языке соответствовали общему курсу на «встраивание» в мир «общечеловеческих ценностей», к экспансии англицизмов относились терпимо. Эту экспансию считали неизбежной, тем более, что сходные процессы были и в других странах. Реальностью стали глобализмы – «слова, сходные в фонетическом (и/или графическом) отношении и совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых (субглобальных) языках» [Косырева, 2022].

В то же время многие лингвисты, писатели, общественные деятели не считали англизацию закономерной и благотворной. Ср., например, многочисленные публикации Б. Евсеева и Ю. Полякова, с их идеями «добиться реальной, а не мнимой ответственности за порчу языка» (Б. Евсеев «Язык творит историю» // Литературная газета», 2022, № 51. С. 2), «создать экспертную организацию, отслеживающую и пресекающую неуместные заимствования из того же английского, помогающую найти русские эквиваленты в запасах родного языка» (Ю. Поляков Интервью газете «Моя семья», 28 марта 2022 г.).

В 2020 г. Максим Артемьев писал, что «современная российская элита глубоко денационализирована: все их интересы сосредоточены там, где у них недвижимость, финансовые активы, куда они отправляют своих чад с тайной или открытой надеждой, что те никогда в Россию не вернутся и будут там делать свою карьеру» (Московский комсомолец, 16 декабря 2020 г. С. 4). «Если объявившие себя элитой рассматривают Россию только как кормовую базу, с чего они станут уважать русских людей и русский язык?» – задаёт риторический вопрос М. Артемьев. Вывод состоит в том, что «без государства, без принятия соответствующих законов и общественных инициатив ничего изменить нельзя» (там же). Многое начало меняться после принятия поправок к Закону о русском языке (см. подробнее во второй главе).

В работе М.А Кронгауза [2025] отмечается, что отечественная лингвоконфликтология имеет три ответвления: первое тяготеет к лингвопрагматике и основывается на понятиях коммуникативного сбоя и коммуникативной неудачи. Нередко это направление именуется «речевой конфликтологией», в то время как лингвоконфликтологией чаще называют другую разновидность, которая тяготеет к судебной лингвистической экспертизе, а также к оценке конфликтов в современных медиа. Наконец, третье направление, которое логично именовать социолингвистическим, сосредоточено на тех конфликтах, в основе которых лежит многоязычие.

Заметим, однако, что рассматриваемые нами конфликты имеют отношение ко всем трём разновидностям, поскольку использование англицизмов может быть справедливо квалифицировано как: 1) коммуникативная неудача; 2) как объект лингвистической (лингвоюридической) экспертизы; 3) как конфликт в ситуации языковых контактов. Мы не подвергаем сомнению правомерность трактовки типов лингвоконфликтологии в работе М.А. Кронгауза, однако пример с англоязычными заимствованиями в современном русском языке показывает, насколько близки и взаимосвязаны выделяемые разновидности.

Типично представление англицизмов в синтагмах с перечислением самых больших опасностей для современной коммуникации – инвективизации речи, засилия единиц грубого просторечия, функциональной неграмотности. Интересно, что писатель Юрий Поляков в трёхминутном ответном слове при вручении ему Государственной премии 12 июня 2025 г. упомянул такие опасные явления, как снижение интереса к чтению и «засорение русского языка иноязычной и ненормативной лексикой, осмеяние традиционных ценностей, внедрение в умы абстрактного пацифизма и автофобии».

В семантико-лексикологической парадигме традиционного языкознания всегда актуальным было исследование иноязычных заимствований. Этой проблематике посвящено огромное количество исследований, и сегодня очевидно, что на многие вопросы получены ответы. Есть «исчерпывающие комментарии по поводу расширения-сужения значений слов при переходе из одного языка в другой» [Гуторова, 2016, с. 5], детально исследованы процессы семантической и грамматической ассимиляции заимствований; даны многочисленные таксономические списки иноязычного материала по различным основаниям и т. п. В условиях экологизации современного языкознания англицизмы неоднократно рассматривались в контексте парадигм экологической лингвистики [Алексеев, 2023; Велиев, 2021; Гуторова, 2016; Куликова, 2016]. Транслингвальная экология рассматривает

заимствования как процесс «засорения» в языке-рецепторе, и выявляет вероятность семантических девиаций в языке-доноре.

Как пишет А.И. Дьяков [2015, с. 292], существует «четыре этапа в развитии англо-русских языковых контактов, которые различают не только хронологически, но и по семантике заимствованных слов. Начало сближения России с Англией и начало языковых контактов – XVI в.; второй этап – это Петровская эпоха (1696 – 1725 гг.), когда в русский язык проникло около 300 слов морской и военной тематики, а также бытовая лексика. Третий период (конец XVIII – начало и середина XIX вв.) – активизация англо-русских отношений в связи с повышением международного престижа английского языка. Четвёртый период – конец XIX – 70-е гг. XX вв., в течение которого заимствовано до полутора тысяч единиц». Очевидно, можно говорить о пятом периоде лавинообразного проникновения англицизмов в русский язык – конец XX – начало XXI вв. Этот пятый период привёл к тому, что в русском языке многие исследователи насчитывают до 10 % англицизмов [Дьяков, там же]. Естественно, точные цифры вряд ли возможны, поскольку не ясны критерии отбора (что считать заимствованием, а что внесистемным явлением – иноязычными вкраплениями в речь).

Традиционное объяснение причины заимствований не изменилось и в 20-х гг. XXI в. Это «беспрецедентное сближение стран и народов на рубеже веков. Многократно усилившееся в условиях современного общества взаимовлияние языков является одной из центральных проблем социолингвистики» [Лашкова, 2022, с. 151]. Но дело в том, что имеет место не взаимовлияние (заимствования из русского языка в английский ничтожны), а массированное, сознательно спланированное воздействие на русский язык и всю духовную сферу как часть политики «коллективного Запада» [Кулинич, 2001; Купина, 2022]. И эта политика находила до недавнего времени самую благодатную почву в нашей стране: «С 1991 г. европейничанье у нас господствовало. Оно воспринималось по умолчанию, не критически, словно канон, а всё национальное трактовалось как архаика, как квасной патриотизм,

как реакция, как замшелое ретроградство... Либералы имели власть в культурном пространстве, в образовании. Это, конечно, большая трагедия. Но нет худа без добра: здоровое, патриотическое начало на фоне этого угнетения укреплялось и развивалось и, когда пришло время, стало проявлять все свои наработки, всю свою мощь. Русское неубиваемо, неуничтожимо. Современное наше положение весьма благодатно для того, чтобы промять, рассмотреть явление европейничанья со всех сторон. Это требует большого коллективного труда» (С. Рязанов «Европейничанье: история болезни» // Аргументы недели, 2025, № 40. С. 3).

Массированный приток англицизмов – это проблема не только русского языка [Аввакумова, 2018; Вертячих, 2020; Погорецкая, 2021, 2024; Pulcini, 2012; Rollason, 2012] «Глобализация и взаимодействие культур разных народов в современном мире откладывает отпечаток на состояние национального языка, что с одной стороны приводит к развитию, а с другой – к ущемлению одного языка другим» [Корелова, 2024, с. 102–103]. Что касается русского языка, то речь не идёт о взаимодействии, поскольку имеет место односторонний приток англицизмов, что сегодня всё чаще оценивается как спланированная акция, диверсия в рамках современной гибридной войны. Медиа регулярно воспроизводят негативные оценки англицизмов: ср. заголовок и лид: *«Кейс», «профайл», «стил»: как англицизмы разъедают родную речь. Бездумное использование иностранных оборотов похоже на стремление папуаса подражать белому господину во всем, начиная с языка»* (Московский комсомолец, 30 мая 2023 г.); *«Каждый день по пути на работу я прохожу мимо Третьяковской галереи и вижу на фасаде здания огромную красочную афишу выставки русских художников, где русские фамилии разделили английским символом «and». Разве нельзя было избежать англицизмов? Это западничество сидит в подсознании, они хотят показать, что «цивилизованные», а не какие-нибудь там «поскучные. Такое явление опаснее, чем наличие явного врага, планирующего нанести вред стране»* (И. Шишкин «Торговцы в храме» // Завтра, 2025, № 5. С. 8).

Важным источником знаний об отношении носителей языка к англицизмам являются авторские рефлексивы. Метаязыковое сознание, отражённое в авторских рефлексивах, признаётся активной и влиятельной силой в обществе, вследствие чего идёт активное их изучение.

Метаязыковой рефлексии, то есть суждениям самого автора текста об элементах этого текста или вообще о тех или иных средствах языкового выражения, традиционно уделяется повышенное внимание. Рефлексивы хорошо изучены на материале фольклорных и художественных текстов [Кравченко, 2023; Шумарина, 2011]. Установлено, что в силу повышенной диалогичности медиа метаязыковая рефлексия в высшей степени присуща медийным текстам [Александрова, 2018; Басовская, 2020; Куликова, 2023]. Феномен рефлексивов исследован и на материале интернет-коммуникации [Голошубина, 2016; Иванников, 2020]. Проведено разграничение рефлексивов эпистемических (связанных с разъяснением языкового факта и пополнением языкового тезауруса) и аксиологических, то есть оценочных [Вепрева, 2005]. Нам известны две работы [Козлова, 2012; Кузнецова, 2021], непосредственно посвящённые рефлексивам по поводу англицизмов.

По нашим наблюдениям, во многих рефлексивах подчёркивается объективное положение – мода на англицизмы, особенно в молодёжной среде:

«Тут, конечно, есть вопросы к такому, молодежь бы сказала «неймингу», но мы ограничимся словом «название» (Д. Попов «Свинорейх против Новороссии» // Московский комсомолец, 15-21 марта 2023 г. С. 6). *«...похоже, сами того не сознавая, держа в голове совсем иной масштаб замысла, мы стали инициаторами – или же можно использовать модное слово, триггером – какого-то масштабного, глобального процесса, затрагивающего всю планету»* (П. Власов «В точке бифуркации» // Культура, 2023, № 2. С. 2); *«Во-первых, необыкновенно модное слово «гендер». Затем немножко смешное уже выражение «закрыть гештальт», очень распространённое слово «кейс» в значении «судебный случай»* (Интервью с Вл.

Новиковым «Жизнь – это соавторство» // Литературная газета, 2023, № 9. С. 10).

Нередко высказывается неприязненное отношение к отдельным словам:
«Дело в общем противокультурном так называемом тренде, который охватил весь земной шар.

— Кстати, очень неприятное слово «тренд» (Интервью с редактором журнала «Звезда» А. Арьевым //Литературная газета, 2024, № 11. С.6). Ср. также оценку с включением обсценизма: *«Вставая в 5.00, вечером я готов только к поощрению. Так же, как я ненавижу варваризмы (драйв – и прочая х...ня), я люблю простые, добрые, источающие тепло, свет слова»* (О. Кушанашвили «Эпоха и Я») – Цит. по: Готорова, 2016.

Ср. также: *«Все эти дедлайны, френделенты, спиннеры, майнинги, каршеринги, паблики, слаймы, хайпы, шоперы и многие другие откровенно раздражают. По данным соцопросов, 47 % россиян от них буквально в бешенстве»* (Л. Безрукова «Как это будет по-русски?» // газ. «Труд», 18 февраля 2022 г.). *«...донимают и дырявят нас чужеземные слова-короеды: лакшери, митап, хараксмент, чил, коворкинг»* (Б. Евсеев «Детоотсупники» // Литературная газета, 2022, № 26. С. 7); *«...заимствованные слова начали сильнее резать слух. Ну вот зачем записывать в больницу на чек-ап, если есть хорошо понятный медосмотр? Или рекламировать трип, если это обычное путешествие?»* (Л. Арбатская «Без смузи, хайпа и кешбэка» // Комсомольская правда, 22–29 марта 2023 г. С. 10). Ср. также фрагмент интервью с лингвистом И. Анненковой:

«Нравится ли вам использование слова «кейс» в значении «случай», «пример»?

— Нет, не нравится. Все эти «кейс-стади»...Налицо влияние образовательных программ других государств, прежде всего – американских бизнес-моделей обучения.

– А как вам слово «вайб» вместо «настроение», «атмосфера», «энергетика»?

– Ужасно! «Вайбы», «кринжи», «муды»... Не переношу. Успокаивает то, что эти слова, скорее всего, уйдут...» (Аргументы недели, 2025, № 26. С. 3).

«Как свидетельствуют ведущие программы «Говорим по-русски!» О.И. Северская и М.А. Королева, неумеренное применение таких заимствований (прежде всего англизмов) слушателей раздражает: нарочито «англоязычную речь» они называют «наглоязычной» [Богуславская, 2016 : 13]; Публицист Т. Воеводина акцентирует внимание на кумулятивной (накопительной) функции языка: в каждом слове копятся знания, представления, чувства. А англизмы – это «**накопители убожества, лакейства и низкопоклонства**» (Т. Воеводина «Рабствуем умами. О борьбе с англицизмами» // Завтра 23 февраля 2025 г.).

В последнем примере (как и во всей статье Т. Воеводиной) подчёркивается, что англицизмы – следствие специфической ментальности: «Причина проста и малопочтена: наше умственное лакейство и низкопоклонство. Въевшаяся в поры, не рассуждающая уверенность в том, что мы – убогие, недоделанные, глубоко провинциальные по сравнению с ними – центровыми, богатыми, могучими и велемудрыми. Мы по-прежнему смотрим снизу вверх на носителей «великого и могучего» американского языка и силимся хоть с какого-нибудь боку к ним приложиться» (там же).

В свете изменений в Законе о государственном языке РФ, которые определяют правила употребления англицизмов в публичном пространстве и направлены на ограничение их использования, стали типичны оговорки с извинениями:

«Прямо напротив – куда более верный кандидат на ребрендинг (**простите за еще один варваризм**): точка общепита под названием «BEST

Шаурма». Вам жалко? Нам, пожалуй, нисколечко» (Московский комсомолец, 12 февраля 2025 г.); «Что главе разведуправления с таким, **простите**, бэкграундом (слова «фон», «история» и «репутация» не передают значение в полной мере) делать на встрече дипломатов?» (И. Титов «Птенцы Дональда» // Завтра, 2025, № 34. С. 2).

Конечно, наиболее интересны суждения об англицизмах, сделанные известными писателями и общественными деятелями. Ю. Поляков, увидев в интернете объявление московского министерства образования о том, что такого-то числа состоится **мониторинг менторинга**, отреагировал так: «Такое впечатление, что эти люди просто упражняются, чтобы не забыть английский язык к тому моменту, когда надо будет туда уезжать» (Ю. Поляков «панельная элита // Ю. Поляков «В зане риска. Интервью 2014–2020 гг. М.: АО Издательский дом «Аргументы недели», 2020. С. 582). То есть, в употреблении этого «дикого» сочетания – «мониторинг менторинга» – Ю. Поляков увидел определённое общественное явление, породившее такие «перлы». Хотя «менторинг» позиционируется как новая технология для России, появившаяся с приходом международных корпораций и организаций и рассматривающая его как часть корпоративной культуры, это, скорее, «паразитарный концепт» (в понимании В.И. Карасика, 2004). А сочетание «мониторинг менторинга» мог создать только абсолютно равнодушный к русскому языку и не чувствительный к языковой эклектике автор. Ср. шутку И. Олейникова и Ю. Стоянова, которая прозвучала в программе «Городок»: *Мониторинг замусоринга*.

К числу самых действенных и эффективных институтов влияния на язык относится в том числе и система образования, поэтому Ю. Поляков совершенно справедливо видит угрозу в таких речевых практиках. Дело в том, что «...*русское европейничанье – сложноструктурированный феномен. У него много граней и много уровней: государственный, бытовой, культурный*» (С. Рязанов «Европейничанье: история болезни» // Аргументы недели, 2025, № 40.

С. 3). И, как наглядно свидетельствует пример Ю. Полякова, система государственного российского образования до самого последнего времени не только не препятствовала, но даже способствовала англизации образовательного и культурного пространства.

Интересную параллель привёл Захар Прилепин:

Арина Обух: «...ты не раз был приглашён на Первый канал в программу «Подкаст», но странно, что никто из ведущих, среди которых есть писатели, не бунтует против этого названия, почему? А в наших библиотеках сплошные «воркиопы» и «коворкинги»... Если всё будет так продолжаться, то скоро мы будем не говорить, а «спикать».

Захар Прилепин: *«Знаешь, когда я писал книгу «Взвод», то обнаружил, что между кружком «Арзамас» и кружком «Беседа любителей русского слова» Александра Шишкова была жёсткая полемика на эту тему. К 1812 году русская аристократия была безжалостно офраниужена, но уже в 20-е, 30-е годы того же века мы получаем гениальную русскую национальную поэзию и прозу, которая со всем этим языковым французским наследством справляется, став от этого в конце концов только богаче. Из чего мы делаем вывод, переходя в наше время, что «подкаст» исчезнет, а большая литература останется»* (Интервью З. Прилепина «Я должен верить тому, что пишу» // Литературная газета, 2025, № 41. С. 4–5).

Параллель с языковой ситуацией двухсотлетней давности утверждает ту мысль писателя, что русский язык в XXI веке справится с англизацией и станет в конце концов только богаче.

Итак, в рефлексивах осуществляется открытое проявление ценностного отношения к англицизмам в русском языке. В противовес известному мнению о том, что в метаязыковых комментариях обсуждаются «ключевые слова эпохи» (метаязыковые рефлексии признаются даже диагностическим признаком «ключевого слова эпохи»), в рефлексивах по поводу англицизмов

нередко объектами становятся экзотизмы и варваризмы, которые засоряют русский язык и подлежат искоренению из публичной коммуникации. «... через неприятие «чужого» слова происходит утверждение своей собственной идеологии и социальной идентичности» [Кронгауз, 2025, с. 174].

Оценки конкретных слов могут диаметрально расходиться. Вл. Новиков характеризовал слово *фейк* как не просто модное, а супермодное, мегамодное, отмечал его безграничную сочетаемость: «фейк-» (с дефисом) плюс любое существительное». «Наше время, пишет Вл. Новиков, это «фейк-эпоха», и изменится это не раньше, чем «настанет царство истины, как предсказывал булгаковский герой» [Новиков, 2016, с. 286–289]. Ср., однако: «Примечательно также то, что размываются границы употребления новомодных неологизмов, включая такие не вполне мотивированные англицизмы, как *кринж*, *краш*, *файл*, *фейк* и т.п.» [Бовшик, 2022, с. 94]. То есть, «слово тысячелетия» кажется цитируемому автору не вполне мотивированным.

Англоязычное влияние проявляется не только в прямом лексическом заимствовании и калькировании (*дорожная карта – road map*, *мыльная опера soup opera* и под.), в том числе калькирования семантического: «Я вас услышал» – калька с американского «*I heard you*» (фраза, используемая руководителем по отношению к подчиненному); подробнее о словообразовательных, фразеологических и семантических кальках см.: [Дьяков, с. 2015]. Ср. также использование английских/американских логограмм/логографов на письме, («&» вместо русского союза «и»; см. анализ этого явления в: Золотарёва, 2022), псевдоанглийского суффикса *-офф* / *-off* для образования имен фирм, компаний типа «ОкноФФ» / «Окнофф», «Двернофф»; «ЧистоФФ» / «ЧистоФФ» [см. об этом: Бойко, 2017]. Распространено также «срачивание английских основ с русскими аффиксами типа расфрендить, брэндовый, в гибридных образованиях с английскими аффиксами и т. п.» [Карасик 2018, с. 37]. Т.Б. Радбиль видит в таких фактах

«дрейф» в сторону повышенного синтетизма» [Радбиль, 2019, с. 218–219], что гармонизирует взаимодействие с тенденцией к аналитизму.

В качестве регулярной и актуализированной сферы выступает речевой этикет, в частности, возросло использование ты-обращения в публичной коммуникации и интенциально обусловленное отсутствие отчества в соответствии с англоязычными коммуникативными моделями.

Нередко говорится не просто о заимствованиях, а об англизации отечественной лингвокультуры, то есть имеется в виду не только заимствование отдельных лексических единиц, но и «внедрение в современную русскую языковую практику орфоэпических, орфографических, словообразовательных и грамматических норм и моделей, характерных для англо-американской языковой культуры» [Бойко, 2016, с. 4]. Англоязычное влияние распространилось на орфоэпию и правописание (существительные в названиях стали писать с большой буквы – Московский Университет), на этикетную сферу (*пока-пока, берегите себя, увидимся* и др.): Известный телеведущий и журналист С. Шолохов на протяжении многих лет начинает и заканчивает свои статьи в «Аргументах недели» одинаково: *«Привет-привет, дорогие читателя «Аргументов недели»! Хотел было написать про «Дракулу» Люка Бессона, но перечислять откровенные пошлисти и сценарные глупости не стал. Хочется писать о том, что вызывает мысли и ласкает слух. К таким фильмам отношу «Лермонтов» Бакура Бакурадзе... Время с Бакурадзе вы проведёте не зря. Пока, пока!»* (С. Шолохов «Лермонтов самодельный» // Аргументы недели, 2025, № 40. С. 10).

Таким образом, в русскоязычном коммуникативном пространстве представлено более масштабное явление, чем распространенное лексическое заимствование. К. С. Захватаева отмечает, что «изменился функциональный статус английского языка: впервые за долгую историю англо-русских языковых связей английский язык взял на себя «функцию перстрата»», стал важным донором неолексем в сфере духовной культуры, науки и техники»

[Захватаева, 2013]. Англизация представляет собой сложную систему знаний и представлений, выбора их номинаций и контроля этого выбора; это явление, угрожающее необратимыми последствиями, нарушающее экологический баланс в лингвокультуре.

Вопрос об иноязычном влиянии на русский язык и мере использования заимствованных слов как никакой другой тесно связан с политикой и сопутствующими социальными условиями. По понятным причинам отношение к иноязычию не могло быть толерантным в период «холодной войны», и истоки супертолерантного отношения к англизмам, начиная с эпохи горбачёвской перестройки и до недавнего времени, тоже совершенно очевидны.

Однако с 2014 г. и тем более – после начала СВО этот лингвотолерантный период очевидным образом закончился и рассуждения о том, что постоянное пополнение английскими заимствованиями словарного состава родного языка есть неизбежное следствие социально-культурных и экономических процессов общемировой интеграции, уже не убедительны. Естественно, суждения о пагубности чрезмерного заимствования чужеродных для русского языка единиц звучали и в 90-е гг. XX в., и в начале нулевых. Ещё А.И. Солженицын писал, что если «беспрепятственно допускать в русский язык такие невыносимые слова, как уик-энд, брифинг, истеблишмент и даже истеблишментский (верхоуставный? верхоуправный?), имидж, то надо вообще с русским языком рас прощаться» [Солженицын, 1990, с. 3]. Ср. также: «*Русский язык нахватал всякой заразы в пору «расцвета демократии»* (З. Прилепин «Наш язык обречён?» // «Аргументы и факты», 16 сентября 2009 г.).

Писатели, деятели культуры, политологи высказывались против англизации «малой топонимики» – иноязычных эргонимов и маркировок, из-за которых наши города выглядят оккупированными вражеской армией. А перелома в настроениях как широких масс, так и тех, кто принимает управлеченческие решения, не происходило очень долго. Но если «мы сейчас

английский изучаем по названиям ракет, которые летят по нашим парням на передовой и по мирным городам» (А. Новиков «О политике, войне и шоубизнесе» // газ. «Аргументы недели», 2024, № 23), то это не могло не повлиять на отношение и к обсуждаемой проблеме.

Иноязычные слова нередко рассматриваются как не меньшая деструкция, чем субстандарт и инвективы, ср. характерный сочинительный ряд: «Просторечная, жаргонная, грубая, иноязычная лексика регулярно звучит с телеэкранов, а затем распространяется среди населения» [Калинина, 2018, с. 43]. В исследованиях последнего времени очевидно стремление изучать англицизмы с позиций современной экологической лингвистики, то есть в категориях полезности, правомерности, оправданности или, напротив, деструкции, пагубности, разрушения и под. [Барабаш, 2025; Гуторова, 2016; Калинина, 2018; Корелова, 2024; Куликова, 2024 и др.]. Нельзя не учитывать того обстоятельство, что хорошо освоенные на всех уровнях (орфоэпическом, семантическом и грамматическом) заимствования представляются носителям языка в большей мере своими, чем исконные единицы. К. Чуковский приводил такие ассоциации: «водомёт – это по-русски сказать фонтан; зодчий – это по-русски сказать архитектор, ваятель – это по-русски сказать скульптор» [Чуковский, 1962, с. 62]. У Чуковского есть и эстетические оценки парных наименований своего и чужого: *грануляция* – ласкает слух, а русский аналог «окомкование» – это просто урод (там же).

Сегодня в медийную сферу вернулись слова из советского прошлого о «западничестве», «низкопоклонстве» перед Европой и США, которое проявляется в использовании огромного числа англицизмов. Ср.: Многие авторы медийных материалов (М. Артемьев, Б. Евсеев, А. Кондрашов, Е. Кругликова, Д. Попов, А. Марков и мн. др.) рассматривают процесс массированного вторжения заимствований как часть настоящей информационной войны.

Однако обычны и такие утверждения: «...опасения туристов, что чрезмерные заимствования приведут к деградации языка, являются

преувеличеными, поскольку внутренние законы любого языка в конечном итоге оказываются сильнее» [Лашкова, 2022, с. 156]. Нам представляется этот тезис неправомерным: лексика – самая подвижная подсистема, которая поддаётся сознательной трансформации со стороны медиа, управлеченческих и образовательных институций, государственных органов. Есть незыблевые фонетические и грамматические законы языка, над которыми не властно государство (до тех пор, естественно, пока не произошло полное поглощение более слабой из конкурирующих языковых систем).

Апология англоязычной экспансии опирается на идеи о закономерности и неизбежности глобализма. В то же время призывы очистить русский язык от «иностранный скверны» звучали регулярно. Меры, предлагаемые для осуществления этой задачи, имеют отношение к тому, что в языкоznании обозначается как пуризм. Это идея (точка зрения, даже мировоззрение), хорошо изученная в диахронии и на материале различных языков [Винокур, 1929; Геерс, 2002; Богусловская, 2016; Жирмунский, 1936; Жукова, 2010; Кирchanов, 2021; Крайнова, 2024; Пуристические тенденции..., 2005; Langer, 2012; Thomas, 1991]. И вряд ли правомерно ассоциировать лингвистический пуризм исключительно с тоталитарными режимами [Костева, 2010, 2018]. В числе главных дискурсивных практик пуризма в тоталитарных обществах В.М. Костева перечисляет «вовлечение широких масс в обсуждение языковых вопросов с помощью СМИ и иных печатных изданий» (что вообще-то как раз несвойственно типичному тоталитаризму), а также создание «специальных (государственных) органов или учреждений для проведения языковых реформ». Но как раз последнее мы пытаемся делать, хотя не вполне последовательно. Недаром высказывается мнение о том, что не вполне продуманы механизмы внедрения принятых Госдумой поправок к Закону о государственном языке РФ, предусматривающих ограничение иноязычной (главным образом – англоязычной) лексики.

Конфликт сторонников «обогащения» русского языка за счёт англоязычного влияния и противников англизации имеет историческую

подоплётку. Ср.: «Данилевский в своей книге 1869 года «Россия и Европа» неслучайно предлагает именно это слово – «европейничанье». Когда мы говорим «западничество», это звучит весомо и значительно, чуть ли даже не академически. А слово «европейничанье» подсказывает верные ассоциации – обезьянничанье, лакейничанье. <...> Европейничанье – это болезнь русской жизни. Болезнь затяжная, хроническая» (С. Рязанов «Европейничанье: история болезни» // Аргументы недели, 2025, № 40. С. 3).

Старинная болезнь подражательства в условиях постсоветской действительности была старательно поддержана: *«Когда после разрубки СССР из-за океана стали кроить «Нью Раши», не забыли и про язык. Вместе с ширпотребом в страну хлынули тысячи инородных понятий и слов, с восторгом подхваченных подростками и великоговорастными мажорами. Первая лингвистическая война, начавшаяся при Горбачёве, продолжившаяся в 2014-м в Донбассе, обрядив себя в пёстрые одёжки, повела по российским просторам хоровод смерти!»* (Б. Евсеев «Язык творит историю» // Литературная газета, 2022 № 51. С. 2.); *«...государство в течение десятилетий пыталось встроить Россию во все европейские контексты и Европа была нашим главным арбитром во всех сферах – в культуре, в образовании, в экономике. Против выступали только «древучие маргиналы» вроде А. Проханова и Э. Лимонова, на которых «смотрели как на кретинов»* (З. Прилепин «Мы эту обстановку накричали» // Аргументы и факты, 2022, № 28. С. 19). Однако события после 2014 г. и тем более – после начала СВО наглядно показали, кто был прав в оценке европейских «демократий».

Результаты ориентации на Запад не замедлили сказаться на языковой компетентности молодого поколения: *«Сегодняшние дети отлично знают, что такое «хейтер» или «буллинг». Но при этом не понимают русскую классическую поэзию – слова им не знакомы* (Е. Сердечнова «России хотят вернуть русский язык» // Культура, 2022, № 12. С. 15). И множество авторов

считает эту проблему искусственно созданной и поддерживаемой, поскольку она является частью внутреннего и внешнего политического процесса.

До недавнего времени вполне верным было наблюдение А.И. Дьякова: «Люди с высшим образованием (в основном молодого и среднего возраста) принимают процесс вхождения англицизмов в русский язык как нечто естественное, в то время как люди без образования настроены более воинственно к этому процессу, считая, что англицизмы не обогащают словарный запас родного языка, а являются угрозой для его развития. Люди с образованием считают необходимым для себя знать заимствованные английские термины из области экономики, бизнеса и услуг» [Дьяков, 2015, с. 297]. Однако после 2014 г. и тем более после начала СВО общество, на наш взгляд, стало гораздо более консолидированным в том числе и в отношении к англицизмам. См. подробнее об этом во второй главе.

Выводы по главе I

Конфликт как социокультурный и коммуникативный феномен является амбивалентным, поскольку может быть как деструктивным, так и конструктивным, приводить к позитивным результатам, корректировать и гармонизировать различные точки зрения, в том числе, за счет выбора стратегий общения в различных коммуникативных стилях.

Очевидна потребность в специальном изучении конфликта, в разработке теории конфликта как отдельной области знания, то есть в создании особой науки – конфликтологии.

Общая конфликтология включает в себя несколько частных разделов, среди которых особое место занимает лингвоконфликтология, изучающая лингвистические (речевые, вербальные) конфликты. Лингвоконфликтология сформировалась и активно развивается как особое направление междисциплинарной науки, причём её справедливо считают

результатом развития и детализации (специализации) юридической лингвистики. Это формирующееся направление, которое, однако, постоянно расширяет сферу своего применения.

Конфликтогенными могут быть единицы всех уровней языка – от морфемы до грамматической формы и синтагмы. Даже непарарадигматическая грамматика может оказаться источником конфликта (характерный пример – роль предлогов в сочетаниях «на Украине» – «в Украине»). Самыми частотными конфликтогенами, безусловно, являются единицы субстандарта (просторечие, жаргон), инвективы и обсценизмы. Конфликтогенность языковой единицы определяется по соответствующему устойчивому перлокутивному эффекту.

Вербальные конфликты дают материал для языковой стратификации общества, для анализа речевых предпочтений разных слоёв общества, поскольку «неприятие» слова или словоформы есть важная социальная характеристика субъектов речи.

С конца XX в. такими частотными конфликтогенами в русском языке стали англизмы. Навязывание английского языка как языка институционального общения в ущерб национальным языкам стало именоваться «лингвистическим империализмом», что ассоциировалось с политикой англосаксонского мира, нацеленной на захват культурных, ментальных и языковых пространств.

Для социума, рассматривающего глобализацию как единственно возможный вариант развития, характерна ориентация на западный образ жизни, на ассимиляцию с западной культурной моделью и на особый тип мировидения – космополитизм. Но Россия выбрала путь суверенного развития с опорой на традиционные ценности и собственную идентичность. Сегодня актуален вопрос о кризисе либерального миропорядка и деглобализации как возможности освободиться из-под гегемонии англоязычного мира и обрести свой путь независимого развития.

Гибридная война, которая ведётся сегодня против России, составной частью имеет информационную войну – вербальную прежде всего, и это придаёт особую значимость языковой политике, проводимой в нашей стране. В современных условиях избыточные иноязычные слова правомерно рассматриваются как не меньшая (а может и большая!) деструкция, чем обсценизмы и инвективы в публичной коммуникации.

ГЛАВА II

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

2.1. Традиционные факторы, определяющие конфликтный потенциал заимствований

2.1.1. Агнонимия

Новейшие англицизмы в русском языке порождают агнонимию – непонимание или недопонимание в процессе коммуникации, когда слово неизвестно совсем, либо знание о его значении приблизительное, неточное. Коммуникативные риски такого плана возникают по многим причинам, и неадаптированные заимствования – одна из них. Среди прочих причин на первом месте стоит, безусловно, функциональная неграмотность [Хазагеров, 2020, Барабаш, 2025 и мн. др.].

Абсолютное или частичное непонимание смысла информационного сообщения, его неточная интерпретация, «семантическая пустота текста для читающего и слушающего, возникающая при неоправданном использовании англоязычной заимствованной лексики» [Гуляева, 2018, с. 146], – это одна из самых явных деструкций в современной коммуникации. Медийные объявления о вакансиях непонятны из-за «экзотических» названий – мерчендайзер, промоутер, трейдер; в выступлениях политика или чиновника деактуализируется закодированная информация, если в качестве кода используются семантически не освоенные англицизмы. Ср. мнение известного политолога Сергея Михеева:

«Последний раз я возмущался насчет слова «релоканты». Кто такие? Понять невозможно. Я уверяю, что огромное количество людей в нашем государстве не понимает, не понимает, о чём идёт речь, — им надо специально

разъяснять. Почему люди должны жить в своей стране, разговаривать на своём языке (в школе их учили русскому языку), и вдруг от государственного деятеля слышат слово, которое надо специально объяснять? Он его понимает, а 100 млн граждан не понимают. Не 100 млн тебе должны, а ты должен говорить на таком языке, который эти 100 млн понимают! Когда человек доказывает свою состоятельность посредством жонглирования непонятными словами, это признак пустоты» (Телепередача «Поле битвы» канала «Спас» от 15 августа 2025 г.). По поводу слова «релоканты» высказался и политолог Яков Кедми, сказавший, что такими словами мы уродуем русский язык («Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым», 2 ноября 2025 г.).

Законодательно запрещено использование в рекламе иностранных слов, которые могут быть непонятны. В начале двухтысячных реклама «Вас ждет отличный шопинг» воспринималась как пример нарушения пункта 1. ст. 5 Закона 2006 года «О рекламе», который содержит указание на то, что «В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации» см.: [Некрасова, 2007].

Прошедшие с тех пор два десятилетия показали, что, с одной стороны, закон в течение всего этого времени безнаказанно игнорировался, а с другой стороны – конкретно этот англицизм для большинства носителей русского языка перестал быть агнонимом (при том, что позитивного отношения к нему не прибавилось). Конечно, сформировались семантические и прагматические детали, отличающие его от русского аналога (аналог – покупки – плохо передаёт процессуальную девербативную семантику и вообще мало соответствует изменившемуся миру потребления, где шопинг – это протяжённый во времени, приятный процесс). Но предпочтение своему слову заимствования – это «в известном смысле предательство» [Мониава, 2016, с. 298–299], и оно чревато последствиями. Ср. немыслимое сочетание икона-шоп – название торговой точки, где торгуют церковной утварью [Барабаш, 2023].

Применительно к российской ситуации «наличие в массовом обороте множества англицизмов способно привести к парадоксальному выводу: для полноценного восприятия современной русской речи необходимо хорошее знание англо-американского лексикона. применительно к российской ситуации» [Васильев, 2022, с. 41]. В перечислениях канонических качеств хорошей речи на первое место всегда ставится ясность, то есть доступность смысла речи для реципиента, без этого качества все другие характеристики не имеют значения. Ясность – качество речи, которое определяется на основе её соотношения с возможностями восприятия. В.В. Ингул пишет, что «для нивелирования агнонимических процессов в языковом сознании россиян следует контролировать использование англицизмов» [Ингул, 2023, с. 116–117].

Как подчёркивается в определениях агнонимии [Морковкин, 1997; Котцова, 2019а, 2019б; Ингул, 2023 и мн. др.], она имеет место, если сведения о семантике и pragmatike слова неточное, приблизительное, ср.: «При продуцировании текста неизвестная лексика, естественно, не используется, включение же в речевое произведение квазизвестных слов создает достаточно распространенный тип лексических ошибок» [Буряк, 2015, с. 55]. О неуместном, ошибочном, искажённом употреблении иностранных слов писал ещё В.И. Ленин (пример с заимствованием «будировать», которое ошибочно ассоциировалось со словом «будить»). Сатирик М. Задорнов много усилий посвятил разоблачению искажённого, примитивного английского на русской почве:

«Вообще больше всего российское скудоумие ощущается по молодым официантам и менеджерам.

– Какое вам приготовить мясо: вэлл или не вэлл?

– Во-первых, правильно говорить не «вэлл», а «вэлл дан». А во-вторых, я тебе дам чаевые, если ты этот же вопрос задашь по-русски.

– Так я же вас по-русски спросил.

- *А если я хочу по-другому, какие еще варианты предложишь?*
- *Медиум.*
- *А среднее приготовить можешь?*
- *Мы среднее не готовим, только медиум.*

Вот такие уроды появились в России! У моего бывшего однокурсника секретарша, когда ее спрашивают, кем она работает, гордо отвечает: «Я секретарь-референдум»... (М. Задорнов «Англовирус» // Советская Россия, 15 декабря 2015 г.). Ср. также призыв «устранить «англомутъ», создающую «языковой засор» (Б. Евсеев «Инфразвук и валдайские колокольцы» // Литературная газета, 2023, № 49. С. 9).

Частичная агнонимия, когда имеется иллюзия понятности, порождает разного рода коммуникативные неудачи и даже конфликты. Агнонимические ошибки, конечно, индивидуальны, однако в определении агнонимов [Морковкин, 1997] подчёркивается и то, что это «лексические и фразеологические единицы родного языка, неизвестные, малопонятные или непонятные многим его носителям». Поэтому очевидно, что могут быть определены целые пласти лексики, которые заведомо будут порождать агнонимию. Это слова лексической периферии – архаизмы, историзмы, неологизмы, терминологическая и околотерминологическая лексика, а также заимствования, процесс ассимиляции которых ещё не завершён. Сто лет назад князь С.М. Волконский, театральный деятель, критик и мемуарист, заметил: «Влияние иностранного слова несомненно расслабляющее, когда говорящий не сознает под ним корней. Как всякое полузнание, оно хуже незнания, все равно как полуистина есть заблуждение» [Волконский, 1992, с. 46–47]. Об этом же говорит во многих телепередачах известный политолог Сергей Михеев: «*Мы очень переживаем по поводу положения русского языка в других странах (это правильно, особенно в постсоветских), но в своей стране с русским языком есть очевидные проблемы. Огромное количество немотивированных заимствований, ничем не обоснованных иностранных слов, многие из которых часть граждан не понимает, переполненные*

иностранными непонятными словами выступления государственных деятелей, чиновников и политиков, которые должны представлять интересы общества и государства, а говорят на непонятном для огромного количества граждан языке» (Телепередача «Поле битвы» на канале «Спас» от 15 августа 2025 г.).

Очевидно, что типичные агнонимические ситуации возникают под влиянием социокультурных обстоятельств, в нашем случае – под влиянием неконтролируемого, массированного проникновения англизмов. А.В. Ноздреватых пишет: «Фактом, признанным филологами, культурологами, социологами, является идеологический приоритет иностранного слова для самих носителей, поэтому рядовой носитель русского языка, услышав хотя бы раз незнакомое, но «привлекательное» слово, не задумывается над его этимологией и значением, а видит перед собой лишь заманчивую возможность именно такими словами разнообразить собственную речь <...> и использует иноязычные слова интуитивно, не зная точного значения слов, не понимая сущности обозначаемых явлений» [Ноздреватых, 2020, с. 219]. Указанный автор отмечает, что в тестах на знание англизмов люди нечасто выбирают вариант «воздержаться от ответа», но предлагают такие объяснения значений заимствованных слов, которые весьма далеки от правильных. Важно, что подчёркнут и побудительный мотив к использованию непонятных или мало понятных англизмов – привлекательность, престиж, мода. Но «нельзя забывать, что всякая мода чревата перебором, безвкусицей, и модное слово, особенно иностранное, надо употреблять не для того, чтобы отличиться, а только для того, чтобы лучше донести свою мысль до собеседника. Делать это надо с толком и со вкусом, так же, как надо уметь носить модную одежду» (Интервью с Вл. Новиковым «Жизнь – это соавторство» // Литературная газета, 2023, № 9. С. 10). При отсутствии таких качеств, как точность и компетентность, иноязычное слово может стать источником ущербной коммуникации.

2.1.2. Агрессивная неэкологичная коммуникация

Вторая угроза, провоцирующая конфликтные ситуации, – это формируемая англицизмами агрессивность коммуникации. Н.Е. Петрова и Л.В. Рацибургская подчеркивают, что одним из проявлений вербальной агрессии служит «немотивированное использование иноязычных элементов, которые часто служат не целям номинации или уточнения существующих понятий, а используются чисто в рекламных целях, в целях агрессивного воздействия на читателя или слушателя» [Петрова, Рацибургская, 2011]; см также Зоринич, 2020; Изюмская, 2013. Сам наплыв англицизмов в русский язык справедливо считают проявлением агрессии: «... вторжение англицизмов носило агрессивный характер, и местами казалось, что это была спланированная акция, чтобы максимально размыть русский язык как основу суверенной культуры» (С. Михеев в телепередаче «Поле битвы», канал «Спас», 15 августа 2025 г.). Ср. использование англицизма в конструкции множественного пейоративного: «Житья нет от всяких «девелоперов», и даже привычную продукцию (латинского происхождения) теперь на саксонский манер переделывают в «продакшн». Надеюсь, что со временем произойдет естественная депортация незаконных слов-мигрантов» [Новиков, 2016, с. 243].

К новым феноменам общественной жизни XXI в. относят «коммуникативные агрессии». «Коммуникативные агрессии возникают / организуются с целью нанести оппоненту / противнику максимальный идеино-политический и культурно-нравственный ущерб; представляют собой острую fazu борьбы ценностей, когда результатом воздействия на общественное сознание должна стать замена общепринятых смыслов бытия на новые» [Сидоров, 2020, с. 319; см. также: Сидоров, 2018; Sidorov, 2016]. Л.Н. Саакян [2025, с. 313] указывает на смешение понятий «речевая агрессия» и «дискомфортная интеракция».

Для квалификации высказывания или текста как агрессивных важно не только, что сказано, но и для чего сказано, то есть анализ вербальной агрессии

неотделим от понятия интенциональности и других категорий лингвопрагматики. Речевая агрессия как коммуникативное и прагмалингвистическое явление не может рассматриваться без учета функции высказывания в широком контексте ситуации.

Ещё в начале 90-х гг. XX в. было отмечено, что использование иноязычных единиц (особенно – нетранслитерированных) выполняет функцию «агрессивной демонстрации языковой компетенции» [Кириенко, 1992]. Ю.Н. Караулов писал о «гордыне знающего иностраные языки перед незнающими их» [Караулов, 1995, с. 20]. Исследователь макаронизмов английского происхождения в русском языке В.С. Норлусенян [2000] отметил агрессивную стратегию медиа рубежа веков, которую можно сформулировать словами: «Мы говорим на престижном модном языке, и нам неважно, понимают нас или нет». Имелось в виду, главным образом, то обстоятельство, что медиа заполонили многочисленные англицизмы, хлынувшие вследствие «внезапной доступности некогда табуированной массовой западной культуры» [Ингал, 2023, с. 116]. Традиция обязательно давать пояснительные сведения, подстрочные комментарии для макаронических вкраплений перестала соблюдаться. Заметим, что сегодня эта традиция в известной мере культивируется, ср.:

«СЛОВАРИК «КП»

«Тренд – устойчивое направление развития в какой-то сфере.

Old money – стиль одежды, который ассоциируется с унаследованным богатством, которое не выставляется на показ. Он выражается в качественные тканях, нейтральных оттенках, лаконичном кроем и минимализме в использовании аксессуаров.

Шопер – изначально вместительная сумка для покупок с двумя ручками и одним отделением, сейчас стала модным аксессуаром и украшается на любой вкус и цвет» (А. Будаева «Кокошник из загашника» // Комсомольская правда, 15-22 октября С. 38).

Как видим, статья о модных тенденциях сопровождается «Словариком «Комсомольской правды», где разъясняются использованные в ней англицизмы, в том числе и хорошо известные (тренд). Но, конечно, пока это скорее исключение из обычных практик.

Характерно, что внедрение иноязычных обозначений может спровоцировать реальный конфликт, который привел к судебному иску, связанному с защитой чести, достоинства и деловой репутации, предъявленному истцом ответчику в результате их коммуникации.

О.П. Семенец [2021, с. 19] приводит текст интервью К. Собчак у незнакомой девушки на ПЭМФ в июне 2021 года, которое спонтанный характер и отражает общение с незнакомым адресатом в ситуации публичной коммуникации:

«Собчак: – *Скажите, на какую панель вы пришли? Или обсуждать что? Или вы журналист?*

Троицкая: – *Вы перешли сразу на оскорбления, я это ожидала*.

Ясно, что под «панелью», имелась в виду «панельная дискуссия», однако слово интерпретировано как оскорбление, поскольку, «связанное с глаголом движения, оно образует в том числе идиому: «идти на панель» в значении «становиться проституткой». Расценив такое словоупотребление как намек, несущий репутационные потери, юрист Троицкая перевела речевой конфликт в конфликт правовой» [там же]. Ср. также: «*Когда на научных конференциях говорят «панельная дискуссия» (заимствованное английское panel discussion, что значит «секционная дискуссия»), это и вовсе отвратительно. Первая ассоциация – с выражением «стоять на панели».* Получается, что научная среда сама же уродует язык» (Интервью с лингвистом И. Анненковой «Сбережём язык – защитим сознание // Аргументы недели, 2025, № 26. С. 3).

Как известно, основным верbalным средством выражения агрессивности всегда считалась оценочная лексика, обсценизмы и инвективы [Давтянц, 2024; Лю, 2024]. Однако и заимствования, прежде всего –

семантически не освоенные, могут быть расценены как проявление агрессивности. С их помощью активизируется дихотомия «свой» – «чужой», что чревато реальными конфликтами. Перлокутивный эффект новейших англицизмов нередко состоит в создании конфликтной ситуации (что отражается в многочисленных публичных дискуссиях о мере использования англицизмов), поэтому вполне правомерно считать их не только конфликтогенными, но и агрессогенными, то есть генерирующими образ субъекта агрессивных высказываний. «И если родной язык формирует и хранит человека и нацию, то инородный язык очень часто используется для разрушения, порабощения» [Курочкин, 2015, с. 121].

Итак, если понимать агрессию как действие, нацеленное на причинение ущерба, то массированное использование англицизмов как орудия русофобии вполне подпадает под такое определение. Другое дело, что в лингвистике распространено узкое понимание речевой агрессии – только как прямого оскорбления с применением грубой брани, враждебных замечаний и угроз [Закоян, 2010; Щербинина, 2012, Филиппова, 2024 и мн. др.]. Реже под коммуникативной (вербальной) агрессией понимают конфликтогенное речевое поведение с такими его проявлениями, как доминантный тип общения и нарушение этикетных норм. Агрессия представляется социopsихологическим явлением, которое имеет вполне чёткие лингвистические проекции. Массированная англизация русскоязычного мира может быть расценена как агрессивное вторжение в когнитивное пространство представителей русской лингвокультуры.

Языковая коммуникация является центральным компонентом психосферы человека, и её трансформация под воздействием массированной и целенаправленной англизации есть не иное, как агрессия. А.П. Сковородников ввел в научный оборот понятие «языковое насилие», под которым понимается «открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) или его

поражение в полемике – в пользу адресата» [Сквородников, 1997, с. 10]. Нельзя сказать, что это понятие стало широко применяться. Дело в том, что предложенная трактовка языкового насилия вполне укладывается в понимание более привычного терминологического сочетания – речевая (вербальная, коммуникативная) агрессия. Ср. также приписываемую англизмам «функцию захвата языкового пространства» [Бирюкова, 2021]. Указанный автор полагает, что «иностранные слова в качестве агрессивного маркера печатного текста можно рассматривать в случае намеренного употребления заведомо непонятного или незнакомого слова иноязычного происхождения с целью давления на адресата, его унижения, результатом чего является изменение коммуникативной ситуации в пользу адресанта» (там же).

Более эмоциональное определение языковой агрессии предлагает С.Г. Кара-Мурза [2004] – «семантический террор». Семантика новейших заимствований непонятна, даже чужда носителям русского языка, и обилие таких семантически опустошённых англизмов делает тексты невнятными.

Агрессивная англизация в ряде случаев представляет собой не что иное, как «языковую русофобию», которая есть часть русофобии как таковой. Для обозначения политики подавления какого-либо языка ряд авторов [Сквородников, 2013; Марусенко, 2024] используют термин «лингвоцид» (который, естественно, соотносится с номинацией «геноцид»: компонентом – цид передаётся смысл ‘убийство, уничтожение того, что названо первым компонентом слова’).

Итак, средством объективации речевой агрессии могут быть не только явные деструктивы – обсценизмы и инвективы. Агрессивная функция англизмов в дискурсе может быть установлена не анализом форм или жанров, а с учётом плана содержания – имплицитных агрессивных смыслов. Агрессивность, как правило, препятствует осуществлению основных задач эффективной речевой коммуникации, поэтому сформировались сценарии контрагressии (см. раздел об импортозамещении).

2.1.3. Манипулятивное использование заимствований

Вербальной манипуляции посвящён большой массив работ отечественных и зарубежных лингвистов [Медведева, 2023; Моролов, 2016; Новикова, 2023; Радбиль, 2022; Klejberg, 2013; Maillat, 2014; Mills, 2014; Rashkin, 2017; Wood, 2014 и мн. др.]. Можно указать два противоположных подхода к пониманию этого явления: 1. расширительное толкование, при котором манипуляция признаётся неотъемлемым признаком любой коммуникации; 2. Трактовка манипуляции только как деструктивного речевого воздействия. Многие авторы главным признаком манипуляции считают скрытный характер воздействия [Насавартиян, 2017; Брусенская, Куликова, 2016 и мн. др.], отсечение адресата речи от независимых источников информации, позволяющих объективно и в полном объёме воспринимать информацию. Это в принципе некорректный, даже нечестный прием, что имплицитно передано в определении В.И. Карасика, который считает, что манипуляция – это «двуплановый коммуникативный поступок с демонстрируемой интенцией принести благо кому-либо и скрываемой интенцией получить выгоду», который «противопоставляется в структурном плане одноплановым, в функциональном отношении – полиинтерпретируемым и моноинтерпретируемым целостно-маркированным действиям» [Карасик, 2015, с. 232]. И.В. Беляева разграничивает понятия «манипуляция» и «обман» на основании «противопоставленности различным типам истины – гносеологической и онтологической. Установление гносеологической истины требует анализа того влияния, которое оказывается высказыванием (текстом) на адресата» [Беляева, 2009], то есть погружения в область интенционального.

Итак, манипуляция – особый тип деструктивного воздействия, который отличается от честного убеждения с помощью логических аргументов и от директивного приказа; это скрытое (тайное) воздействие, цели которого не

очевидны. «Любое манипулятивное воздействие является стратегией контроля агента над пациентом в ситуации, когда агент намеренно избегает прямого принуждения, преследуя тем не менее собственные цели, идущие вразрез с целями и rationalностью пациента. В этом заключается отличие манипулятивного воздействия от убеждения и открытого влияния, которые в каждом случае их применения основаны на прямом и открытом посыле» [Боярская, 2023, с. 58].

Некоторым коммуникативным средам приписывается неизбежное и тотальное манипулирование: считается, например, что политический дискурс или коммерческая реклама немыслимы без манипуляций общественным сознанием. Однако более правомерная точка зрения состоит в том, что манипуляция как деструктивное явление не может быть характеристикой жанра как таковой, она может быть присуща только конкретным текстам того или иного жанра. [Беляева, 2009; Карамова, 2016]. Труды, посвященные политической коммуникации и рекламистике, включают в том числе и образцы честного убеждения в этих сферах [Тоцкая, 2023, Хазагеров, 2002; Баранов, 2025 и мн. др.]. Но справедливо и то, что в указанных сферах проблема манипулятивных подмен стоит особенно остро. О заимствованиях, направленных на «затуманивание», «размывание» приводимой фактической информации, на намеренное создание информационной двойкости, даже многозначности, либо неясности» говорится в работе: Погорецкая, 2021. Ср. также: «Учитывая всё более растущее количество англицизмов в политическом (наряду с экономическим) дискурсе, стоит задаться вопросом: а не стоит ли за этим активным внедрением иностранных слов стремление закамуфлировать жесткую реальность в попытке как можно меньше шокировать аудиторию? Если неясность – это «необходимое зло», к которому вынуждены прибегнуть политики в процессе коммуникации друг с другом, то она становится намеренной и манипулятивной в ситуации, когда политик общается с потенциальным избирателем [Погорецкая, 2024, с. 124]. Цитируемый автор сделал свой вывод на материале англицизмов в

современном итальянском языке, однако думаем, что сказанное справедливо по отношению и к русскоязычному политическому дискурсу.

«Манипуляция означает недостаточность или чрезмерность одного содержательного компонента относительно другого в речевом знаке» [Погорецкая, 2022, с. 11]. При таком подходе само изобилие англицизмов в лингвокультуре правомерно характеризовать как манипуляцию общественным сознанием.

А.Б. Бушев [2007, с. 73–75; 2004, с. 354–355], И.В. Беляева [2009, с. 120] указывают на эвфемистическую функцию англицизмов: секьюрити вместо обслуга, рэкет вместо вымогательство, секвестирование вместо сокращение, киднеппинг вместо похищение детей с целью выкупа. Конечно, за последние два-три десятилетия эти англицизмы стали привычными, семантическое освоение их завершилось и они вряд ли сегодня могут быть использованы для внесения намеренной неясности.

Хорошо известно, что заимствования, особенно неассимилированные, не обладающие внутренней формой в принятом языке, нередко используются в манипулятивных целях: «с помощью заимствований последнего времени осуществляется манипуляция индивидуальным и общественным сознанием» [Васильев, 2003, с. 128]. Если главным признаком манипуляции считать скрытое воздействие, то иноязычные слова, лишённые образности, парадигматических и синтагматических связей в языке-рецепторе, лучше других языковых единиц годятся для манипуляций. «Часто иностранными словами заменяют русские для того, чтобы не дать понять смысл процесса. Когда вы говорите: «Язык умирает», это ясно передаёт смысл процесса – он становится страшным и доходит до души. А когда говорите: «Это кризисные явления, местами деградация на периферии»... Для многих это белый шум <...> Я думаю, что очень часто иностранными словами насыщают язык для того, чтобы спрятать реальный смысл» (С. Михеев в телепередаче «Поле битвы», канал «Спас», 15 августа 2025 г.).

Давно замечено, что для манипуляций не используются слова с прозрачной семантикой, сформировавшейся прагматикой, и, наоборот, для «напускания тумана» хорошо подходят семантически расплывчатые слова. Недаром в западной юридической лингвистике огромное внимание проявляется к таким аспектам, как семантическая расплывчатость слов.

В русском языке расплывчатая семантика и несформировавшаяся прагматика характерны для новейших англизмов. Манипулятивная функция их состоит и в том, что они способны камуфлировать отвратительные явления (буллинг). Ср. пример того, как англицизмы из наркосферы выалируют проблемы: «Какие еще пушеры и драгдиллеры – барыги, каннибалы, людоеды. Вбиваются такая терминология, которая «роняет» проблему, успокаивает людей» (Наркология, 2007, № 5, с. 24); см. подробнее: [Брусенская, Куликова, 2018].

В трудах, посвящённых речевому манипулированию, разграничиваются приемы положительной (по отношению к самому себе) и отрицательной (по отношению к оппоненту) манипуляции. Думаем, что англицизмы, используемые исключительно с целью позиционировать себя как компетентного, «продвинутого», современного и т. п. коммуниканта есть не что иное, как манипуляция. А именно такая интенция, как убедительно показано во многих исследованиях, чаще всего определяла выбор англицизмов в масс-медиа, в политическом дискурсе, в межличностном общении и даже в языке науки. Ср.: «Заимствование обладает манипулятивной функцией, под которой следует понимать психологическое воздействие на человека, целью которого является достижение перлокутивного эффекта: адресат будет совершать действие в интересах адресанта» (Федулова, 2025, с. 16].

Правомерно рассмотрение манипуляции как неотъемлемой части современных информационных войн. Под информационной войной понимается противоборство сторон из-за конфликта идеологий, осуществляемое путём различных мер воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления. Информационная война имеет сложную

гетерогенную систему. Её цель – «приобретение информационного превосходства над партнёром по интеракции, изменение его неречевой деятельности» [Муравлева, 2022] Акторы данных «сражений» умышленно искажают как объективные факты, так и этико-речевые нормы коммуникации. Последнее проявляется в том числе в массированном использовании англицизмов. Так что борьба с чрезмерной англизацией есть в том числе борьба за информационную безопасность.

Стало общим мнением, что «главные сражения новейшего времени будут в сфере интеллектуальной войны» [Знак, 2025], и стал популярным термин «гибридная война (англ. hybrid warfare)». Без классического военного вторжения осуществляются такие враждебные действия, как диверсии в информационно-духовной сфере и скрытные операции по дестабилизации обстановки. Военные эксперты и политологи, описывая современные гибридные войны, отмечают в числе прочего их нацеленность на «коспомополитизацию», то есть «разрушение национальных ценностей и их замещение иностранными [Сивков, Соколов, 2023]. Последнее напрямую связано с языком – с приоритетом того или иного языка (автохтонного или привнесённого) в целом или с ориентацией по преимуществу на собственные языковые ресурсы либо на масштабное заимствование.

2.2. СВО как катализатор изменений в русской лингвокультуре и проблема иноязычного влияния

Психолингвистические и социальные причины современной экспансии англицизмов многократно были предметом научной и публицистической рефлексии. Общим местом стало утверждение, что массированная англизация есть не что иное, как следствие низкопоклонства перед всемогущим западным миром, «старшей цивилизацией». Такой менталитет отражает «комплексы 90-х», стремление стать своими в «цивилизованной Европе» – «хотя бы на правах

младшего придурковатого брата», как язвительно писал Юрий Поляков (Поляков Ю. «Если некому придумать новую сказочную историю, приходится до бесконечности увеличивать уши у Чебурашки» // Культура, 28 декабря 2023 г.).

К концу 10-х гг. XXI в. в отечественной публицистике не менее отчётливо прозвучала мысль о том, что духовная составляющая нашего общества (в которую входит, помимо норм, ценностей, обычаев, также и язык) подверглась хорошо спланированной подрывной деятельности. Распространение английского языка стало главным средством формирования ангlosаксонских ценностных ориентиров. Безобидное, на первый взгляд, и даже полезное явление – распространение английского языка стало всё чаще восприниматься в качестве важнейшего инструмента идеологической войны. Традиционное понимание языковых контактов и их нейтральная оценка, согласно которым язык-рецептор, сообразно со своими внутренними потребностями, обогащается за счёт заимствемых элементов, оказались не отражающими современные реалии. Язык-донор может играть агрессивную роль, особенно в условиях неспособности противостоять влиянию, в условиях отсутствия внятной языковой идеологии и политики.

Маргинализация русского языка проявляется в снижении его роли в формировании личности человека. «Массированный приток англизмов приводит к тому, что они становятся «моделями» для дальнейшего языкового поведения, не характерного для русской культурно-языковой традиции» [Бойко, 2016, с. 10]. В исследовании указанного выше автора приводятся данные, полученные в результате анкетирования респондентов, обучающихся в вузе, которые по разным основаниям предпочитают английский язык русскому: «Люблю английский больше, чем русский». Естественно, что приоритетом стали западные ценности, например – культивирование личного успеха. «Даже исконно русское слово «успешный» зазвучало с английским акцентом. Прежде оно сочеталось только с названиями дел, мероприятий: успешная акция, успешный матч. Теперь у нас по аналогии с английским

“successfull” появились успешные люди, прежде всего бизнесмены и шоумены» [Новиков, 2007]. Расширение синтагматики слова «успешный» есть результат семантического калькирования (successful writer, hi is success – буквально ‘он – успех’, то есть он добился успеха). В коллективной монографии: [Брусенская, Барабаш, Куликова, 2022] авторы приводят примеры нарушения этико-лингвистических норм со словом «успешный». По их мнению, кощунственно звучит определение «успешный» применительно к книге Н. Островского «Как закалялась сталь»: «Нужно быть совершенно равнодушным к подвигу Островского, чтобы применить к судьбе его книги слово «успех». И нужно быть в высшей степени нечутким к словесному оформлению мысли, чтобы роль, влияние романа «Как закалялась сталь» на советских людей 30-х годов характеризовать с помощью этого слова» [Брусенская, Барабаш, Куликова, 2022, с. 16)].

Многие авторы [Артемьев, 2020; Бойко, 2014, 2016; Брусенская, 2016; Киреева, Казютина, Сурова, 2020] писали о необходимости «минимизировать ресурсы вне системы родного языка» и отмечали, что проблема не решится только усилиями лингвистов: это дело всего общества во главе с правительством. Им, однако, противостояли те, кто полагал: язык сам во всём разберётся, катастрофы нет; ср. название статьи М.А. Кронгауза «Язык, когда мы не регламентируем его, не вмешиваемся, – мудрее нас» (газ. Культура, 25 февраля 2021 г. С. 13).

На отношение к англизации решающее влияние оказало начало СВО: окончательно прояснилось то обстоятельство, что нам противостоит не Украина, а «коллективный Запад». СВО стало «точкой невозврата» не только в сфере духовной жизни, но и в использовании языка: то речевое поведение, которое было вполне приемлемым прежде, оказывается невозможным в новых условиях. Если в конце 90-х – начале 2000-х макаронизмами английского происхождения, которые были у всех на слуху, обозначались полезные вещи (шампунь Head@Shoulders), то теперь ими называются ракеты натовского производства – HIMARS, TAURUS, ATACMS. «Мы сейчас английский

изучаем по названиям ракет, которые летят по нашим парням на передовой и по мирным городам» (А.Новиков «О политике, войне и шоу-бизнесе» // Аргументы недели, 2024, № 23). В этих условиях вполне закономерными стали изменения в общественном сознании россиян, взгляды на роль национальной идентичности и языкового суверенитета в достижении результатов СВО. Ср. и такое важное наблюдение: «... нельзя не отметить неприятие иностранной речи участниками СВО, вернувшимися с фронта. Даже музыкальные англоязычные произведения вызывают у них раздражение и агрессию. И их можно понять, так как «язык врага», который они слышали там, в зоне СВО, и тот же язык в музыкальных композициях, звучащих на радио здесь, – вещи для них несовместимые» [Шишкина, 2024, с. 75]. В нашем искусстве, прежде всего – в советском кинематографе отражено сходное отношение рядовых граждан к немецкому языку во время Великой Отечественной войны (ср. фильмы «Я родом из детства», «На войне как на войне», «Путь в «Сатурн» и др.). Но и во время войны с фашистской Германией никто не отменял на государственном уровне ни немецкий язык в школах, ни европейскую культуру (ср. современную откровенную русофобию и политику «отмены России в странах Запада). *«Даже сейчас, при всех понятных в ситуации СВО ограничениях, смысловое пространство в России гораздо более разнообразно, нежели выжженный оруэловский ландшафт стран «западного лагеря»...»* (Власов П. «Великое разделение» // газ. «Культура», 2024, № 9. С. 2).

Активная фаза событий на Украине была названа специальной военной операцией, но её быстро переименовали в Великую Отечественную специальную военную операцию. Первым, по-видимому, применил эту атрибуцию протоиерей Андрей Ткачёв, увидевший в СВО «по-настоящему экзистенциальное событие, которое ставит на карту не чью-либо прибыль или убыток, а существование всего мира. Не только России, а мира в его привычном формате, то есть сохранение библейского человека» [Ткачёв, 2022]. Сегодня всё чаще говорят о том, что идёт полномасштабная война с НАТО; в 2025 году даже в официальном дискурсе – в речах президента В.В.

Путина и его пресс-секретаря Д.С. Пескова – наряду с номинацией Специальная военная операция появляется и слово «война».

Есть мнение, что «СВО необходимо рассматривать как «пятую русскую революцию»: первая – 1905 г., вторая – февраль 1917 г., третья – октябрь 1917 г., четвертая – 1991 г.» [Латыпов, 2024, с. 130]. Р.Ф. Латыпов исходит из того, что «революция не обязательно носит характер политического свержения существующей власти восставшими угнетенными классами, что наиболее успешной революционной трансформацией была, например, Война за независимость в США» (там же). Кроме того, указанный автор полагает, что СВО можно считать и «отложенной гражданской войной», неизбежной после незаконного расчленения СССР.

СВО стала катализатором многих важнейших процессов в духовной жизни нашего общества. Писатель Ю. Поляков так передаёт свои впечатления: «...я буквально физически ощущаю, как рушатся в обществе либеральные химеры, симулякры общечеловеческих ценностей, гипнотическая вера в западные «потёмкинские деревни», всё то, что так долго и искусно нам навязывалось» (Поляков Ю. О «либеральных химерах», СВО и свите Путина // газ. «Аргументы недели», 12 ноября 2024 г.). Показательно исследование С.О. Макеевой о контекстах синтагмы «американская мечта»: «Логично предположить, что в России закрепленная в период перестройки когнитивная парадигма американской мечты как эталона личностного роста и самореализации с началом СВО претерпела кардинальные изменения» [Макеева, 2024, с. 177–178]. В отличие от предшествовавших десятилетий, типичные контексты 2020–2023 гг. – это «американская мечта рухнула/рушится, рассыпается, растряслась по ухабистым российским дорогам, осыпается, мертва, умерла, давным-давно умерла, погибает, оказалась под вопросом, изменилась, угасает, деградировала, исчезла» и т. п. [там же]. Активно обсуждается вопрос о формировании собственных духоподъёмных идеологем. Отражением СВО стал феномен так называемой «Z-культуры», которая опирается прежде всего на национальные традиции.

Многие учёные и публицисты увидели в СВО восстание РФ против неоколониальной политики стран Запада с их «миром, основанным на правилах». И общество ощутило потребность в «языке сопротивления» [Сквородников, Копнина, 2022, с. 39]. Этот язык во многих чертах уже обрисован. Отмечено возвращение с далёкой периферии пафосных лексем «герой», «патриот», «патриотизм» и под. Пятнадцать лет назад Захар Прилепин писал, что слово «герой» употребляется не иначе как с кривой ироничной усмешкой: «герой, блин»; см. анализ этого явления в: [Коростелёва, 2015, с. 5]. Сегодня это одно из самых частотных слов в описаниях СВО, и никому в голову не приходит иронизировать на эту тему.ср. также знаковое название президентской кадровой программы «Время героев». Об активизации лексем «патриот», «патриотизм» см.: [Усенко, 2024].

Кардинальный перелом в общественном сознании находит отражение и в практике использования иноязычных слов. Во время СВО стало нетерпимым то, с чем прежде мирились и даже оправдывали, – избыточное заимствование, продиктованное не языковыми (коммуникативными) причинами, а идеологией «встраивания» в европейский «цветущий сад». Над этой метафорой из печально знаменитой речи Жозефа Борреля многократно иронизировали многие медиа (например, А. Бобровский в ток-шоу В. Соловьёва сказал, что «по этому саду райскому, можно сказать, вишнёвому, конечно, уже звонит колокол: его уже рубят» (Вечер с Владимиром Соловьёвым, 20 февраля 2025 г.).

И всё-таки в том, что касается меры использования англизмов в деловой речи, рекламе и медиа, как считает Ю. Поляков, значимые перемены ещё не наступили: «... я надеялся, что с началом СВО, когда стало понятно, что с англоязычным миром нам не по пути, у нас включатся некие защитные механизмы. Но нет, все тот же "мониторинг менторинга", те же вывески и так далее, даже на "территориях смыслов" кураторы разговаривают на семинарах с перспективной отечественной молодежью на смеси английского с нижегородским» [Поляков, 2024б]. Причины этого, в общем, понятны и давно

были обозначены: иноязычное слово, не имеющее в заимствующем языке внутренней формы и чуждое большинству его носителей, хорошо подходит, например, для отчётов чиновников при отсутствии реальных дел. «Эффективным менеджерам» нужны все эти кластеры, коворкинги и кейсы для «камуфлирования пустоты» [Барабаш, 2025]. Не сразу утратят актуальность фактор престижности выбора англицизма и повышения значимости информации за счет такого выбора.

Во многих работах, посвящённых англицизмам в современных коммуникативных практиках, справедливо фиксируются многие полезные свойства заимствований – возможность с их помощью эlimинировать семантические и прагматические интразыковые лакуны, включённость англицизмов в арсенал тропических средств русского языка. (ср., например, метафорические значения ‘примитивный, низкопробный, непритязательный, упрощённый’ у слова *хом-дог*):

*«В качестве «Анны Карениной» для чайников» книга Басинского безупречна, только не надо её выдавать за специальное расследование мудрым детективом несуществующих загадок. <...> Так что подлинную историю Анны Карениной написал Лев Толстой. А Павел Басинский поделился некоторыми о том сведениями, что, естественно, порицаемо быть не может, если, конечно, не выдавать *хом-дог* за фуа-гра»* (Т. Москвина «Народ так и не узнает «подлинную историю Анны Карениной» // Аргументы недели, 2022, № 15. С. 15).

Наши выдающиеся филологи справедливо говорили о важности «инговых» форм для русского языка (Григорьев, 2005). «Инговые» формы нужны, поскольку исконные девербативы, громоздкие и тяжеловесные, тяготеют к «канцеляриту» (см. подробнее раздел 3.6.1).

Как известно, законодатель указал, что ориентироваться в том, какие англицизмы нужны, а какие без ущерба для коммуникации и даже во благо русского языка надо устраниТЬ, помогут новые словари. Но, насколько можно понять, в этих новых изданиях главным критерием нужности слова является

наличие/отсутствие русского аналога. Это, конечно, справедливый посыл, однако, на наш взгляд, не только в аналогах дело. Есть англицизмы, которые даже при наличии очевидных исконных аналогов нельзя устраниć без потерь для коммуникативных практик. И, напротив, есть слова, не имеющие аналогов, но объективно вредоносные, продвигающие чуждые русскому миру идеи. Заимствование «сиблинг», на первый взгляд является полезной элиминацией интразыковой лакуны, но в то же время это и «попытка отхода от признака половой принадлежности. То есть не важно, брат или сестра. Есть сиблинг. А кто он – брат или сестра, он впоследствии определится, может быть. А потом и переопределится» (Баранов А., Афонина Е. Как отражаются на менталитете и национальном сознании англицизмы в русском языке // Комсомольская правда, 19 июня 2022 г.).

Ю. Поляков писал: «Одна из задач специальной военной операции, в ходе которой кладут головы наши герои, – это защита Русского мира на Украине. А так ли мы хорошо знаем и защищаем Русский мир здесь, в России? С этим у нас, увы, не все благополучно ... Я надеюсь дожить до тех времен, когда мы сможем сказать: «У России три верных союзника: наши армия, флот и... отечественная культура» (Ю. Поляков «Третий союзник» // Литературная Россия, 29 августа 2022 г.). Ср. также мнение известного барда А. Новикова: «Как я говорил уже, идёт война с англосаксами, а вовсе не с Украиной, которая выбрала себе роль поля боя и разменной монеты в драке цивилизаций. В это время половина песен на этом, как они говорят, главном музыкальном шоу страны, звучат на английском. Если так хочется иностранного, пойте хотя бы на китайском или хинди! Это дружественные нам страны, что написано в Законе России. Они утверждают, что на английском языке больше интересного репертуара. То есть выбор больше. Вот только на самом «Голосе» конкурсанты поют на английском одни и те же песни из крайне ограниченного репертуара одних и тех же исполнителей. И большей частью конкурсанты не поют, а издают звуки, подражая оригинальным композициям. Иногда хорошо подражают. Но ведь попугаи тоже подражают. Бывают такие попугаи, что если

спиной к нему стоять, то и не поймёшь, что это птица говорит. Участники «Голоса» не понимают, о чём поют. Когда это на английском, зритель и сам не понимает, о чём песня. Но если дать им песню на русском, например, романс, сразу становится видна их беспомощность. <...> Часто сетуют, что очень мало кто из участников «Голоса» потом раскрывается на большой сцене. Но как раз потому они и растворяются в небытии, что на родном языке петь не умеют. <...> Думаю, дело не только в настроениях и пожеланиях Первого канала. «Голос» – это франшиза и принадлежит другой фирме, голландской. Вероятно, существуют какие-то требования по репертуару. Но мог же Первый канал при подписании контракта проявить здоровую патриотическую волю?» (А. Новиков о политике, войне и шоу-бизнесе // Аргументы недели, 2024, № 23. С. 6).

Итак, использование англицизмов в эпоху СВО как никогда прежде должно быть неотделимо не только от эстетических вкусов, но также от сферы морально-этических представлений, идеологии и политики. Сегодня вновь актуальны мысли Ф.М. Достоевского о взаимоотношениях с Западным миром: *«... стоит процитировать Достоевского – о тех русских, которые ездили в Европу и старались ей понравиться: «Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае... И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали... Надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским – значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнёт и он нас самих уважать... Тогда не отвёртывались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного*

существа, а не раба, не лакея...» (С. Рязанов «Европейничанье: история болезни» // Аргументы недели, 2025, № 40. С. 3).

Если процесс заимствования диктуется не потребностями языкового общения, а политическими приоритетами, неизбежен переизбыток иноязычных единиц, что влияет на самооценку и вообще является не чем иным, как показателем лингвистической зависимости. А национальный суверенитет немыслим в том числе и без лингвистического суверенитета.

2.3. Идеи «импортозамещения» в духовной жизни и в языке

В одном из интервью 2022 года (в начале СВО) Ю. Поляков в числе прочего сказал, что «должна быть создана экспертная организация, отслеживающая и пресекающая неуместные заимствования из того же английского, помогающая найти русские эквиваленты в запасах родного языка» (Поляков, 2022). Было сделано больше, чем создание экспертной организации. 28 февраля 2023 г. Госдумой принят Федеральный закон № 52-ФЗ, где отражен новый регламент использования заимствований-англицизмов при использовании русского языка как государственного. Важно, что «...утверждён план мероприятий на 2024–2026 годы по реализации основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, в который вошёл пункт о противодействии излишнему использованию иностранной лексики. Проведение соответствующих мероприятий касается применения подобной лексики «в публичном пространстве, произведениях литературы и искусства, средствах массовой информации, образовательной и просветительской деятельности» (С. Володин «Защитим свою речь» // Литературная газета, 2024, № 27. С. 7).

Актуальной стала идея гуманитарного и вербального импортозамещения (Хагуров, 2024 : 155-156; Брусенская, 2023 : 105-111).

Термин «импортозамещение» – это «актуалема периода экономических санкций» (Тарасова, 2018 : 76), это «семантически емкий и злободневный репрезентант актуального концепта, который всё чаще применяется к сфере культуры и языка» (там же).

Идеи верbalного и шире – культурного – импортозамещения (или импортоочищения) стали, с одной стороны, широко принятыми, поддержанными. Третий номер газеты "Культура" за 2022 г. обозначил общую тему всех публикаций как "Культурное импортозамещение"; обычными стали медийные рубрики «Импортозамещение» (например, см.: Литературная газета, 2022, № 50. С. 23). Под «импортозамещением», естественно, понимается не глобальный отказ от всего иноязычного, а более взвешенное, функционально оправданное использование этих ресурсов» [Брусенская, Котаева, 2022, с. 24].

Об импортозамещении в духовной сфере часто пишут медиа. В 2025 г. появилась формулировка «импортоопережение»: «Импортозамещение – это не конечная точка, а постоянный процесс. И уже хотелось бы постепенно отходить от этого термина. Есть более современный термин – «импортоопережение». Сегодня мы уже говорим в целом про укрепление позиций отечественной продукции и выход на экспорт. В этом ключе термин «импортозамещение» звучит несколько уничижительно для нашей промышленности» (Д. Кравченко «Импортозамещение меняем на импортоопережение» // Союзное Вече, 2025, № 46 (8). С. 8). Ср.:

«Об этом говорит практикующий психолог, телеведущий, писатель, кандидат психологических наук Михаил Хорс: Общество, как и человек, проходит разные стадии личностного формирования. Сейчас мы наблюдаем, как просыпается национальное самосознание, опора на себя, самоуважение, – объясняет Михаил Хорс. По словам специалиста, мы перестали бегать по заграницам, просить «вдохновения» у жителей других стран, а заглянули внутрь себя. Отсюда – интерес к своей культуре, отсюда – крестный ход в Москве, который недавно собрал какое-то невероятное количество народа. По

этим же причинам у нас в Чертаново вместо индийских и американских танцев, наконец-то открылся кружок русских танцев. Все это значит, что наше общество становится взрослым. Мы перестаем просить у кого-то: «Дайте!». Мы говорим: «У нас есть» (А. Будаева «Кокошник из загашника» // Комсомольская правда, 15-22 октября 2025 г. С. 38).

С другой стороны, эти идеи применительно к языку стали конфликтогенными, породили дискуссии в медиа. Иногда такие дискуссии принимали ядовитый характер, например – в ныне прекратившем своё существование «Собеседнике»¹. Так, Л. Радзиховский пишет: что депутаты и сенаторы, которые высказались о защите русского языка, не переименуют же они президента в царя: «вряд ли «они чего-то тем самым добиваются или преследуют какие-то цели. Просто напоминают о своём существовании <...> На мой взгляд, главное – законодателям нужно срочно найти эквивалент иностранному слову «психиатр». И когда они решат эту задачу, надеюсь, всё будет в порядке». (Л. Радзиховский «В поисках замены психиатру» //Собеседник², 2022, № 48. С. 4).

«Депутаты вновь вознамерились причинить поправки закону о государственном языке и ряду других нормативных актов.

В который раз – я уже сбилась со счета, в который – им не дают покоя иностранные слова в письменной форме, которые все еще смеют показываться на глаза россиянам.

«Теперь, как заявила одна из авторов инициативы, глава комитета по культуре Елена Ямпольская, «должно стать невозможным использование на вывесках и витринах таких надписей как, например, coffee, fresh, sale, shop, open и т. п.», хотя что тут такого?»

Некоторую ясность вносит пояснительная записка, где говорится, что «рекламные щиты, вывески на магазинах, названия жилых комплексов... повсеместно пестрят привлекающими внимание иностранными словами».

¹ Минюстом РФ включен в список иноагентов.

² Минюстом РФ включен в список иноагентов.

Теперь понимаете?! Привлекают, гады, внимание! Все должно быть серым и неприметным! Россия для грустных! Видимо, крамолу будут срывать, а виновных нещадно штрафовать...

Вообще, в сопроводительных документах к законопроекту депутаты очень много пишут про защиту и поддержку великого и могучего. Откровенно говоря, непонятно, как маленькая вывеска про кофе, булочки или мороженое может угрожать языку, на котором говорят 258,2 млн человек? Или авторы опасаются, что жители какого-нибудь жилкомплекса «Шервуд» дружно уйдут в Робин Гуды и присоединятся к НАТО?» (Н. Гужева «Опасный Coffee Shop» // Собеседник³, 2023. № 42. С. 3).

В этом случае следует говорить о выборе манипулятивных техник, которые реализуются за счет откровенной подмены понятий.

Как пишет Э.Г. Куликова [2023, с. 300–306], «социальный заказ на избавление от «настырного чужесловия» существовал и до введения западных санкций против России, однако с особой остротой эта проблема стала после начала СВО, и сегодня существует, как минимум, «три точки зрения: 1. идея «языкового импортозамещения» в высшей степени актуальна в современных условиях и должна быть воплощена на практике; 2. это понятие неправомерно, поскольку язык развивается по своим законам, ему нельзя ничего навязать; 3. это интересная и полезная идея, но она трудноосуществима». Называются и причины этих трудностей:

«Да, можно издать указ, обязывающий всех, начиная с министров и заканчивая школьниками, называть инфляцию – надуванием, смартфоны – умнофонами, маркетинг – рынокделанием и т. п. Но до тех пор пока русскоязычное пространство не станет доминирующим в развитии технологий, экономики, социальных отношений и культуры, эта борьба будет лишь отчасти успешной.

Что можно противопоставить?

³ Минюстом РФ включен в список иноагентов.

Теоретически ответ прост, а практически сложен почти до неосуществимости: сделать Россию лидером социального, культурного, экономического, технологического прогресса, во-первых; во-вторых, вывести культуру, и в первую очередь языковое пространство – образование, литературу, кино, – из подчинения рынку, который был, есть и в перспективе будет пространством, во многом чуждым отечественной культуре и языку» (А. Бузгалин «Язык и суржик» // Литературная газета, 2023, № 3. С. 2).

После принятия дополнений и изменений в Законе о государственном языке РФ, которые предусматривают аргументированные правила выбора и функционирования англизмов в публичной коммуникации. Эти ограничения связаны с заменой англизмов русскими эквивалентами или при невозможности такой замены использование синонимов. В результате этих поправок существенно активизировались представители различных групп и сообществ, которые выступали с общественными инициативами различного характера, например, деятельность множества разных так называемых «Служб спасения русского языка» и др.

Политолог Сергей Михеев в телепередаче «Поле битвы» на канале «Спас» (15 августа 2025 г.) вспомнил, как В. Жириновский в течение ряда лет многократно выступал с инициативами заменить то или иное иноязычное слово на русский аналог. Не получилось, считает С. Михеев, потому что это не было государственной политикой. А если бы было, и «себяшка» вместо «селфи» прижилась бы лет через 20, и всё прочее.

Массовые заимствования в различных сферах, среди которых существенно преобладают англизмы, определяло развитие русской лингвокультуры на протяжении длительного времени, но в современной коммуникативной ситуации такой характер заимствований стал противоречить формирующемуся представлениям о гармоничной коммуникации, которая оптимальна и с точки зрения заимствований.

Однако медийные дискуссии, обсуждающие возможность реального воплощения поправок в Закон о государственном языке РФ, то есть

успешность внедрения «аналогов», полны сомнений: воспоминали о шишковских предтечах «аналогов» – мокроступах, иронизировали над словами типа «ногомяч» вместо английского по происхождению футбола; ср.: «Абсолютизация стихийности и автогенности языка естественным образом позволяет говорить о его неизбежно имманентной саморегуляции и заведомой бесплодности попыток какого бы то ни было вмешательства в языковые процессы (в том числе – и на уровне формирования культуры речи: дескать, язык сам способен отсеять ненужное и случайное, а «языковая мода», или «языковой вкус эпохи», – тоже преходящи, так что остается только отвлеченно-академично констатировать имеющуюся ситуацию и зарегистрировать различные ее фрагменты, не утруждаясь поисками объяснений истоков «моды» («вкуса»), а также ее причин и популяризаторов). Понятно, что такие подходы оставляют для так называемого « рядового носителя языка» (то есть нефилолога) безнадежно открытыми вопросы о целях, задачах и, собственно, социальной необходимости не только теоретической, но и прикладной лингвистики» [Васильев, 2011, с. 3].

Конечно, реально проблема существует, поскольку степень соответствия англизма и аналога может интерпретироваться по-разному [Барабаш, 2005; Куликова, 2024]. Многие англизмы, к которым есть «аналоги», всё-таки неустранимы как имеющие совершенно иную прагматику (дедлайн, месседж и мн. др.). Многие обрели устойчивые переносные значения (хот-дог), многие неустранимы вследствие освоения в рамках терминологической системы. И всё-таки идеи языкового и культурного импортозамещения (или даже импортоочищения) стали доминирующими. Массированное лексическое заимствование было отражением нашего добровольного «самоподчинения Западу», ориентации на западные «общечеловеческие ценности. В условиях противоборства с «коллективным Западом» (а мы на Украине воюем именно с ним!) сохранение прежней ориентации невозможно. Укрепилось осознание, что если обсуждения проектов поправок к закону, а затем и сами поправки в медиа 2022-2023 гг.

назвали «праздником непослушания закону» (Московский комсомолец, 1 марта 2023 г.), то сегодня настало время, когда закон надо исполнять неукоснительно. Ср.: «Не то время, чтобы законы не исполнять. Это у себя в ванной можно какие угодно таблички вешать» (Г. Курбатян «Русский я или Prada имею?» // Комсомольская правда, 1 июля 2025 г. С. 5). В цитируемой статье речь идёт только об одной сфере – малой топонимике и эргономике, то есть о городских вывесках, названиях жилых комплексов, где доминируют англицизмы. Закон обязывает до 1 марта 2026 г. внести изменения и устраниить все надписи на латинице. «...разве садовник не вырывает сорняки, не давая им портить огород? Разве архитектор не строит дома в гармонии друг с другом, соблюдая единый стиль? (Да не столкнет его с пути груженный золотом мул!). Почему же многие считают, что язык должен развиваться без регулирования? Для таких языков уже есть название – Pidgin English, и говорят на этакой тарабарщине дикари на тропических островах» (Г. Курбатян «Русский я или Prada имею?» // Комсомольская правда, 1 июля 2025 г. С. 5). Естественно, что исполнять закон придётся не только в этой узкой сфере, но в целом в публичной коммуникации.

Характерно отраженное в медиа изменение отношения к роли английского языка. Английская речь депутата Европарламента от Эстонии была воспринята в российском медийном поле как проявление холопства и раболепия по отношению к «белому господину» (Великобритания – не член Евросоюза). Всего несколько лет назад такое восприятие было маловероятным. См. подробнее: [Усенко, 2024].

Характерно, что в телевизионных передачах всё чаще апеллируют к необходимости перемен в языке. В передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» от 24 августа 2025 г. С. Михеев обратил внимание А. Сидорова, который использовал слово «легислатура», на поправки к Закону о русском языке. Ведущий поддержал: «Мне кажется, что здесь пропустили букву «р» (то есть, признал, что слово непонятно ему, а значит и аудитории). И хотя это типичный случай реалии (законодательное собрание штата в США,

от лат. *legislator* — «предлагающий законопроект»), всё равно можно было передать смысл понятными словами.

Вл. Новиков в «Романе с языком» [2007] писал, что только немощь провоцируют антизападнические настроения и склонность к славянскому корнесловию, к шишковским «мокроступам», что «переименовывать «автомобиль» в какой-нибудь «самодвижник» можно только в порядке филологического юмора – как это делает Сологдин у Солженицына в «Круге первом». Но предлагаемые сегодня принципы «импортозамещения», на наш взгляд, далеки от «мокроступов» и «самодвижников» хотя бы потому, что речь идет не о тотальных заменах, а о том, чтобы восстановить баланс своего и чужого, чтобы скорректировать языковые средства выражения в пользу собственных ресурсов.

Некоторые авторы приписывают новейшим англизмам особую современную прагматику – «прагматику глобализма» [Хутыз, 2008]. По мысли указанного автора, «выражение в сфере ритейла могло бы превратиться в формулировку в сфере розничной торговли», магазины-дискаунтеры могли бы стать «магазинами товаров по сниженным ценам, со скидками», но такая замена лишила бы дискурс очевидного чувства эпохи XXI столетия» [Хутыз, 2008, с. 104]. Ср. противоположное мнение: «все эти «ритейлы» – это накопители убежества, лакейства и низкопоклонства» (Т. Воеводина «Рабствуем умами. О борьбе с англизмами» // газ. «Завтра» 23 февраля 2025 г.). Эти две цитаты разделяет 17 лет, и думается, что прежнее позитивное отношение к «прагматике глобализма» перестало быть актуальным.

Вербальное импортозамещение неотделимо от острых социальных проблем воспитания и образования: «Патриотическое воспитание – это ведь не только «Разговоры о важном». Нет, рассказывать о победах и героях и Великой Отечественной, и других войн, безусловно, надо. Но этого мало. Вышел ребёнок из школы, а на него со всех сторон – латиница. От вывесок на магазинах до надписей на маечках с подспудным призывом «покупай

импортное» (Л. Мазурова «Модный, но не приговор» // Литературная газета, 2022, № 50. С. 23).

Уже понятно, что внедрение в жизнь поправок к закону не будет простым и однозначным. Каждое слово заслуживает отдельного обсуждения на предмет возможности/невозможности замены аналогом. Но важно обозначение магистрального пути – на устранение массированного влияния англо-американизмов на наш язык и нашу культуру, поскольку суверенитет языка есть условие политического и экономического суверенитета страны. Бессспорно, однако, что многие англицизмы незаменимы как лаконичные и в то же время ёмкие обозначения понятий. Культивировать коммуникативное пространство в современных условиях можно экологичными, «природными» методами (а не уповать только на методы административные); см. об этом: Хазагеров, 2020. В современной ситуации путь «самоорганизации» языка и речи через механизмы привлекательности (путь культивирования, а не регламентации), очевидно, должен сочетаться с реальным проектированием языкового развития – прежде всего, с работой по «импортоочищению». На базе сочетания этих двух подходов должна исчерпать себя и «мода» на английский язык в ущерб русскому (а мода на язык, как известно, есть способ реализации «мягкой силы» в условиях современных geopolитических изменений» [Гусейнова, 2017, с. 28–48].

Государство разработало комплекс мер по оптимизации состояния русского языка, что связано с функционированием англицизмов в целом и мерой использования таких единиц в различных коммуникативных сферах. В результате усилилась работа по переименованию различных социально значимых объектов; этот процесс в дальнейшем предполагает трансформацию соотношения языковых единиц различной этимологии в системе русского языка.

Ср.: *«Все началось с депутатов, которые возмущились: по родной стране невозможно ходить без англо-русского словаря! Вывески магазинов, напыщенные имена жилых комплексов – все в иностраннице. Сказано –*

сделано: проголосовали за закон, по которому чужеземные названия надо будет перевести на родной, отечественный лад. Чтобы современные бояре бороды не в барберишонах постригали, а у русских брадобреев» (Г. Курбатьян «Русский я или Prada имею?» // Комсомольская правда, 1 июля 2025 г. С. 5).

В рассматриваемой статье автор пытается определить причины регулярного предпочтения заимствований в номинации различных объектов, что естественным образом отражается и в отдельных элементах, связанных с их рекламой, в частности в вывесках.

«Город на Неве строили иностранцы и называли всё на свой лад – Петергоф, Эрмитаж (что контрастировало с исконными названиями деревень – «Заплатово, Дырявина, Неурожайка тож»). Оттуда идёт представление, что «иностранные – значит дорогое, отечественное – дешёвое и плохое». Г. Курбатьян замечает, что и через три года СВО ничего не изменилось. Доказательство – список новостроек: «ЖК Legenda, Квартал Modum, GloraX Premium, Пулково Lake, ЖК Univer City, Neva Residence. И даже если после 1 марта 2026 года это всё будет переведено на русский, останется «Глоракс Премиум», которое «звучит как название таблеток от кашля». Порадовало журналиста то, что владельцы проблемных вывесок понимают справедливость нового закона: «Не то время, чтобы законы не исполнять. Это у себя в ванной можно какие угодно таблички вешать» [там же].

Сегодня импортозамещение и импортоочищение понимаются как мощный фактор развития всех сторон жизни – экономики, политики, культуры. Особую актуальность приобретает задача сохранения этнической и культурной идентичности, выявления факторов, определяющих самобытность русской культуры, определения путей, которые позволяют преодолеть гипертрофированное влияние англоязычных лингвокультур.

Традиционными медийными рубриками становятся различные синтагмы со словом «импортозамещение». Ср.:

«Но есть и другая позиция – взглянуть на «Сто лет тому вперёд» как на самостоятельное художественное произведение и воспринимать картину Александра Андрющенко как плод политики импортозамещения, то бишь как товар отечественного производства, аналогичный тому, что пользовался спросом, но по каким-то причинам пропал с полок» (Н. Маргаев «Импортозамещение» // Литературная газета, 2024, № 17-18. С. 12). Ср. также появление нового термина – «импортонезависимость»:

«Импортозамещение уже не актуально, Россия и Беларусь сообща переходят к полной импортонезависимости» (Союзное Вече, 2023, № 51. С. 1).

Сегодня тезис звучит так: не использовать англицизмы, если есть русские аналоги. И «аналоги» опять же толкуются по-разному. И это не может быть иначе, поскольку семантическая структура слова многослойна, и, помимо референтного содержания, у всякого слова есть «шлейф» ассоциаций и коннотаций (иногда – общих для всех носителей языка или какой-то группы, а иногда – индивидуальных), есть pragматические сознания, которые в ряде случаев и станут решающими. Очевидно, правы те филологи [Барабаш, 2025; Лобанов, 2013], которые считают, что «с каждым словом надо разбираться отдельно» и непродуктивно говорить вообще о вредоносном влиянии всех англицизмов. Но поскольку количество их действительно зашкаливает, меры необходимы. И в различных коммуникативных средах эти меры (приёмы, подходы, решения) могут быть различными.

Один из подходов – совершенствование переводческой деятельности. Отвечая на вопрос о том, откуда такое количество немотивированных и откровенно вредных англицизмов, М.А. Орёл [2009] говорит «о снижении профессионального уровня переводчиков, давших жизнь многим неприемлемым лексическим новшествам»: «в связи с постоянно растущим потоком подлежащей переводу информации не хватает переводческих рук и еще сильнее не хватает переводческих голов». То есть, в ряде случаев переводчик не утруждает себя поиском русского эквивалента, и потому

англицизмы (иногда – нетранслитерированные) потоком льются в научные и публицистические тексты.

Одно из возражений против решительных действий по устраниению излишних англицизмов имеет массовый характер и кочует из одного издания в другое: говорится об искусственном характере предлагаемых для замены слов, о том, что «рукотворные» образования нередко производят комическое впечатление. На это прекрасно, на наш взгляд, ответил политолог Сергей Михеев (в программе «Поле битвы» на канале «Спас» от 15 августа 2025 г.), который сказал, что «себяшка» взамен «селфи» сегодня звучит смешно, но, если заниматься продвижением этого слова, лет через двадцать оно станет вполне обычным. И далее: почему не прижились слова – русские эквиваленты англицизмов, которые много раз предлагал В. Жириновский (подобную деятельность ЛДПР ведёт и сегодня)? Ответ С. Михеева таков: не было соответствующей государственной политики.

Есть масса примеров, когда такие слова (в терминологии идеологов пуризма это «пуристические замены» [Геерс, 2002, с. 38], специально созданные для замещения иноязычных, прекрасно прижились: пулемёт вместо митральезы, самолёт вместо аэроплана, вертолёт вместо геликоптера. И этому процессу не помешало то обстоятельство, что в начале XX в. мы не были в авангарде ни самолётостроения, ни промышленного производства в целом.

Хорошо известны и понятны причины возрастной и профессиональной стратификации сторонников и противников «пуристических замен»: «за» – возрастные граждане, «против» – молодёжь. Ср. характерное название статьи Н.Л. Ешенковой «Англицизмы как часть современной молодёжной культуры» [Ешенкова, 2023]; см. также: [Левонтина, 2024]. Но именно за умы и сердца молодых идёт сражение в информационной войне. Если детство сопровождают английские мультики, на каждой майке надписи на английском языке, в интернете, на вывесках и этикетках всё не своё и в целом в воздухе витает представление, что где-то там, не здесь, лучшая жизнь, трудно понять, откуда возьмётся патриотизм. Как известно, благодаря новым

коммуникационным технологиям, «основной чертой становится небывалая прежде динамика адаптации заимствований, которые, едва попав на чужую почву, начинают играть заметную роль в коммуникативных процессах» [Гуторова, 2016, с. 8]. Значит, и реакция на англицизмы в духе идей «импортозамещения» должна быть незамедлительной.

Показательны также критические замечания по поводу преобладания английского репертуара в шоу «Голос», что прежде тоже казалось само собой разумеющимся:

«Чей голос?

Переключил на Первый – а там «Голос». Поют, как и пели двенадцать лет назад: по-прежнему часто на английском языке, да, на родном петь стали больше, но иногда так, что без переводчика не понять. Проект, как мне кажется, себя изживает. <...> По-прежнему не могу также понять, к чему, особенно сейчас, культивирование англоязычных хитов? Да ещё все наставники, когда слышат что-то американское, вдруг вскакивают с мест, приплясывают, подпеваю, а зрители-статисты в зале радостно ревут, как F-16 на взлёте. И раздражает реклама в телевизоре этой то ли коммерческой, то ли музыкальной передачи. Неужели за годы существования проекта нельзя было придумать своё, российское музыкальное соревнование? В нынешних условиях, «приближённых к боевым», лицензионный «Голос» кажется чужим, неуместным» (А. Кондрашов «Кого позвало время» // Литературная газета, 2024, № 14. С. 13).

Уже давно стало общепризнанным, что говорить о пользе или вредоносности заимствований в целом малопродуктивно, однако важно анализировать конкретные единицы в конкретных условиях коммуникации (даже при общей установке на языковое импортозамещение). Всё равно большая часть англицизмов не будет в одночасье устранена. Но если русский синоним хорош и уместен с точки зрения семантики и прагматики, то следует внедрять именно его. Это как раз та сфера и тот случай, когда сознательное воздействие на сферу коммуникации уместно, плодотворно, этически и

эстетически оправданно. Оно продуктивно и в отношении так называемых модных слов. «Модное слово – это слово с претензиями», которое часто «оттесняет собратьев» [Новиков, 2016, с. 3]. Но сегодня очевидна тенденция критического отношения ко многим недавно модным словам. Политолог Дмитрий Дробницкий, приглашенный на ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» 15 мая 2023 г., в дискуссии выбрал следующую формулировку, используя слово «месседж»: «...этот, как недавно бы сказали, месседж...». Эта лексема, вероятнее всего, сохранится в системе русского языка, но приобретет стилистическую окраску, возможно, и негативную оценость, что позволит реализовываться фигуре иронии за счет использования этой единицы. При этом происходит и определенная семантическая трансформация лексемы, утрачивается ранее реализуемое, в том числе, за счет контекста или конситуации семантика определенной социальной востребованности и значимости, в частности, за счет установления синонимических связей между лексемами «месседж» и «послание», при этом происходит актуализация семы адресованности: «раньше, – пишет Вл. Новиков, – это называли идеей», но «бедное греческое слово так опошлили, что надо дать ему отдохнуть» [Новиков, 2016, с. 152]. В этом же ток-шоу 10 июня 2024 г. белорусский политолог Вадим Гигин, употребив слово «менеджеры», сам же поправился – «управленцы, нам надо избавляться от заимствований». 15 лет назад М.А. Кронгауз писал, что «слово «менеджер» используется в качестве приманки и включается в названия десятков книг типа «Как стать менеджером», «Как быть менеджером», «Как подцепить менеджера» [Кронгауз, 2008, с. 57]. Сегодня всё это уже представляется если не потерявшим, то теряющим актуальность.

В «Советской России» (от 1 апреля 2023 г. С. 4) в рубрике «Прочитал в «СР», печатающей отклики читателей, помещена заметка под заголовком *«Ярославский депутат предложил заменить слово «мэр» на «городничий», где автор указывает на прочные ассоциативные связи наименования «городничий» с гоголевским Сквозник-Дмухановским из «Ревизора»*. Так что получается: иноязычное слово более приемлемо, чем свое. Известно, что

любое слово, которое долго существует в языке, неизбежно обрастает коннотациями и прагматическими приращениями, и «городничий» для человека русской культуры – собирательный образ государственной власти гоголевской России – образ весьма неприятный. Ср.:

«Обмен диванами» – русифицированное название каучсерфинга. Это разновидность самостоятельного туризма, в котором через специальный онлайн-сервис можно на время обменяться жильем или найти бесплатный ночлег» (А. Баранникова «Немассовый «Обмен диванами» // Город N, 21 марта 2023 г. С.12).

Стали распространенными шутки на тему языкового импортозамещения: «В рамках лингвистического импортозамещения «Комеди Клаб» переименуют в «Смешно – и точка» (Нескучная газета, 2023, № 12. С. 1). Ср. также: *«...заимствованные слова начали сильнее резать слух. Ну вот зачем записывать в больницу на чек-ап, если есть хорошо понятный медосмотр? Или рекламировать трип, если это обычное путешествие? Или пролонгировать в банке договор, несли его можно просто продлить?»* (Л. Арбатская «Без смузи, хайпа и кешбэка» // Комсомольская правда, 22-29 марта 2023 г. С. 10); *«А фирмам, которые соблазняют клиентов низким прайсом, я бы не стал доверять. Иначе вы потеряете и деньги, и время, а главное – нервы, – прокомментировал риелтор Никита Озеровский»* (Е. Березина «Дом за два дня: плюсы и минусы // Московский комсомолец, 15 июня 2023 г. С. 6).

В последнем примере показательна негативная реакция на англицизм, которая влечёт за собой даже отказ от услуги, рекламируемой с помощью иноязычия. Т.Б. Радбиль, исследовал на материале Национального корпуса русского языка коллокацию «это не по-русски», с помощью которой не только негативно оцениваются факты избыточного, неоправданного использования иноязычных заимствований, но «от противного» выявляются признаки ценностных стереотипов «русского мира»; оказывается, что «в наивной модели русского мира ценностей говорить по-русски или вести себя по-русски признается единственно правильным» [Радбиль, 2024]. Думаем, это очень

важный вывод, свидетельствующий о том, что к 20-м гг. окончательно сформировалась система ценностей, в которой иноязычное явно не на первом месте.

Режиссер Карен Шахназаров назвал передачу Владимира Соловьева «Соловьев-лайф» замечательной и сказал, что ждет, когда ее переименуют по-русски. Владимир Соловьев среагировал моментально: Соловьев живьем? (Ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», 5 декабря 2023 г.). Передача сохранила свое название, однако то, что на англизмы направлено такое пристальное внимание, очень показательно.

Естественно, что вербальное импортозамещение как важная тенденция ни в коей мере не отменяет уместное использование англизмов – даже недоосвоенных семантических, нуждающихся в текстовых комментариях.

Выводы по главе II

Итак, лингвоконфликтологию, вызванную к жизни кризисными проявлениями русского языка, не может не интересовать такой очевидный дефект современной речи, как чрезмерные иноязычные (главным образом – англоязычные) элементы (причём не только в сфере лексики, но также в сфере этикетных формул и – шире – речевых стратегий). Эксплицитная и имплицитная англогенность формирует такие конфликтогенные явления, как агнонимия, агрессивная коммуникация и манипулятивность.

Абсолютное или частичное непонимание смысла информационного сообщения, его неточная интерпретация из-за неоправданного использования англоязычной заимствованной лексики – это одна из самых явных деструкций в современной коммуникации. Частичная агнонимия, когда имеется иллюзия понятности, порождает разного рода коммуникативные неудачи и даже конфликты. При отсутствии таких качеств, как точность и компетентность, иноязычное слово может стать источником ущербной коммуникации.

Перлокутивный эффект новейших англизмов нередко состоит в создании конфликтной ситуации, и это находит отражение в многочисленных медийных дискуссиях о мере использования англизмов в русской речи. Немотивированное использование иноязычных элементов может служить не столько целям номинации, сколько целям агрессивного воздействия на реципиента и может спровоцировать реальные конфликты, которые переводятся в правовую сферу. Если понимать агрессию как действие, нацеленное на причинение ущерба, то массированное использование англизмов как орудия русофобии вполне подпадает под такое определение.

Сам переизбыток англизмов в отечественной лингвокультуре правомерно характеризовать как манипуляцию общественным сознанием. В манипулятивных целях используются прежде всего не ассимилированные единицы с размытой семантикой, не обладающие внутренней формой в принявшем языке. Важнейшим признаком манипуляции является скрытое воздействие, и новейшие англизмы, лишенные образности, парадигматических и синтагматических связей в языке-рецепторе, чаще всего используются для манипуляций. Являясь неотъемлемой частью современных информационных войн, вербальные манипуляции с использованием англизмов способны осуществлять настоящие диверсии в информационно-духовной сфере и скрытные операции по дестабилизации обстановки.

К концу 10-х гг. XXI в. стало понятно, что духовная составляющая нашего общества подверглась хорошо спланированной подрывной деятельности, а распространение английского языка стало главным средством формирования ангlosаксонских ценностных ориентиров и важнейшим инструментом идеологической войны. Традиционное понимание языковых контактов и их нейтральная оценка, согласно которым язык-рецептор, сообразно со своими внутренними потребностями, обогащается за счёт заимствемых элементов, оказались не отражающими современные реалии, потому что язык-донор может играть агрессивную роль, особенно в условиях неспособности противостоять влиянию, в условиях отсутствия внятной

языковой идеологии и политики. Произошла маргинализация русского языка, которая проявилась в снижении роли собственных языковых ресурсов в формировании личности человека.

Англицизмы в условиях СВО и противостояния «коллективному Западу» являются фактором различных манифестаций ценностного конфликта. События на Украине стали «точкой невозврата» во многих сферах, в том числе в практике использования англицизмов: то речевое поведение, которое было вполне приемлемым прежде, оказалось противоречащим целям и духу СВО. Избыточное заимствование, продиктованное не языковыми (коммуникативными) причинами, а идеологией «встраивания» в европейский мир, стало осуждаемым не только в публичном пространстве, но и на уровне законодательных актов. Переизбыток иноязычных единиц стал пониматься как показатель лингвистической зависимости. А поскольку национальный суверенитет немыслим в том числе и без лингвистического суверенитета, необходимы меры «лингвистического импортозамещения» или «импортоочищения». Именно импортозамещение и импортоочищение становятся мощным фактором развития всех сторон жизни нации – экономики, политики, культуры и языка.

ГЛАВА III

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ И ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

3.1. Англоязычные макаронизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления и экзотизмы

Традиционным в лингвистике (идущим от работ Л.П. Крысина 60–80-х гг. XX в.) было разграничение иноязычных единиц по степени их ассимиляции в языке-рецепторе, поскольку заимствование правомерно представлялось не единовременным актом, а длительным процессом вхождения новых элементов. Освоенным словам (собственно заимствованиям) противопоставлялись неосвоенные или недоосвоенные на каком-то из уровней (орфоэпическом, лексическом или грамматическом). И тем не менее, традиционное противопоставление макаронизмов, варваризмов, иноязычных вкраплений и экзотизмов, как неоднократно отмечалось, лишено единого основания. Экзотизмы в этом ряду стоят несколько особняком: они выделяются на базе внесистемного признака – отнесённости денотата к быту, жизни другого народа, носителя другого (чаще – не европейского, а значит – экзотического) языка. Впрочем, этот критерий – отнесённость к жизни носителей экзотических языков – никогда не применялся жёстко. Например, нередко говорилось об экзотизмах английского или французского происхождения. А с течением времени этот критерий всё более утрачивает значимость; ср.: «Процессы деэкзотизации англицизмов сегодня являются исторически скоротечными и почти синхронизируются с самими фактами заимствований» [Веренич, 2004, с. 6].

Макаронизмы в современной коммуникативной ситуации существенно изменяют свой статус, приобретая признаки, присущие собственно заимствованиям. Макаронизмы традиционно рассматривались как асистемные явления, в частности, и за счет сохранения исходной графики и орфографии

(отсутствия транслитерации). Подтверждением этой тенденции можно считать отражение макаранизмов в современной лексикографической практике. В Толковом словаре современного русского языка под ред. Г.Н. Скляревской [2001] представлены нетранслитерированные единицы, например CD, Internet, Multimedia и др. Ср. многочисленные номенклатурные знаки типа Max Factor, Fructis, Adidas, Opium, Kenzo, Jacobs и мн. другие. Таким образом, общепринятое положение о том, что заимствование в иной графической системе – явление временное, что это только первая стадия освоения, адаптации новой номинации в языке-рецепторе, было существенным образом поколеблено.

Термины «макаронизмы», «варваризмы» и «иноязычные вкрапления» по сути представляют собой синонимические обозначения, причём в каждом случае подчёркивается одна из характеристик. Термин «иноязычные вкрапления» акцентирует внимание на том, что эти единицы не стали фактом принимающего языка, это внесистемное явление, вызванное экстралингвистическими условиями. Термин «макаронизм» внутренней формой акцентирует идею смешения разносистемных единиц, а у термина «варваризм» отчётиливая пейоративная прагматика, связанная с этимологией.

Для всех этих типов неосвоенной или недоосвоенной лексики была характерна нетранслитерированность. До недавнего времени как онимы, так и нарицательная лексика характеризовались параллельным использованием в латинской графике и в русифицированном варианте: леденцы от кашля Strepsils и «Стрепсилс». А.А. Горбов [2010, с. 30] посчитал, что «латиница выступает сегодня для русского языка вспомогательной графической системой, целиком воспринятой русским языком и применяемой его носителями для решения прагматических задач, одной из которых является повышение «социального престижа» текста». Еще 15 лет назад в авторитетном отечественном лингвистическом журнале «Вопросы языкознания» (!) было представлено мнение о значимости и престижности заимствований, при этом актуализировалось использование латиницы в русской лингвокультуре. В

современной коммуникативной ситуации, которая определяется и экстралингвистическими факторами (такими как увеличение антироссийских санкций, реализация СВО, реально существующие факты «противостояния коллективному Западу») можно считать сформированной противоположную тенденцию к регулярной замене англизмов на различных уровнях системы языка русскими аналогами, вариантами, а, возможно, даже интенциально создаваемыми окказионализмами.

Справедлива мысль о том, что «...сохранение письма-кириллицы – это одно из непременных условий поддержания жизнеспособности русского языка и русскоязычной идентичности» [Бондаренко, 2019, с. 32].

Естественно, что из этого не следует необходимость полного отказа от перечисленных категорий слов, которые издавна выполняли разнообразные эстетические функции.

Иноязычные вкрапления, этимологически восходящие к различным языкам, обладающим высоким коммуникативным статусом в тот или иной период развития лингвокультуры, культуры, социума, имеют длительную традицию. Так, подобные заимствования из греческого языка представлены в латинских текстах; в Средние века фактор престижности был связан с различными языками, которые четко соотносились с конкретными коммуникативными сферами, что было закреплено в системе знаний и представлений носителей той или иной лингвокультуры или союза лингвокультур. Так, использование заимствований из итальянского языка соотносилось со сферой искусства или кулинарией, из французского – первоначально с военным делом, кулинарией и модой, позднее – с социальными и общественно-политическими понятиями и т. д.

В русской литературе XIX века по понятным причинам наиболее значимыми были вкрапления из французского языка в виде отдельных элементов или целых многостраничных вставок, как в романах Л. Толстого.

Такой прием регулярно использовался и был обусловлен не только особенностями языковой ситуации, степенью облигаторности владения

конкретным иностранным языком в том или ином социуме, индивидуальность предпочтений автора. С течением времени могло изменяться соотношение экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, определяющих количественно-качественные характеристики заимствований. Так, например, во второй половине XX веке массовый характер заимствования англицизмов поределся в первую очередь экстралингвистическими факторами, что определяло и коммуникативные сферы функционирования таких заимствований (реклама, медиасфера).

Терминолексика указанной сферы не имеет чёткой дифференциации: для сферы заимствований характерна множественность терминов, близких, но не идентичных по семантике. Возможно, наличие в системе терминов четко выраженных парадигматических отношений, в частности, синонимии, обусловлено недостаточной четкостью самих понятий, которые обозначаются тем или иным термином. Выбор конкретного термина может быть обусловлен исходной системой критериев определения понятия, который избирает исследователь, или стремлением актуализировать конкретный аспект семантики, прагматики, этимологии и т. д. Сформулированное выше утверждение касается, в частности, терминов «иноязычные вкрапления», «варваризмы», «экзотизмы», «макаронизмы», «алиенизмы», «окказиональные слова иноязычного происхождения», «билингвизмы» и др. Заимствования могли выполнять не только номинативную функцию, но и номинативно-экспрессивную, использоваться для создания комического эффекта, что опиралось на особенности семантики и синтагматики таких единиц, в частности, интенциально создавались сочетания, оппозитивные по этимологическим, лингвопрагматическим характеристикам.

В XX в. у некоторых авторов (например, у Джеймса Джойса) иноязычные вкрапления стали олицетворять целую философию взаимопроникновения культур. Использование таких единиц с эстетической целью давало возможность актуализировать необходимую информацию,

создавать тексты с «многослойной» семантической, информативной структурой.

Выбор заимствований и определение набора выполняемых в тексте функций соотносилось со взглядами автора на пути развития языка и, во многом, общества. Эти же взгляды определяли меру, степень использования заимствований. Для славянофилов, по сути, был характерен языковой пуританский, практически полный отказ от заимствований-европеизмов, для западников была характерна противоположная тенденция. Степень использования макаронизмов в русской лингвокультуре была различной, что зависело и от степени владения авторов-адресантов и адресатов их текстов иностранными языками. Кроме того, в истории Советского Союза существовал этап (30-40-е гг.), когда демонстрировать основательное знакомство с иностранными языками было даже и небезопасно.

С 90-х гг. XX в. разные типы иноязычных вкраплений приобрели огромную частотность, прежде всего – в медиа. Изменился их статус в русском языке: их перестали считать недоосвоенными единицами, которым предстоят стадии освоения. Даже нетранслитерированные единицы оказались хорошо освоенными семантически, сформировали характерные pragmaticальные оттенки. На определенных этапах развития лингвокультуры, а следовательно, в определенной степени, развития системы языка, можно говорить о ксенофобии или ксенофилии. Если о ксенофобии можно говорить в период так называемой борьбы с космополитизмом, то ксенофилия была характерна для начала 2000-х гг. Для этого периода характерна мода на собственно заимствования, но постоянное использование приемов, связанных с графемикой и параграфемикой, а также восстановление в активном запасе иноязычных лексем, изменение в их семантике. Такая актуализация графических средств была связана со стремлением привлечь внимание к давно вошедшему в систему русского языка словам, по сути, вернуть им асистемный характер за счет использования исходно присущей этим словам латинской графики (Casino). При этом происходила своеобразная утрата характерных для

классов лексем этапов русификации, возврат к исходной заимствованной форме. Такие процессы были характерны для эргонимов, в таких случаях латинская графика могла использоваться для русских слов (*Junost'*) и др. При создании таких единиц могло использоваться контаминация латиницы и кириллицы в пределах одной лексемы или сочетания лексем: «Духless. Повесть о ненастоящем человеке», «Media Sapiens. Повесть о третьем сроке», «The Тёлки. Повесть о ненастоящей любви» С. Минаева, «Про любoff/on», «Casual. Повседневное» О. Робски, «Fuck'ты» М. Свешниковой, и т. п. Для рекламного дискурса стали характерны контаминации с включением одной или нескольких иноязычных графем: Sensация, которую Вы ждали; удоВОЛVOствие и под.

Далеко не всегда такая игра с графикой вызывала критику. Например, Вл. Новиков усмотрел «художественную ценность в слове Духless: «Минаев заезженную «бездуховность» вывернул наизнанку и вместо русского «без» подшил английский суффикс «less» – всего-то и делов. И сработало. Маркетинг... <...> Увы, всё произведение соткано из риторического старья. Пожалуй, стоило бы переписать его от начала и до конца. Но название и подзаголовок оставить. Это прикольно. Это неожиданный сигнал: «продвинутую» молодежь затошило от потребительского благополучия» (Вл. Новиков «Прикольно» или «качественно»? // Вл. Новиков «Пятьдесят свиданий с русской речью»).

Даже в сравнении с европейскими языками русский язык оказался самым толерантным к вкраплениям: «новый вид бизнеса, названный в США coworking (co + working), во французском официальном языке называется cotravail, в испанском – cotrabajo, в каталанском – cotreball. В русском языке у слова «*сработка» никаких перспектив: оно представляется чем-то вроде шишковских «мокроступов», и в наших медиа доминирует макаронизм coworking» [Котлярова, 2020, с. 254–258].

В медийном обсуждении принятых поправок к Закону о государственном языке РФ высказывались такие сомнения относительно макаронических вкраплений:

«Если ставится задача понизить значение латиницы, то почему этот закон не обязывает вовсе отказаться от неё при создании вывесок и объявлений? Он обязывает лишь уравновешивать латиницу кириллицей – сопровождать латинские надписи аналогичными кириллическими (тем же по размеру шрифтом и в том же месте). Что же получается? И нашим, и вашим? Причём речь идёт, к сожалению, не об обязательном переводе английских слов на русский, а о механической транслитерации. К примеру, на какой-нибудь афише рекламируется выступление музыкального коллектива под открытым небом – такие концерты обычно называют open air (англ. «открытый воздух»). С точки зрения здравого смысла рекламодатель должен перевести выражение на русский язык, должен так и написать – «концерт под открытым небом». Это, повторяю, с точки зрения здравого смысла. А что он должен сделать согласно принятому закону? Нечто странное – рядом с open air написать «опен эйр». Или, может быть, «опэн эйр». Или, может быть, «оупэн эйр». Совершенно очевидно, что такие вещи вызовут шквал насмешек. Благие намерения законодателей окажутся дискредитированы (Интервью с И. Анненковой «Сбережём язык – защитим сознание // Аргументы недели, 2025, № 26. С. 3).

Безусловно, приемлемы макаронизмы в своей исконной функции – создания комического эффекта и языковой игры:

Заголовок «*Бай, Байден! 82-летний Джо подвёл итоги своего президентского правления*» (Газета Парламентского собрания Союза России и Беларуси «Союзное вече», 24-30 января 2025 г. С. 6).

3.2. Проблема иноязычных брендов, эргонимов и «малой топонимики»

Маркировочные обозначения (иначе – «товарные знаки», «маркировки», «номены», «названия-марки», «номенклатурные знаки», «знаки-этикетки», «торговые этикетки», «прагматонимы», «неймы») «представляют собой лингвосоциальный артефакт, связанный с определенным хронотопом и интегрирующий в себе и денотат, и концепт. Система маркировочных наименований, популярных в определенное время в той или иной лингвокультуре, содержит обширные сведения об особенностях социальной организации, экономическом укладе, о предпочтениях, вкусах, о материальной и духовной культуре социума» [Фролова, 2011, с. 7].

Существует обширная литература по конфликтному неймингу [Велиев, 2020; Мищенко, 2013; Соколова, 2012, 2016; Ярошук, 2021; Sjöblom, 2016]. В.И. Мозговой полагает, что «латинское графическое оформление допустимо только в международных брендах, а во всех остальных случаях оно деструктивно» [Мозговой, 2019]. Но это положение оспаривается, причём с апелляцией к опыту других стран, где имена международных брендов передаются собственной графикой. Ср.: «Юрий Грымов, художественный руководитель театра «Модерн»: Я еще до санкций неоднократно говорил: не нужно нам играть, будто мы Запад. Наша культура – мощная сама по себе. И это должно выражаться и в названиях. Например, в арабских странах вы не увидите знакомых вывесок – даже западные бренды там пишутся арабской вязью (Комсомольская правда, 28 ноября 2023 г. С. 3).

Хорошо известно, что многие российские бренды из соображений моды и престижности камуфлируются под иностранные (с помощью латиницы): Gloria Jeans, Zarina, Love Republic Savage и мн. др. Сказывается представление о том, что всё заграничное заведомо лучше, качественнее. Л. Мазурова предлагает такое решение проблемы иноязычных маркировок (номенклатурных знаков) для отечественной продукции: «Может быть,

производителям, которые не стесняются кириллицы, ввести налоговые послабления? Названия на русском могут помешать экспорту? Возможно, да, а возможно, и нет. Не исключено, это как раз станет нашим уникальным знаком. И совершенно точно то, что если мы сами себя не полюбим, не стоит рассчитывать на любовь других» (Л. Мазурова «Модный, но не приговор» // Литературная газета, 2022, № 50. С. 23). То есть речь идёт не собственно о коммерческих факторах, но также о необходимости изменения психологии. И многие публикации в СМИ свидетельствуют о неприятии навязывания иноязычных маркировок: «Нет, я хочу просто кофе с молоком. Не «американо со сливками» и не «латте». Чтобы так и было написано в меню, искренне, по-русски задушевно и бесхитростно. Просто удивительно, с каким упорством подделываются формы западной цивилизации при полном игнорировании её сути. Как будто замена простодушного кофе с молоком на пижонское «американо со сливками» принесёт непременное счастье. <...> Надену тишотку и лоферы, пойду выпью смузи... Нет, не надену. Буду упрямо добиваться уголков идентичности. <...> Ничего, отстояли конфеты «Белочка», спасли эклеры и корзиночки, вернём и кофе с молоком» [Москвина, 2021]. То есть, как видим, собственные товарные знаки могут символизировать национальную идентичность и верность традициям.

Однако сегодня множество российских торговых марок уже запатентовано с использованием латиницы, хотя, как считают многие авторы, латинское графическое оформление приемлемо только в международных брендах, в иных же случаях оно деструктивно. Ср. одно из наблюдений сатирика Михаила Задорнова:

«Во время последних гастролей по русским, это очень важно – русским – городам я останавливался в следующих гостиницах:

в Ижевске – «ПАРК ИНН»;

в Набережных Челнах – «Рафф Стал»;

в Костроме – «Old Street»;

в Ярославле – «SK Royal».

И, наконец, в Иванове – Best Western рашн Манчестер» (цит. по: Саркисьянц, 2019).

Медленно меняются и вкусы шоу-бизнеса: певец Ярослав Дронов, которого считают одним из ярких представителей Z-культуры (хотя, на наш взгляд, это всего лишь грамотный «проект», имеющий мало отношения к подлинной культуре), не спешит расставаться со своим сценическим именем SHAMAN. Как совершенно справедливо заметил бард Александр Новиков, такие факты показывают: доморощенные маркетологи и «креативные продюсеры» не понимают, что сегодня «это работает наоборот» (Аргументы недели, 2024, № 23. С. 6). Ср. также: *«...среди наставников не имеющая музыкального образования певица Zivert – не понимаю, почему псевдоним Юлии Сытник Первый канал пишет на латинице? У нас вроде даже вывески на других языках запрещены* (А. Кондрашов «Кого позвало время» // Литературная газета, 2024, № 14. С. 13).

В сфере коммерческой эргономики макаронические вкрапления типа Сказка», «Золотой Век», «Заколка.ру» выполняют декоративную и аттрактивную функции. Латиница, внедряясь в русское слово, взрывает словообразовательную модель и разрушает присущий ему орфографический облик. Массовым стало использование графического знака, заменяющего союз and: «Картинная галерея & Багетная мастерская», «Кухни & Шкафы», «Блузки & рубашки». Используется в эргономии значок @, применяемый в электронной почте: Dog@Discount (зоомагазин), Оптим@Мед (медицинский центр).

Как пишет В.И. Мозговой [2019], «сегодня до 90 % эргономии в крупных городах страдает «болезнью» графогибридизации». Но после трёх десятилетий успеха использованием такого приема в номинации не приводит к достаточному результату в маркетинге, поскольку общество стремится подчеркнуть, актуализировать национальную идентичность. В.Р. Саркисьянц [2017] считает, что англизация в сфере номенклатурных единиц есть, скорее, проблема гражданского общества, а не юридических институтов. Но принятые

Госдумой поправки в Закон о государственном языке РФ переводят проблему в правовое поле, что вполне оправданно в современной ситуации. Закон содержит ряд положений, жестко ограничивающих неправомерное применение иноязычия, и средствам массовой информации, владельцам заведений с вывесками на английском языке грозит вполне не иллюзорное наказание за нарушение закона.

Старинная русская беда – стремление обозначить на вывесках принадлежность нездешнему, иностранному (хотя бы и с помощью родного алфавита): сп.:

*«Тамбов на карте генеральной
Кружском означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин»...*

(М.Ю. Лермонтов «Тамбовская казначейша» (СС в 4-х т. Т. 2. С. 21).

Трактир с названием «Берлин» в русском уездном городе, вывеска «Иностранец из Лондона и Парижа», над которой иронизировал Н. Гоголь, – всё это живо до сих пор; сп. «...сапожная мастерская Versal, это мы вроде перенеслись во Францию. Жалко, что тамошний Версаль пишется иначе, но, с другой стороны, он ведь и не сапожная мастерская» [Кронгауз, 2008, с. 133–134]. Ср. также:

«Помните первую главу «Мёртвых душ» Гоголя, когда Чичиков приезжает в город? «Попадались почти смытые дождём вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью “Иностранец Василий Фёдоров”...» Вот этот иностранец Василий Фёдоров теперь вовсю определяет стиль нашей жизни» [Москвина, 2021].

А. Фефёлов пишет о том, как «иностраниц Василий Фёдоров» действует сегодня: «...на улицах Москвы и других городов России можно встретить пример обратной транслитерации, когда с приторным безвкусием русские слова пишут латинскими буквами. Подобное лингвоскотство, очевидно, не замечается надзорными инстанциями. Получается, что высокоумные разговоры депутатов и придворных политологов об уникальности русской цивилизации – это не про жизнь, не про городскую среду, а про что-то нездешнее и неуловимое, напоминающее свет далёкой звезды? Пора нам – власти, народу, всей стране – определяться, чего же мы хотим» (А. Фефёлов «Лингвооккупация» // Завтра, 2024, № 42. С. 8).

В выступлении перед депутатами Госдумы кинорежиссёр Никита Михалков сказал: «Если вы привезёте иностранца, посадите его в машину и прокатите по центру любого города в нашей стране, он, глядя в окно, не поймёт, что находится в России. Потому что практически девяносто процентов вывесок написаны латинским шрифтом, английскими словами» (Н. Михалков «Мы должны перетерпеть и стать для других неудобными» // Союзное вече. Газета парламентского собрания Союза Беларуси и России, 4–10 июля 2025 г. С. 12). Или ср.: «Многовато латиницы на улицах страны, которая декларирует особый, отдельный от Запада путь. Тем более что и многие бренды западные из страны ушли. <...> Замена вывесок – это лечение одного из симптомов той болезни, которой страдает уже долгие годы наша страна. Симптоматическое лечение, впрочем, тоже нужно» (А. Долгарёва «Жизнь без англицизмов» // Литературная газета, 22 января 2025 г.).

В тексте поэтессы А. Долгарёвой подчёркивается, что преобладание латиницы в области малой топонимики есть отражение серьёзной болезни – преклонения перед Западом и забвения своих корней. Замену вывесок она уподобляет симптоматическому лечению (которое тоже нужно, но которое не избавляет от причин болезни, а значит не способно привести к полному исцелению).

Впрочем, всегда были «островки идентичности». Так, данные, которые приводятся в работе Ю. Н. Шаталовой [2016], свидетельствуют о том, что в Белгороде заимствования составляют не более 1,5 % от всех городских эргонимов: жители и руководство города предпочитают собственные названия с прямой информационной направленностью: «Продукты», «Рыба», «Молоко».

Городская искусственная ономастика – та среда, которая, очевидно, может быть избавлена от англизации сравнительно легко. А. Размахнин в статье «Ни кеша, ни фреша: как изменяются вывески после запрета англицизмов. Отказ от ненужных английских слов изменит облик улиц российских городов» (Московский комсомолец, 12 февраля 2025 г.) поднимает такую важную проблему: *«... пусть мы полностью уберем с улиц все «нерусские» вывески и таблички – латиницей они написаны или просто содержат слова, которых не найти в русском словаре. Но останутся товарные знаки, ведь их новый закон никак не ограничивает. И значит, во-первых, Mr. Croissant не превратится в «Господина Рогалика». Правда, названия типа «Америкен бой» и так постепенно уходят с вывесок – никуда не денутся, вымрут потихоньку. Но во-вторых (и это куда хуже), латиница останется и в чисто русских названиях-логотипах. Всевозможные Lanti, Moloko & Kasha, «OGOnёk» и им подобные кадавры из кириллицы с латиницей вошли в привычку по двум причинам: маркетологи и дизайнеры считают, что это круто и привлекает покупателей, а юристам так проще регистрировать уникальные товарные знаки. А в результате получается так, что любые грозные законопроекты, если они не затрагивают «священную корову» товарных знаков, не работают и не будут работать».*

Заметим, однако, что и товарные знаки могут быть изменены без ущерба для бизнеса. В Ростове-на-Дону сеть кафе «Итальянский квартал», давно существующая и вполне успешная, изменила название на «Вкусная версия». Действительно, никакой особой итальянской направленности в кулинарии там никогда не было (даже пиццу не делали), и никакой необходимости в прежнем

названии не было. Но нельзя сказать, что в Ростове-на-Дону идёт массовое переименование: по-прежнему на месте Cafe, Чай & кофе и под.

Т. Москвина [2021] пишет о практике параллельных наименований улиц в Санкт-Петербурге: «Произошли все эти перемены с какой-то волшебной незаметностью. И тихо, без споров и обсуждений: стоит рядом с надписью «Василеостровская» немыслимая «Vasileostrovskaya», так это обязательно так и надо. Для приезжих. Не учить же им кириллицу, они люди цивилизованные, и при виде кириллицы у них сразу начинается мигрень и диарея одновременно. <...> И теперь, внимание, вопрос: а с какой стати мы стелемся перед иноземцами в низком почтительном поклоне? Почему так исступленно думаем об их удовлетворении? Мы что – колония, чтобы пояснять язык дикихaborигенов для настоящих господ? <...> Это означает – для меня – некий дефицит самоуважения. С какой стати затеялся и осуществился этот лакейский прогиб – имена своих улиц писать на чужом языке, в родном народном троллейбусе на английском квакать?» Показателен сарказм Татьяны Москвиной: сравнение великого Санкт-Петербурга с колонией, его жителей – с лакеями, которые угождают иностранным «господам».

Отдельная проблема – обсценизмы, камуфлируемые иноязычием, ср.: «Этим летом в подмосковном «Перекрестке», куда регулярно захожу, я с некоторым недоумением обнаружил в холодильнике с мороженым баночку с надписью «Порнstar», мороженое от производителя ООО «Топфуд». Если кто-то не понял, то переводится это как «порнозвезда», то есть пользующаяся у соответствующей публики успехом порноактриса (или актер). Присутствие подобного названия в холодильнике с эскимо и фруктовым мороженым, куда наиболее часто заглядывают как раз дети, вполне возможно, на мой взгляд, счастье пропагандой порнографии среди несовершеннолетних, так как, прочитав непонятное слово, ребенок, вероятно, займется поисками в интернете, и легко представить, что там вылезет на такой запрос. Производитель наверняка сообщит вам, что «так называется популярный вочных клубах коктейль», но Сеть покажет вам отнюдь не его. Посчитав

находку потенциально опасной для детской психики, я написал соответствующее сообщение на сайте правительства Московской области, которое (надо признать, оперативно) перенаправили в областной Роспотребнадзор» (П. Власов «Ценности по цене мороженого» // Культура, 2022, № 11. С. 2);

«Правда ли, что Настя Ивлеева открыла бар в центре Москвы?

В Столешниковом переулке рядом с закрывшимся «Симачевым» открылся бар-латиничная Nudles. Сначала в меню в интернете значились напитки с провокационными названиями: «Почти голый коктейль», «Коктейль с извинениями», «Слезы Ивлеевой». Но потом дерзкий брендинг исчез – Business FM съездила и проверила. Что это было и каковы перспективы такого заведения? Название нового бара Нasti Ивлеевой Nudles намекает на nude («обнаженный»). Слово «латина» пишется по-другому — noodles» [Акинина, 2023].

Естественно, прежняя ксенофилия не должна смениться тотальной ксенофобией, ксенофобным пуризмом; ср. вполне справедливое мнение: «Жёсткая инвентаризация иностранщины в российских городах и веснях должна сопровождаться укреплением наших культурных связей с Западом» (М. Любимов «Русский ключ» // Литературная газета, 2024, № 17-18. С. 2). Эта мысль знаменитого деятеля внешней разведки Михаила Любимова очень важна: мы вовсе не стремимся к международной изоляции, но хотим в отношениях с Западными странами сохранить культурную и языковую идентичность.

3.3. Особые коммуникативные среды как объект иноязычного влияния

3.3.1. Англизация современных медиа

Современные медиа с их функцией активного воздействия – это новая социальная и лингвистическая реальность, и неслучайно медийными текстами занимаются сегодня целые научные направления – медиалингвистика и медиастилистика. Медиадискурс рассматривается как особое образование, которое способно доминировать в современной коммуникации, в том числе за счет активного распространения во всех коммуникативных сферах, а также в результате существенного расширения понятия медиадискурса в связи с законодательным включением блогосферы в состав медиа.

«Особая социальная значимость медиалекта обусловлена тем, что сегодня именно он определяет характер всех активных процессов, происходящих в языке, оказывает сильнейшее влияние на все другие формы языка, в том числе на литературный язык» [Полонский, 2018, с. 230].

Поскольку медиа по природе своей должны быстро откликаться на все изменения в жизни социума, в том числе – на языковые нововведения, они изобилуют и неологией английского происхождения. М.А. Кронгауз возлагает именно на журналистов ответственность за переизбыток иноязычия: «Лень или самоуверенность журналистов становится фактически «ленью языка», который почти утрачивает внутренние механизмы перевода» [Кронгауз, 2008, с. 69]. Медийное пространство служит площадкой позиционирования, сопоставления, сравнения, противопоставления, борьбы различных ценностей, в том числе и ценностей, неразрывно связанных с процессами коммуникации. Если в фокусе внимания современных медиа проблемы политики, экономики, культуры, естественно, что англицизмы, отражающие глобалистское влияние на все эти сферы, будут многочисленными.

Медиа стремятся к лаконизму, семантической ёмкости, языковой экономии и экономии медийного пространства, поэтому побудительный мотив предпочтения англизма – однословное выражение понятия – важен в СМИ:

И выходит, что фермеры в таком случае не что иное, как наёмные работники на аутсорсинге у компаний-посредников (Т. Воеводина «как идти вперёд без мордобоя» // Литературная газета, 2025, № 34. С. 5). Аутсорсинг (от англ. *outsourcing* – «использование внешних ресурсов») – передача определённых функций или процессов компании сторонним подрядчикам. Заголовок статьи М. Мур: «Трейлер был красивый. А кино – так себе (Комсомольская правда, 3 ноября 2023 г. С. 15). В кинематографе трейлер – это небольшой видеоролик, используемый для анонсирования или рекламы фильма, аниме или компьютерной/видеоигры.

Даже издания, которые далеки от популяризации заимствований, в необходимых случаях предпочитают однословные англизмы: «*To есть, по сути, все наши продукты – это как бы мини-трейлеры, чтобы завлечь...*» (М. Дубинская «В кривых зеркалах» // Завтра. 2025, № 24. С. 8).

Есть заимствования, которые так или иначе связаны или с неприятными явлениями, или отражают мнения и вкусы, многими не разделяемые. Одно из них – селебрити. В Словаре модных слов Вл. Новикова оно характеризуется так: «Селебрити. Считаю ненужным возведение «железного занавеса» между русским и другими языками, но неумеренный лексический импорт порой вызывает раздражение. <...> Надеюсь, что со временем произойдёт естественная депортация незаконных слов-мигрантов. И в первую очередь с пожеланием «скатертью дорожка» я обратился бы к таким словам, как «селебрити». <...> Не встречал ни одного достойного человека, который к себе лично относил бы понятие «селебрити». Зато высокомерных и притом пустейших существ, бравирующих этим речевым «брендом», хоть отбавляй» [Новиков, 2016, с. 243–244]. Против этого мнения как будто нечего возразить, однако ср.: «Очень хороши рассказ «Комплекс стандартов» – занимательный

трагикомичный автофикишен. Сенчин вспоминает свой звёздный час, когда выстрелил его роман «Елтышевы» и он стал литературным селебрити, осыпанным премиями и вниманием критиков» (Р. Богословский «Старая искренность в новых реалиях» // Литературная газета, 2025, № 43. С. 29). Сам писатель Роман Сенчин вряд ли когда-нибудь применял к себе это наименование, но автор статьи нашёл возможным использовать это слово, потому что оно присутствует в общественном сознании как оценочная категория. Ср. также название статьи «Селебрити как форматообразующий элемент развлекательных телепрограмм» [Колосова, 2023] и фрагменты этой статьи: «Примечательно, что особое внимание телезрители уделяют программам, в которых присутствуют **селебрити** (от англ. *celebrity* – «знаменитость»), что подтверждается еженедельными рейтингами компании Mediascope. ...несмотря на то, что тематическая направленность форматов может быть не связана со знаменитостями, они все равно часто присутствуют в кадре. Эта тенденция характерна для социально-бытовых ток-шоу, где среди экспертов всегда есть **селебрити»** [Колосова, 2023, с. 156–157]. То есть, это слово актуально для медийной повестки.

В традициях качественных изданий – пояснительные комментарии к англицизмам, которые могут быть неизвестны читателям:

«Когда вы были президентом и премьером, и в России, и на Западе вы считались либеральным демократичным политиком. А теперь вы главный хейтер (автор жестких сообщений. – Ред.) от лица российской власти в интернете» (Е. Кривякина «Интервью с Д. Медведевым» // Комсомольская правда, 27 февраля 2024 г. С. 4); *«Смею предположить, что именно Першин – автор всех выпусков франшизы (этот прижившийся англицизм обозначает ряд фильмов об одних и тех же героях) «Лёд»* (А. Кондрашов «Горячий «Лёд»// Литературная газета, 2024, № 9. С. 13).

Заемствования, исходно связанные с медиа, существенно расширяют сферу использования и способны заполнять ранее существовавшие в

системе лакуны. Для таких единиц характерна актуализация деривационного потенциала:

буллинг – буллитъ, кибербуллинг; лайт – лайтово, лайтовый; фрейм, фрейминг, макрофрейм, фреймировать, фреймирование, хайп, хайпануть, хайповый, хайпожор и мн. др.

Факультет журналистики МГУ провёл анкетирование на предмет отношения самих журналистов к массовому притоку в медиа англоамериканизмов. Многие из отвечавших на вопросы анкеты признают, что «мы стали меньше уважать и ценить свой язык, что ведет к разъединению; наши слова «понятнее аудитории, ближе, роднее, теплее, чем англизмы» [Попова, 2016, с. 330]. С другой стороны – без англизмов, особенно ассилированных, не обойтись (а вот писать вместо «билет» «тиcket» глупо). Л. Мониава, отличившаяся резкой формулировкой «заимствование – это в каком-то смысле предательство», тем не менее в пространстве этого текста в ходе анкетирования использует неассимилированный англизм: «Могу написать, какие я вижу средства выразительности в хорошо мне знакомой области фандрайзинговой (русского слова, к сожалению не существует) журналистике» [Мониава, 2016, с. 298–299].

Есть, конечно, и отражение точки зрения, согласно которой «язык во всём сам разберётся», например: «Заимствование – это естественный процесс, а какое может быть отношение к естественному процессу?» [Липатов, 2016, с. 250]. Но чаще звучит мысль о необходимости критического отношения к англизмам, во всяком случае – о чувстве меры: «Уместное использование заимствований – дело вкуса и производное чувства меры» [Сапгир, 2016, с. 363]. Указывается даже конкретное воплощение «меры»: «Можно не больше 5-6 иностранных слов на разворот» [Позина, 2016, с. 330].

Далеко не всегда приемлемость англизма связана только с наличием/отсутствием аналога. Ср. аргументы Вл. Новикова в защиту таких слов, бесспорно, имеющих русские аналоги, как дедлайн и месседж [Новиков, 2016]. В первом случае аргументом служит внутренняя форма слова (внешняя

всем, кто на школьном уровне знаком с английским языком), обеспечивающая более сильное звучание этого слова по сравнению с русским аналогом, во втором случае – семантическое различие с русским «послание» («месседж» ассоциируется в первую очередь с главной идеей послания). Заметим, однако, что в медиа фиксируется и то, что, например, слово дедлайн встречается в контекстах, которые не свидетельствуют о хорошем понимании внутренней формы:

*«Насколько хорошо Зеленский освоил команды, будет ясно довольно скоро. Крайний дедлайн Трампа был назначен на начало сентября (Д. Попов «Вице-президент США Вэнс признался в дрессировке Зеленского: американскому народу было полезно взглянуть. Европа робко подключилась к воспитательному процессу» // Московский комсомолец, 28 августа 2025 г.). Дедлайном называют именно крайний срок, так что сочетание *крайний дедлайн* тавтологично.*

Используемые в медиа термины обретают известность за пределами терминологической сферы и могут использоваться в ироническом контексте. Ср. ироническое стихотворение Сергея Шерстнева «Промпт» на последней странице «Литературной газеты», которая по традиции отдана юмористическому клубу «12 стульев» (Литературная газета, 2025. № 35. С. 32):

*«Наверное, сейчас я перегну,
Но теплится последняя надежда.
О GPT, создай же мне жену,
Валькирию в сияющей одежде,
С походкой лани, с нежностью в глазах,
Покорную, но умную к тому же,
Чтоб отвечала бы за свой базар,
Чтоб умудрялась приготовить
вкусный ужин,
Чтоб было с ней о чём поговорить,*

*Но в споре я всегда был правым,
Чтоб с ней могли поехать в Paris
За счет её и там добиться славы,
Чтоб из родни в живых лишь дед Евсей
С именем на Рублёвке, с дачей в Альпах,
Готовый подарить наследство ей,
Мне же – титул «кабальеро» и «идальго»,
Чтоб жить с ней без страданий и забот
И не растратить состоянье сдуру.*

O GPT, как написать

*мне промпт,
Чтоб ты создал бы мне
такую дуру?»*

Промпт (от англ. prompt – «подсказка» или «инструкция») – ‘текстовый запрос, который пользователь отправляет нейросети для получения нужного результата’, то есть это ‘инструкция для искусственного интеллекта: пользователь формулирует задачу, а нейросеть выполняет её – пишет текст, генерирует картинку, анализирует данные или подбирает идеи’. GPT (Generative Pre-trained Transformer) – ‘тип нейронных языковых моделей, которые обучаются на больших объемах текстовых данных и способны генерировать текст, сходный с тем, который пишет человек’.

Вообще игровая комическая функция свойственна медийным англицизмам, ср.:

Анекдот: «2050 год. Пятилетний сын с мамой слушают рекламу на радио: «Эффективный коучинг по бренд-менеджменту! Коммуникации бренда с потребителем. Формирование аутсорсинговых пультов в ресече. Мониторинг дистрибуции. Улица Пушкина, 25». Ребенок поднимает глаза и спрашивает: «Мама, а кто такой Пушкин?» (А. Мащенко «Русский язык в мире //Парламентская газета 15 июня 2024 г.); анекдот «Ещё никто не обвинял в харассменте на рабочем месте фрезеровщиков и сварщиков. Выбирайте

правильно профессию!» (Комсомольская правда, 29 августа 2025 г. С. 16); «Современным ученикам привычней услышать от педагога шутку «Погугли в голове» или «Окей, гугл, кто пойдёт к доске?» (Комсомольская правда, 8-15 октября 2025 г. С. 54) – в отличие от старых шуток типа «Домашнюю работу за тебя Пушкин делать будет?», «Лес рук», «Голову ты не забыл?»; анекдот «Лев Толстой был зеркалом русской революции, а Максим Горький – её фотошопом» (Комсомольская правда, 5–12 ноября 2025 г.); заголовок «*А ты, чудак, держи редфлаг*» (Комсомольская правда, 1–8 октября, 2025 г. С. 37); «Если женщина в такой ситуации не теряет присутствия духа, значит, на нее можно рассчитывать! – воззвал к разуму Малосольцев перед тем, как сдать в лизинг руку и сердце (А. Коломейский «Свадебный марш Моцарта» // Литературная газета, 2021, № 42. С. 32); анекдот: «Если программист изобрёл ещё более понятный интерфейс, мир создаст ещё более тупого юзера» (Комсомольская правда, 3 октября 2025 г. С. 16).

Для всех типов англицизмов характерна сильная – заголовочная – позиция в медиа: рецензия А. Иванова на сериал «Олдскул» называется «Олдгёрл» (Литературная газета, 2025, № 37. С. 12); реплика А. Кондрашова на телевизионную рекламу банка ВТБ называется «Платёж далёк, кешбэк огромный!» (Литературная газета, 2024, № 41. С. 12); статья С. Федоровской о популяризации агропромышленного комплекса имеет заголовок «Деревня – в тренде!» (Аргументы и факты на Дону, 2025, № 36. С. 13); сп. также заголовок статьи С. Ануреева «Опять шатдаун» (Завтра, 2025, № 40. С. 2); заголовок «Лайфхаки юношей питают» – дальше кулинарные советы (Комсомольская правда, 29 марта 2024 г. С. 14); заголовок статьи В. Воробьёва «Выдавим из себя ватсап!» (Завтра, 2025, № 4. С. 2); заголовок статьи Н. Варсеговой «БРЕНДовая идея» (Комсомольская правда, 28 ноября 2023 г. С. 5); название статьи психологов И. Медведевой и Т. Шишовой «Crazy пирог» (Литературная газета, 2025, № 37. С. 4); заголовок «Москва создала новый тренд на выборах» (Аргументы и факты, 2025, № 38. С. 4); заголовок «Вакансия: бойфренд. Опыт необязателен» (Комсомольская правда, 7 ноября

2025 г.); подзаголовок «Кошмар зооситтера» (А. Будаева «Мэри Поппинс для Мурзика» // Комсомольская правда, 20-27 августа 2025 г. С. 35) и мн. др.

3.3.2. Иноязычие в терминосферах: элиминация понятийных лакун или «болезнь подражания»?

Профессиональные языки, терминосфераы содержат большое количество англицизмов, говорят о «массированном влиянии английского языка» на эти сферы, и дерусификация отечественной науки представляется небезопасной. Ясно, что дерусификация науки и высшего образования расшатывает позиции русского мира на постсоветском пространстве (поскольку утрачивается один из важнейших стимулов изучения русского языка, он не выигрывает в конкуренции с английским языком как языком с наиболее высокой мотивацией к его изучению). «...английский язык становится основным медиатором в системе межъязыковых контактов, составляя основной ресурс терминологического развития языков, отвечающего уровню современных технологий», – пишет А.А. Котлярова [2025, с. 6]. Научная терминология русского языка постоянно пополняется за счет англицизмов, и в ряде случаев это закономерно, так как связано с элиминированием понятийных лакун (как, например, в терминологии экономики и финансов в постперестроечный период перехода от плановой экономики к экономике рыночной). Ср. характерное название статьи «Заполнение лакун русской тематической группы «финансовая и коммерческая деятельность» англоязычными заимствованиями» [Коротких, 2009, с. 56–66] и анализ этого явления в работе: [Акай, 2020].

Интернационализация терминологии плодотворна при сохранении терминологического баланса, основанного на принципе разумного сочетания традиционных терминов и англицизмов, передающих новые понятия. Нельзя

не признать, что английский язык дает взаимопонимание во многих сферах межнационального общения; см.: [Halliday, 2020].

Тем не менее учёные ищут пути возвращения исконных наименований в терминосфера. В.Ю. Туранов выступает с инициативой термин «контракт» в законодательных актах заменить аналогом «договор» [Туранов, 2017]. Действительно, современный правовой дискурс изобилует англизмами – аутсорсинг, блокчейн, лизинг, майнинг, пранкинг, краудфандинг, скимминг, хайджекинг, биткойн, токен и мн. др. Но, как отмечено в работе: [Дьяков, 2021, с. 161–162], причиной «появления большого количества английских заимствований в речи российских юристов является интернационализация юридической терминологии, что связано с расширением международных контактов, появлением новых процессов и понятий в правовой сфере. Английские заимствования выполняют, помимо номинативных, ряд прагматических функций: профессионально атtestующую, социально маркирующую».

Давно было известно, что иноязычие в гуманитарном научном тексте (который в современных условиях всё более тяготеет не к информационности, а к фатике; см.: Брусенская, Куликова, 2019) нередко выполняет цели, которые не должны быть свойственны языку науки: соответствие престижу, моде, повышение в ранге, а то и просто «камуфлирование пустоты». «...терпеть не могу щеголяния иностранными одеждами, когда вместо «причинно-временной» говорят «каузально-tempоральный», – пишет Вл. Новиков в «Романе с языком».

У создателя серии Словарей модных слов Вл. Новикова есть замечания, которые касаются отношения к иноязычной терминологии: он не любит «грецизм хронотоп», не понимает надобности термина «интертекстуальность» и с термином «дискурс» считает нужным «разобраться»: «в одном лингвистическом словаре так и написано: мол, «дискурс» – это речь, рассматриваемая с учетом ВСЕХ неязыковых факторов». Извините, но это не под силу ни лингвистике, ни науке вообще. Наши разговорчики с учетом

ВСЕХ экстралингвистических факторов может понять только Господь Вседержитель!» (Вл. Новиков «Роман с языком»). Н.М. Шанский более 20 лет назад выступал против этого термина: «Вообще русистам давно нужно как следует подумать об упорядочении своей терминологии и освобождении ее по возможности от иностранного «мусора» вроде новомодных словечек типа дискурс, парадигма» [Шанский, 2004, с. 101].

Но тот факт, что термин «дискурс» иногда применяется неправомерно и спекулятивно, не отменяет важности понятия и тех направлений в лингвистике, которые с ним связаны.

В двух различных публикациях Вл. Новиков высказался по поводу терминов «интертекст» и «интэртекстуальность». В статье «Речевая мода становится более сдержанной» Вл. Новикова читаем: «*Чужое для меня слово и чуждое. При необходимости им пользуюсь – для контакта с коллегами. Но в моем интимном сознании такой категории не существует. В широко цитируемом анекдоте мальчик Вовочка спорит с теми, кто говорит, что слова «ж...» нет. Как же так: ж... есть, а слова нет? А здесь, по-моему, такой случай, когда слово есть, а ж..., то есть реальной сущности, нет*» (Учительская газета, 27 июня 2023 г.). Вл. Новиков считает, что «*нет такого явления, которое можно назвать только «интертекстом» и никак иначе*», что это слово «*поживет недолго и умрет естественной смертью, поскольку при помощи этого понятия либо размазываются трюизмы, либо оправдываются заведомые выдумки*» (Вл. Новиков «Жизнь – это соавторство» // Литературная газета, 2023, № 9. С. 10).

По понятным причинам это мнение не разделяют многочисленные авторы трудов по интертекстуальности, которые полагают, что интертекстуальность – это родовое понятие для видовых понятий, таких как реминисценция, аллюзия, цитата и др.

Критике подвергаются и новые номинации с элементом медиа: «...бездумная «медиатизация» номинаций иногда порождает подлинные «шедевры», вроде названия бакалаврской учебной программы

«Медиажурналистика» – как будто журналистика способна существовать вне каналов распространения информации [Корконосенко, 2025, с. 186].

Важно иметь в виду, что терминологические англицизмы могут очень быстро менять свой статус – от элементов, требующих комментариев, до единиц, широко признанных в профессиональном сообществе. Ю. Поляков в 2017 году писал: «*Жанр, в котором творил писатель, мы назвали бы сегодня нон-фикшен, а по-русски – очерк. К этой форме тогда прибегали многие, не владевшие сюжетным вымыслом, но Солоухин предложил читателям сверхочерк, подняв его на уровень высокой интеллектуальной прозы*» (Ю. Поляков «Солоухин возвращается» // Литературная газета, 2017, № 13). Но литературоведческий термин нон-фикшен (нон-фикшн) очень быстро приобрёл популярность и сегодня фактически пополнил ряды околотерминологической лексики. Его содержание вовсе не исчерпывается понятием «очерк» и даже «сверхочерк» (ср. актуальное понятие «художественный нон-фикшн»). Это, скорее, мега-жанр, включающий и публицистику, и документальные тексты, и мемуары, и произведения сугубо прикладного характера типа полезных советов. Появились авторы, которых считают классиками этого жанра (Р. Сенчин как ведущий автор в художественном нон-фикшн). Ср. также: «*2022 год вошел в историю литературы и книжности как триумф нон-фикшина*» (Вл. Новиков «Современные писатели – о лучших книгах 2022 года» // Литературная газета, 2023. № 3. С. 3).

Естественно, что упорядочение терминосферы – это область постоянной заботы специалистов. И сегодня это упорядочение неотделимо от избавления от немотивированных иноязычий и продвижения необходимых заимствований.

3.4. Прагматическая информация в лексикографии и её роль в преодолении вербальных конфликтов

Итак, принятые Госдумой поправки к Закону о государственном языке РФ, предполагали значительное сокращение в публичном пространстве англицизмов. Для претворения в жизнь этой установки предполагалось создать линейку словарей, фиксировавших современную лексическую норму – без излишних неоправданных англицизмов. Мы уже отмечали, что, хотя СВО и стало «точкой невозврата» в использовании иноязычных заимствований, хотя в обществе идеи избавления от навязанных англицизмов были широко поддержаны, изменения не наступили везде и сразу. То же в лексикографии. Ср. замечания председателя комитета Государственной думы по культуре Е. Ямпольской по поводу нового издания орфографического словаря: «*Ради чего уважаемые коллеги ежегодно пополняют Русский орфографический словарь РАН то фудшерингом, то паузербанком, искренне не понимаю: не следует на академическом уровне нормативно закреплять англицизмы, которые в основном засоряют русский язык*» (Советская Россия, 11 августа 2025 г.).

Думаем, что нам нужны не просто новые списки слов, имеющих / не имеющих аналоги, а словари с развёрнутыми прагматическими характеристиками. И эта информация поможет разграничивать иноязычные вкрапления, имеющие эстетическую функцию, расширяющие смысловые границы дискурса со сложной «многослойной» структурой [Урсул, 2012], от иноязычия, которое используется с коммерческой целью, для повышения престижа и ранга.

Наша лингвистическая публицистика (например, многочисленные труды Вл. Новикова – «Роман с языком», «50 свиданий с русской речью», три издания «Словаря модных слов»), многие тексты И.Б. Левонтиной, Е.Я. Шмелёвой, М.А. Кронгауза и многих других популяризаторов лингвистических знаний дают богатый материал для таких рекомендательных

изданий. Так, И.Б. Левонтина сравнила англицизм «лузер» с исконным словом «неудачник» и установила, что в русском варианте ощущается симпатия к референту (иногда – лишняя), а англицизм передаёт прагматику, которую можно передать словами «не достиг и сам виноват, очень плохо» [Левонтина, 2017]. Соответственно, если симпатия не нужна, больше подойдёт англицизм.

Заемствования могут содержать и оценку значимости референта, поэтому лайфхак ('взлом жизни') – это объемнее по семантике, гораздо значительнее, чем просто 'полезный совет' или 'маленькая хитрость', которые считают «аналогами».

Конечно, неизбежны различия в оценках нужности англицизмов даже в профессиональном сообществе. Но давно известно, что «норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников» [Истрена, 1948, с. 19]. Думаем, эти два критерия могут помочь и в разграничении полезных (нормативных или имеющих шансы стать таковыми) заемствований и тех, которые в современных условиях нежелательны. Во всяком случае, ясно, что время, когда было возможно бездумное и безответственное употребление иноязычных единиц, прошло.

Существует распоряжение правительства России № 1102-р от 25 апреля 2025 г., которое указывает на четыре совершенно конкретных словаря, в которых закладываются верные варианты русского языка как государственного:

1. Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук).

2. Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук).

3. Словарь иностранных слов (разработчик – федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук).

4. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»).

В конце 2025 г. указанные словари были предъявлены читателям, и разгорелась острая дискуссия (Литературная газета, №№ 38, 40, 43, 44); сп. названия статей: «Русская суть языка. Куда она пропала из Национального словарного фонда», «Словарь тревоги нашей», «Мелочи додумайте сами» и подзаголовки «Делали насpx и сделали на смех», «Бестолковый толковый», «В контре к языку литературному», «Вселенная в алфавитном порядке или хаос произвола?», «Подмена понятий», «Твоя моя не понимай». То есть, новые словари вызвали много обоснованной критики. Недоумение вызвало слово «государственный», вынесенное в заголовок, тем более, что из-за него пришлось убрать слово «русский». Ситуация называлась беспрецедентной: «выходит словарь языка, и при этом не указывается, словарём какого языка он является» (Литературная газета, 2025, № 44. С. 5).

В СССР до самого последнего времени русский язык не трактовался как государственный: он именовался добровольно избранным средством межнационального общения народов Советского Союза (в соответствии с ленинскими тезисами о том, что великий русский язык не нуждается в том, чтобы его внедряли с помощью государственных методов, в том числе – насилием и принуждением). В конце 80-х годов в республиках СССР пришли в движение националистические силы и русский язык стал настойчиво вытесняться из публичной коммуникации. В противовес этому в апреле в 1990 г. Верховный Совет принял «Закон о языках народов СССР», и русский язык официально был признан государственным, но это уже не могло повлиять ни на общую политическую ситуацию, ни на ситуацию с русским языком.

Абсолютно понятно, что в современных условиях есть потребность подчеркнуть особую значимость русского языка как государственного и тем самым защитить его от внешних посягательств. Однако то решение, которые приняли авторы словаря, конечно, вызывает недоумение, ибо «государственный» – не лингвистическая, а политическая категория, и не в традициях отечественной лексикографии выносить этот атрибут в название словаря. Авторов словаря заподозрили в том, что они «тяготятся своей русскостью» (Литературная газета, 2025, № 43. С.4). Ср.:

«Совмещение слов государственный и русский, в свою очередь, не что иное как тавтология и дурновкусие, а замена русского на государственный или его пропуск встают в один ряд с фактами исчезновения креста с православного храма в первоначальном дизайне денежной купюры достоинством в 1000 рублей, появления натовского оружия и обмундирования в памятнике российским солдатам, неоправданным засильем иноязычных слов и корней (часто в латинице) – здравсити, аэросити, мебелсити, шаверлэнд, Casual, I Studio, Vapezone, Lady Sharm и пр., разъедающим нашу культуру изнутри» (Т. Корованенко «Мелочи додумайте сами» // Литературная газета, 2025, № 43. С. 4).

Новые словари обвиняются в торопливости, неряшливости и нетщательности. Так что они вряд ли решат и главную проблему – однозначно установят приемлемые англицизмы и устранит неприемлемые. Даже с исконными словами получилось не очень достойно: например, в толковом словаре отсутствует слово «герой». Т. Корованенко восклицает: «По какому же праву отсутствует слово «герой»? Оно, подобно нецензурной браны, оставлено за рамками государственного языка?» (Литературная газета, 2025, № 43. С. 5).

Думаем, что задача создания единого словаря, в котором будут устранены англицизмы, имеющие аналоги, в своей основе поставлена некорректно. В традициях отечественной лексикографии было идущее от работы Л.В. Щербы [1940] противопоставление нормативных словарей и

словарей-справочников, и, как считал, Л.В. Щерба, оба словаря ценные и выполняют свои задачи. Справочники представляют всё фактологическое богатство, а нормативные словари дают материал, максимально снабжённый всеми типами лексикографической информации и рекомендуемый к употреблению в соответствии с этими сведениями.

Затем это положение многократно интерпретировалось во многих работах [Беляева, 2009; Акай, 2020; Брусенская, 2022]. Выяснено, что кодификация может выполнять различные функции: описывать современное состояние языка в целом или какой-то его подсистемы, осуществлять селекцию и давать рекомендации, предупреждать неблагоприятные тенденции в развитии языка и предупреждать ошибки.

Сегодня нужны как минимум два словаря иноязычных слов (причём разумнее остановиться на заимствованиях последних десятилетий, потому что давно и прочно вошедшие в русский язык иноязычия уже давно охарактеризованы в общих толковых словарях) – дескриптивный (справочник) и прескритивный (нормативного типа). Первый даст максимально полный охват иноязычной лексики и будет полезен для понимания максимально широкого круга общих и специальных текстов. И прагматическая информация должна быть в нём максимально широкой (в противном случае этот словарь ничем не будет отличаться от справочных материалов, доступных каждому в интернете). Второй – прескриптивный, предписывающий, обязательный, нормативный, и также снабжённый максимально полной прагматической информацией. Такой подход предлагал В.В. Химик [2013], когда обсуждал правомерность включения в толковый словарь обсценной лексики. В дескриптивном словаре она должна быть (в противном случае картина русской речи будет неполной), а в прескриптивном её присутствие не оправдано.

Трудность в том, что словари иностранных слов делались не как традиционные толковые словари, а только как справочники – с минимальными грамматическими, орфоэпическими сведениями, с редкими пометами стилистического или эмоционально-экспрессивного плана. Но словарём

активного типа может быть только словарь, в котором максимально полно даны все типы лексикографических помет и есть богатый иллюстративный материал.

Словарь иностранных слов новой линейки стремились создать как толковый: даны однокоренные слова для наиболее употребительных иноязычных основ, есть информация о сочетаемости слов, есть указания сфер употребления того или иного слова. В соответствии с требованиями Закона, включены лишь те слова, которые не имеют общеупотребительных аналогов, так что в новом словаре нет, например, слов гаджет и воркшоп. Закреплены нормы правописания (вайфай – только слитно).

Но нерешённые вопросы остаются. Не ясно с аналогами: можно ли считать таковыми словосочетания из двух слов, или это обязательно однословие? Семантические нюансы – самая большая проблема, связанная с «аналогами», ср.: «...в русском языке понятие травля часто используется как синоним буллинга, и оба слова часто встречаются в одном и том же тексте. Однако травля может обозначать различные формы преследования, клеветы и унижения, акцентируя внимание на самом вредоносном действии, тогда как буллинг больше подчеркивает психологические последствия и другие эффекты, возникающие вследствие преследования» [Гуань, 2025, с. 103]. «Менторинг» и «наставничество» не взаимозаменимы, «менторинг» – более узкое понятие, это «новая технология для России, которая появилась с приходом международных корпораций и организаций, которые рассматривают его как часть корпоративной культуры» [Фролова, 2018].

Ещё сложнее обстоит дело с прагматическими различиями. Неоднократно отмечалось, что, например, слова «творчество», «творческий» с их высоким пафосным звучанием не всегда приемлемы, а заимствования «креативный», «креативность» лишены этой прагматики и уместны в более широком контекстном поле. Писательница Виктория Токарева говорила, что не любит слово «творчество», но не знает, чем его заменить. А Булат Окуджава иронически замечал, что «творчество – это у Алёны Апиной, а он просто

работает» [см. об этом: Барабаш, 2025]. Но если чуткие к слову авторы избегали выражения «в моём творчестве...», то современных деятелей шоубизнеса ничто здесь не смущает. Певец SHAMAN в одном интервью может десять раз повторить «моё творчество», наряду с тем, что он «уже в сердцах поклонников», что «своей музыкой он запустил в зал дух раскрепощения», что «любит большие идеи, этим и живёт» и вообще «его творчество уже увековечено» (Комсомольская правда, 17 сентября 2025 г. С. 13). Так что, наверное, для тех, кто чувствует нюансы, совсем не лишним будет заимствование «креативный», даже при наличии условного аналога («творческий»).

Думаем, что поздно искать аналоги, если англицизмы – наименования порицаемых действий стали объектом обсуждения и принятия правовых решений. Ср. обсуждение в Госдуме штрафов за квадробинг, запрещение пропаганды чайлфри. Остаётся принять эти слова и представить их в словарях во всём многообразии семантических, прагматических оттенков и с особенностями синтагматики: «...наподили нищету, а мне, красивому одинокому чайлдфри, ничего не дали», «мы ненавидели своё государство, любили только зарубежные фильмы, мы были чайлдфри и ещё чёрт знает кем», «чайлдфри – не просто философия» (Комсомольская правда, 23–30 октября 2024 г. С. 3).

Отечественная лексикография предложила много интересных идей наиболее полного и адекватного представления слов в словаре: лексикографическое портретирование (Ю.Д. Апресян и его школа), социолингвистическое портретирование (Л.П. Крысин), но они воплощены на практике в очень малой мере (в какой-то степени – в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка под ред. Д.Ю. Апресяна и в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина). И, конечно, в новой линейке словарей должны быть учтены эти идеи.

Воплощение идеи лексикографического портретирования, конечно, требует увеличения количества прагматической информации. Хотя и в

традиционной отечественной лексикографии, начиная с Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, была разветвлённая сеть словарных помет, указывающих на стиль и жанр, на предметную или профессиональную сферу бытования слова, на историческую перспективу, на эмоционально-экспрессивные оттенки. Но с развитием когнитивной лингвистики и лингвопрагматики возможности проникновения в особенности содержательной характеристики и функционирования слова, безусловно, возрастают. Теоретическая и описательная лингвистика дают богатый материал для лексикографии, касающийся особенностей семантического и прагматического содержания отдельных слов. «...сложнейший вопрос сопутствующих содержательных характеристик лексических единиц едва ли будет решен без сведения воедино в рамках словаря всех прагматических оценок и установок: идеологических, материалистических, идеалистических, религиозных, большевистских, фашистских, расистских, антисемитских, популистских, завышающих и занижающих оценку, оптимистических и пессимистических и др.» [Девкин, 2001, с. 89]. Естественно, такая информация может быть получена на основании анализа особенностей употребления слова в различных стилях и жанрах литературного языка.

Л.В. Щерба [1940] писал об огромной пользе цитатного материала в словаре. Его принцип: «Не мудрствуя лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров». При всей опасности того, что вырванная из контекста цитата может быть превратно понята, польза от иллюстраций несомненна, и искусство лексикографа (а лексикографию справедливо приравнивают к искусству) состоит в том, чтобы минимизировать такую опасность. Конечно, цитатный материал «поглощает словарное пространство», но только в контекстах можно представить весь объём семантической и прагматической информации.

Семантическое и тем более прагматическое содержание лексемы – категория в высшей степени динамическая. В последнем академическом словаре советской эпохи (Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой в

4-х томах) семантика слова *бизнес* толкуется через инвективы «нечестный» и «афера», в Большом толковом словаре правильной русской речи Л.И. Скворцова 2006 г. это слово снабжено пометой «книжн.» и даётся производное «бизнесный», что совершенно не актуальное сегодня (актуально то, что «бизнес» используется как аналит-прилагательное: бизнес-план, шоу-бизнес и под). В более поздних словарях помета «книжн.» исчезла, и это отражает расширение сфер использования слова. То есть даже самые частотные общеизвестные слова нуждаются в тщательных лексикографических пометах, правильно ориентирующих читателя.

Ещё при обсуждении будущих словарей в работе: [Евтушенко, 2023] предлагалось распространённые слова, имеющие русские аналоги, всё-таки давать в словаре, но с пометой – «недопустимо» (а в последующих изданиях словаря, когда частотность этих слов упадёт, когда им на смену реально придут «аналоги», убирать эти англицизмы). При этом «вывод англоязычных лексических единиц сферы информационных технологий за рамки нормативного словаря представляется неэффективным, потому что, во-первых, большинство их русскоязычных аналогов неоднословны, во-вторых, помимо сфер, регулируемых законом «О государственном языке Российской Федерации», эти заимствования употребляются в частной интернет-коммуникации, на которую закон не распространяется» [там же, 2023, с. 26]. Авторы новой линейки словарей не приняли идею пометы «недоп.» (недопустимо), которая позволяла бы включать в словарь также и единицы, не соответствующие новым поправкам к Закону о государственном языке РФ. Думаем, что проблема могла бы быть решена с помощью двух типов словарей – дескриптивного и прескриптивного, предназначенных для разных целей, разной аудитории и вместе решавших не только задачу максимального полного отражения языковой картины современности, но и позитивно влияющих на языковую ситуацию.

3.5. Англицизмы и позитивная интерференция

Термин «интерференция» далёк от терминологической строгости и однозначности. Под ним имеется в виду достаточно широкий круг явлений. Его используют предельно широко – как синоним терминологических сочетаний «языковые контакты», «языковое заимствование» или «лексическое заимствование» [Котлярова, 2025]. Интерференцией считают любые структурные изменения языков в результате их контакта, но чаще имеют в виду негативные результаты, которые нужно преодолевать. Огромный массив педагогической и методической литературы посвящён этой проблеме. В лингводидактике сформировалось мнение, что путь к преодолению деструктивной интерференции лежит через глубокое постижение всех особенностей родного и изучаемого языка в сравнительном плане, через учёт грамматический универсалий, фреквенталий и уникалий [Тираспольский, 2015].

Если интерференционные ошибки хорошо изучены и выработаны рекомендации по их искоренению (есть списки языковых единиц, которые при контакте способны спровоцировать ошибку и т. п.), то конструктивная интерференция практически не исследована.

Традиционное понимание интерференции как нарушения норм произношения, словоупотребления или синтагматики уже внесло в семантику термина известную пейоративность (а термины, в том числе и лингвистические вполне способны передавать пейоративную оценочность, как убедительно доказано в работе: [Ларина, 2007]). Но межъязыковая интерференция это отнюдь не всегда порча изучаемого языка под влиянием особенностей языка родного [Алимов, 2004; Попова, 2018; Ульяницкая, 2018; Ценгер, 2014].

Понятие конструктивной интерференции появилось сравнительно недавно и признаётся далеко не всеми исследователями. Но если любой язык есть открытая система, то он неизбежно вступает в многочисленные связи, и

они могут оказать воздействие благотворное, позитивное, а не разрушительное и негативное. В интерференции (при таком понимании) находят отражение многие изменения и процессы, которые имеют место в обоих контактирующих языках, и грамматическая интерференция осуществляется с опорой на концептуальное содержание грамматических форм и категорий.

К проявлениям позитивной интерференции мы относим грамматические заимствования и усиление аналитических тенденций в русском языке.

3.5.1. Заимствование морфем и «инговые» формы

Как известно, прямые экстраполяции на внутреннем уровне, каким является грамматика, единичны, грамматические заимствования в истории чрезвычайно редки. Можно указать, тем не менее, отдельные форманты множественного числа в английском языке, которые были заимствованы из латинского, например, *criteria*, *alumnae*, *phenomena* и т. п. В русском языке есть немногочисленная группа несклоняемых иноязычных слов-реалий, в которых форманту *с/z* можно приписать значение множественного числа: барбудос, милицианос, командос, чиканос, герлз, маринз, мачетерос. Но противопоставление формы без этого показателя (в значении единственного числа) и слова с формантом *-c/z* не всегда соблюдается. С одной стороны – шоу гёрлз и моя гёрлфрэнд, а, с другой стороны, ср.: «Здесь и родился союз противоположностей: президентом пойдёт бывший командос – силовик Субианто, а его правой рукой станет сын-демократ Видодо...» (А. Платов «Джакарта бита» // Завтра, 2025, № 36. С. 2) – то есть формант *-c* не указывает на множественность (хотя более частотно это слово как плуральное).

Как пишет А.И. Дьяков [2012], иноязычные морфемы, повторяясь в языке-рецепторе, способствуют тому, что «русскоязычным сознанием они вычленяются в качестве строительного материала для создания новых

«русских» слов». Наиболее ярко это проявляется на примере суффикса *-инг*. Вообще заимствованные «инговые» формы чаще всего оцениваются положительно, они динамичны, экономны [Григорьев, 2005], они выражают «процессуальную континуальность более изящно» [Беляева, 2019], а русские девербативы тяжеловесны, отчётливо тяготеют к канцелярскому стилю и потому не всегда приемлемы. Однако есть и иное мнение, ср.: «Добавление окончания *-ing* к именам существительным на русском языке – один из примеров немотивированного использования англицизмов» [Бирюкова, 2021]. «Инговые» образования могут использоваться в метафорическом значении:

«Сегодня уже стало привычным появление слабых произведений даже в длинных премиальных списках. И это одна из причин, почему лауреатами всё чаще становятся одни и те же писатели. Выбирать не из кого. Премии только тогда начнут работать на появление сильной литературы, когда поле словесности будет высокоурожайным. Мы же сегодня поощряем графоманский инбридинг» (О. Нехаев «Бремя графоманов» // Литературная газета, 2025, № 46. С. 22). В прямом значении инбридинг – это термин биологии со значением ‘близкородственное скрещивание организмов’, публицист Ю. Нехаев применяет его для критики порочной практики награждения одних и тех же, причём слабых писателей.

Поскольку суффикс *-инг* стал применяться для образования новых слов от русских корней, его стали оценивать как проявление редких в контактах языков грамматических (словообразовательных) заимствований. Они ярче передают семы объектности и процессуальности (шопинг, брэндинг, нейминг, клининг). Таких слов несколько тысяч в современном русском языке (точный подсчёт затруднён в связи с тем, что не всегда ясны границы между единичным вкраплением в русскую речь и системным явлением) А.И. Дьяков [2015] пишет о «деривационном врастании англоязычного компонента в лексико-словообразовательную систему современного русского языка». Таких слов много в узкоспециальных текстах, ср.:

«Контулинг? Стробинг? За последние 2 года мы узнали, что просто нанести на лицо тон нельзя. Нужно делать контуринг, тонтулинг, страйпинг, хроминг, бейкинг или эклиплинг. Сколько сложных терминов! Хотя по сути нам предлагается просто грамотно расщущевывать тональное средство. Сначала появился стробинг. Потом придумали тонтулинг. Тут кто-то оглянулся на 70-е годы прошлого века и вспомнил про дрейпинг. Буквально в течение года на арену выходят сразу три Очень Новых Революционных тренда. Первый – бейкинг – коррекция тона и акцентирование черт лица с помощью очень плотного покрытия, почти грима. За ним следом появился хроминг – это вариация на тему стробинга, выполненная кремовыми текстурами. И, наконец, к ликованию всех обладательниц пухлых щечек, визажисты придумали эклиплинг: за счет более резкого контраста оттенков этот макияж позволял... ни за что не догадаешься. Думаешь, это все? Как бы не так! Теперь у нас есть страйпинг! Наверное, пора сказать честно и открыто: все это по сути – контуринг. Можно бесконечно долго эксплуатировать успех первичного тренда и придумывать блашинг (контурирование с помощью румян), шейдинг (от shade – тень), помадинг и тэннинг (от tan – загар). Но все это какой-то пудринг. Для мозгов» (Cosmo.ru). Цит. по: [Бирюкова, 2021].

Из этого текста можно сделать вывод о низкой степени семантической разграниченности определенного семантического поля в русском языке, что и вызывает к жизни многочисленные инговые наименования. В то же время в тексте из Cosmo.ru обращает на себя внимание именно нагнетание специальных терминов, которые представляются автору избыточными, и языковая игра на эту тему – образованное по данной модели слово пудринг (для мозгов). Формы с этим суффиксом часто используются для создания языковой игры, причём, как правило, реальные слова (часто – терминологического или околотерминологического характера) противопоставляются искусственным единицам с русским корнем, созданным по той же модели; ср. анекдот из «Комсомольской правды»:

«Факторинг, лизинг, банкинг, консалтинг, франчайзинг, маркетинг, трейдинг – несуществующие формулы ведения бизнеса в России.

Их всех заменяет откатинг!» [цит. по: Китанина, 2005, с. 269].

Однако игровой функцией их роль не ограничивается, ср. статью М. Панюкова, посвященную проблеме повышения престижа профессий в аграрном секторе, которая имеет заголовок «Даёшь избинг, болотинг, монастыринг!» (Союзное Вече, 2025, № 46. С. 7). Фрагмент статьи: *«Нужно не бояться слов «маркетинг» и «ребрендинг», считает эксперт. Ведь смогли же с помощью тонкой социальной инженерии сделать модным посещение выставок, симфонических оркестров и так далее. <...> У молодёжи спрос на «цифровой детокс» – временная самоизоляция от интернета. Поэтому надо поощрять все эти новые туристические направления – избинг, болотинг, монастыринг, деревнинг».* В.П. Григорьев в 2005 г. сделал вывод о поразительной «витальности» инговых форм и предрёк им «светлое будущее». Очевидно, что эти прогнозы сбылись в полной мере.

Хотя при наличии большого количества иноязычных слов с повторяющимися формантами можно произвести их морфемное членение и выявить заимствованные морфемы (-мент: менеджмент, импичмент, харассмент; -ер: блендер, миксер, электрошокер и мн. др.), однако только суффикс – инг правомерно отнести к грамматическим заимствованиям. Он подвергся русификации и стал продуктивным средством словообразования в языке-рецепторе. И не случайно ряд авторов [Дьяков, 2013; Беляева, 2019] видит в этих формах «эlimинирование грамматико-словообразовательных (а нередко и эмотивных) лакун», то есть проявление системности (точнее – восстановление недостающих единиц системы).

3.5.2. Аналитизация русской грамматической системы

У. Вайнрайх писал о том, что пока нет данных за то, что языковой контакт может существенным образом повлиять на внутренний уровень языка

– на грамматику [Вайнрайх, 1999, с. 23]. Но современный уровень аналитизации русской грамматической системы, скорее всего, можно рассматривать как позитивную интерференцию. Конечно, «русский язык в ходе исторического развития сохранил и существенно расширил свои синтетические возможности и арсенал синтетических средств» [Шульга, 2017, с. 239], но в то же время процесс именной аналитизации, начавшийся еще в конце XVIII в. (когда появились нарицательные несклоняемые иноязычные существительные), в XXI в. приобрел особый масштаб. Первые несклоняемые нарицательные имена были французского или итальянского происхождения, которые не включались ни в одну из парадигм склонения по морфонологическим причинам (для русского языка не характерны именные основы на гласный). Их число неуклонно росло, под них стали «подстраиваться» некоторые исконные имена (топонимы на *-ово*, *-ино*), было введено в научный обиход понятие «нулевого склонения» с омонимичными формами падежа. Но о более значительном влиянии на грамматическую систему, на наш взгляд, стало возможно говорить только с конца XX в., когда беспрецедентно вырос класс аналит-прилагательных.

Этот термин ввёл М.В. Панов [1999] и доказал, что, независимо от орфографии (слитного, раздельного или дефисного написания), класс аналит-прилагательных един. До М.В. Панова и проводимого под его руководством масштабного социолингвистического исследования русского языка (отраженного в коллективной монографии «Русский язык и советское общество») вопрос о неизменяемых атрибутах ставил А.И. Молотков [1960], однако он причислил их к существительным. Обсуждение же было вызвано сложившейся к тому времени лексикографической практикой: словари, опираясь на языковой материал, давали при некоторых несклоняемых именах пометы типа «в знач. неизм. прил.», «незм. прил.», «неизм. опред.». Однако в академических грамматиках (до «Русской грамматики» 1980 г.) о неизменяемых прилагательных не говорилось, такой части речи не выделяли. А.И. Молотков посчитал, что играет роль этимология: франц. *bordeaux*, итал.

terracotta – существительные, поэтому и в русском языке цветообозначения бордо и терракот следует считать существительными, а от прилагательных их отличает отсутствие формального согласования с определяемым словом.

Если в работах М.В. Панова упоминается только 19 немногочисленных по количеству единиц групп, то сегодня и число групп, и количество единиц в них необычайно разрослось. Дело в том, что сегодня практически любое имя может использоваться как несклоняемый атрибут. М.В. Панов писал [там же], что этот класс чрезвычайно перспективен (хотя реально отдельные группы насчитывали буквально единицы слов). И действительно, этот класс имён чрезвычайно увеличился количественно, так что его трудно исчислить.

Одним из источников распространения таких конструкций называют продвигающие (продающие) тексты. «...авторы не рассчитывают, что покупатель в магазине будет читать этикетку внимательно. Его глаз, скользя по полкам с товарами, выхватывает отдельные слова. И тут лучше, чтобы ключевые слова были в начальной форме. <...> Русский язык с его богатой морфологией – чистое наказание для писателя этикеток» [Левонтина, 2017, с. 268–269]. Так что обычными стали конструкции типа *йогурт клубника* (вместо клубничный) и даже *пемолюкс лимон сода* эффект.

Но, конечно, практики продвигающих текстов сами по себе не смогли бы сделать это явление таким массовым. Да и сами эти практики явились следствием более глубоких причин. Как известно из трудов по компаративистике, утрата («выветривание») флексий – это диахроническая универсальность, которая в той или иной мере проявляется во всех языках, но с разной степенью интенсивности. Ср.: «Процесс экспансии именительного падежа характерен для грамматики второй половины XX в. Под термином экспансия именительного падежа понимается употребление форм именительного падежа на месте косвенных, расширение сферы употребления именительного падежа. Это явление, несомненно, является одним из частных следствий общей тенденции к аналитизму в грамматике имен» [Дедковская, 2011, с. 204–2005].

Как справедливо отметил А.И. Дьяков, «англоязычные заимствования в системе русского языка представляют собой сверхширокое статично-динамичное пространство, интегрирующее лексико-семантические, морфемно-словообразовательные, прагмафункциональные и стилевые феномены разной степени языковой освоенности и речевой активности...» [Дьяков, 2015, с. 10] Если мотив «повышения престижа», связанный с англизацией, безусловно, должен уйти в прошлое, то другие её проявления, на наш взгляд, имеют все шансы на долгосрочную перспективу. Мы имеем в виду влияние на грамматику. Это влияние иногда называют «подрывом основ» (см. работы А.В. Кравченко, С.А. Бойко), однако, помимо англизации, на упрочение класса аналит-прилагательных повлияли и внутренние причины. Постепенное упрощение склонения числительных – это та же «утрата флексивности», и вряд ли этот процесс имеет внешние причины для своего проявления. Сегодня говорится о том, что русское числительное стремится к двупадежной системе: одна форма для И–В.п. и другая – для всех остальных падежей. Масштаб явления настолько значительный, что оно не может быть охарактеризовано только как ошибка. Ср. также: «Скрытую опасность для русского языка таит калькирование грамматических структур, подрывающее основы русского синтаксиса. Двусоставные наименования, созданные по типу простого сложения без свойственного русскому языку морфолого-синтаксического оформления, в которых оба элемента являются существительными, но один выполняет функцию определения, а другой – определяемого слова, нетипичны для русского языка. Подобные словообразовательные модели являются калькой английских структур: интернет-класс, интернет-платеж, интернет-пресса; арт-сцена, арт-тусовка; веб-обозреватель, веб-представительство, веб-устройство» [Зыкова, 2015, с. 43]. Несмотря, однако, на то что именно состоит опасность таких номинаций.

Думаем, что такие номинации – это наиболее явное проявление аналитизма, это именно аналит-прилагательные (в понимании М.В. Панова):

«Одну из кейс-сессий форума посвятили теме импортозамещения» (А. Шеремет «Плыть самим, помогать другим» (Аргументы и факты на Дону, 2022, № 44. С. 14); «Кинофотобабушка. 81-летняя фотограф из Краснодарского края стала звездой соцсетей» (Ю. Гень «Кинофотобабушка» // Российская газета, 29 марта 2023 г. С. 11); «Студентов ждут... QR-зачётки» (Московский комсомолец, 1-7 мая 2024 г. С. 4); «Да, отдельные особо непреклонные MAGA-активисты (сокращение от предвыборного лозунга Дональда) остались очень недовольны...» (И. Титов «О, Трамп! Ты – блеф!» // Завтра, 2025, № 28. С. 2); «Заметили что-то под водой и погрузили туда экин-камеру» (Комсомольская правда на Дону, 19-26 ноября 2025 г. С. 1); «Трамп поговорил по телефону с Путиным и признал за ним роль потенциального усмирителя конфликта, но попытки рыжего строить из себя объективного и беспристрастного арбитра разбились о сливы в американскую прессу (чей **топ-менеджмент** сплошь и рядом состоит из граждан Израиля)» (И. Титов «Исход близко» // Завтра, 2025, № 24. С. 2); «Национальный перевозчик начинает шаттл-эксперимент. ...новый безбагажный тариф «Эконом шаттл» привлечёт часто летающих бизнес-пассажиров» (Н. Сердюков «Снова «С лёгким паром!» // Аргументы недели, 2024, № 20. С. 22); «Аnekdot: Подскажите **топ-5** интересных мест, куда можно сходить со своим мнением» (Комсомольская правда, 21 ноября 2025 г. С. 16); «Малайзия уже давно планирует ввести «дипломатию орангутангов. Берут пример с соседей: Китай уже давно практикует панда-дипломатию. А вот малазийцы тем, кто хорошо себя ведёт, хотят посыпать обезьян» (А. Телегин «Овца-первоклассница» // Комсомольская правда, 22-29 мая 2024 г. С. 3); «Как комиксы, игры и песни ломают барьеры между Пушкиным и поколением TikTok» (М. Коленова «Классика без пыли» // Литературная газета, 2025, № 27. С. 19).

На наш взгляд, подобные факты демонстрируют продуктивность идей М.В. Панова: категория аналит-прилагательных стала супермногочисленной, и в этом отношении не уступает другим знаменательным частям речи, так что

её представление во всех типах грамматик (в том числе и в школьных) было бы вполне правомерным. Это разнородная группа, в которую входят аббревиатуры (в том числе нетранслитерированные), полнозначные слова с различной семантикой. М.В. Панов считал, что «орфографическая зашоренность» не должна влиять на решение вопроса о принадлежности атрибута к классу аналит-прилагательных (*киноискусство, электроосвещение*), тем более, что для таких единиц возможно и раздельное написание (примеры см.: [Панов, 1999, с. 157]. Элементы типа сов-, проф-, гос-он справедливо называет «стабилизованными, прочно уязыковлёнными аналит-прилагательными» [там же].

Особое явление – возможность нескольких аналит-прилагательных при одном определяемом слове (типа «кинофотобабушка»), ср.: Заголовок статьи Н. Маргаева «Панк-рок-терапия» (Литературная газета, 2025, № 46. С.18).

Характерна синтаксическая мобильность многих слов, которые могут выступать в роли аналит-прилагательных и в функции определяемых слов для других аналит-прилагательных. Впрочем, категориальная (частеречная) полифункциональность (больной – прилагательное и субстантив) – явление распространённое в русской грамматике.

Есть, однако, иные взгляды на природу этого грамматического феномена. Так, А.А. Горбов пишет, что это единицы (примеры их вынесены в название его статьи – «Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине») «неясной уровневой принадлежности», что они занимают промежуточное положение между основой и самостоятельным словом, это «композиты, имеющие структуру английских именных групп с препозитивным примыкающим определением, чаще всего выраженным существительным» [Горбов, 2010, с. 35]. То есть категориальное значение этих элементов не определяется на том основании, что они занимают «промежуточное положение». Таким образом, предлагается вернуться к

стадии 60-х гг. XX в., когда словари не указывали часть речи, а определяли только синтаксическую функцию таких слов.

Конечно, активизация таких конструкций, которые иногда называют «композитами» [Дьяков, 2015], произошла под значительным влиянием английского языка, и это не деструктивный процесс. Позитивные стороны аналитического способа выражения грамматических значений хорошо известны и широко признаны. Это, прежде всего, соответствие принципу экономии языковых и мыслительных усилий, лаконичность средств выражения и динамизм высказывания с этими компонентами. И по сути влияние английского языка в этом случае сводится к активизации тех средств кодирования грамматической информации, которые исконно присущи самому русскому языку (ср. фольклорные образы типа краса-девица и своюственную русскому языку на ранних этапах его развития недифференцированность имени, способного выступать и в качестве атрибута; ср. также глагольный анализм, изначально присущий русской грамматической системе). По мнению Г.О. Мкртычовой (2011), русскому языку присущи все типы аналитизма – анализм номинации, категоризации и грамматикализации. То есть, в русском языке есть отдельные части речи вне деклинальной системы (наречия, слова категории состояния, аналит-прилагательные), что представляет собой анализм категоризации; есть аналитические группы внутри части речи – несклоняемые существительные (анализм номинации) и есть формы, передающие грамматическое значение вне своих пределов (формы единственного числа существительных со значением реальной единичности и со значением собирательного множества) – анализм грамматикализации. См. подробнее: [Астен, 2003].

Процесс аналитизации русской грамматической системы вполне правомерно считать примером позитивной (конструктивной) интерференции.

Есть мнение, что «влияние английского языка проявилось в более частом употреблении форм множественного числа имён существительных в ситуациях, когда ранее использовались формы единственного числа: риски,

вызовы, угрозы. Известно, что в английском при обсуждении проблем в общем плане употребляются формы множественного числа имён существительных: risks, arms, dangers» [Майзенберг, 2012, с. 104]. Думаем, что такое заключение вряд ли правомерно. «Выравнивание» числовой парадигмы, то есть обретение доминантно-сингулярными именами формы множественного числа (прежде всего – в значении гетерогенности, разнородности, различных проявлений действия или состояния, а также длительности процесса) – это тенденция, давно зафиксированная отечественными грамматистами вне всякой связи с иноязычным влиянием; см. об этом подробнее в: [Барабаш, 2023]. И современные тексты – медийные, художественные, нон-фикшн – дают многочисленные примеры такого выравнивания:

«А вообще наши страны действительно многое родним. Может быть, наше противостояние обусловлено некими сходными чертами? Например, стремление к энергичному воплощению в жизнь собственной воли. Только воли эти – разной природы» (Р. Амелин «Ответ Госдепу» // Литературная газета, 2023, № 5. С. 2); *«Но СМИ и сверхразумы из аналитических телеграмм-каналов разнесли вырванную из контекста и вывернутую наизнанку цитату»* (И. Титов «Исход близко» // Завтра, 2025, № 24. С. 2); *«...опыт мирных инициатив 2022-2023 годов, кратковременные охлаждения конфликта показывают, что новый договор может запросто превратиться в тыкву»* (И. Титов «Эпицентр внимания» // Завтра, 2025. № 26. С. С. 2); *«Однако сколько же в её жизни было любви! И свою равная Нева за окном рабочего кабинета, и величественный город, в котором растворилась мятежная, но мудрая душа, и возмужавшие сыновья (материнские гордости-радости)...»* (В. Терентьев «Вселенная Москвиной» // Литературная газета, 2024, № 30. С. 13); *«Наступило время – такое периодически случается в истории, – когда волей-неволей приходится выбирать сторону. И вместе с тем все сопутствующие выбору риски»* (П. Власов «Эффект Чебурашки» // Культура, 2023, № 1. С. 2); *«...американские спецслужбы могут организовать внутренние беспорядки в российских приграничных регионах, таких, как Северный Кавказ, используя*

этнические и социальные напряжения» (А. Угланов «Как выборы в США зависят от событий в Курской области» // Аргументы недели, 2024, №34. С. 4).

Более или менее регулярно плюоративы от имён неконкретной семантики появлялись во всех стилях и жанрах русского языка, и это не связано ни с галломанией XIX в., ни с англизацией XX – XXI вв. Чаще всего они оказываются востребованными для передачи семантики гетерогенности.

Нарастание черт аналитизма ни в коей мере не подрывает основ синтетического строя русского языка. Ср.: «Отдельные черты аналитического строя выступают как необходимая и закономерная реакция системы языка на инновации, которые необходимо апроприировать, приобщить к фонду чисто русских способов концептуализировать мир в слове. Восприняв чужое и сделав его своим, русская речевая практика перестает нуждаться в аналитических инструментах осмысления инородных языковых элементов и спокойно возвращается на испытанные рельсы лексического и грамматического синтетизма» [Радбиль, 2020, с. 12]. Т.Б. Радбиль имеет в виду, прежде всего, то обстоятельство, что неизменяемые англицизмы обрастают склоняемыми производными (лайт в значении неизменяемого атрибута *коктейль-лайт* и производные типа *лайтовый*). Но, как неизменяемые атрибуты, так и их склоняемые производные – всё обусловлено логикой грамматики русского языка, который никогда не был чисто синтетическим (таких языков и не бывает), а всегда квалифицировался как язык аналитико-синтетического типа. И наряду с усилением аналитических черт, в иных звеньях грамматики можно наблюдать усиление синтетизма (например – образование форм сравнительной степени от относительных прилагательных и даже от существительных, появление причастий будущего времени).

В другой работе Т.Б. Радбilia читаем: «Аналитизм соответствует «первой стадии априоризации заимствований», когда они еще не освоены русским миром. Если же приобщение к русскому миру осуществлено, «иноязычные явления на формально-структурном уровне демонстрируют

«дрейф» в сторону повышенного синтетизма» [Радбиль 2019, с. 218–219]. Заметим, однако, что степень ассилияции (семантической, орфоэпической, грамматической) заимствования вовсе не предполагает непременного включения в парадигму склонения. Давно и прочно освоенные заимствованные имена остаются несклоняемыми. Действительно, их часто называли неосвоенными на морфологическом уровне и, например, предрекали грядущую склоняемость слову «пальто». Но за более чем 200 лет существования в русском языке оно не продвинулось по пути деклинальности (за исключением случаев игрового употребления). И образование производных (пальтишко, пальтовый и под.) не меняет аналитической сущности самого слова.

Итак, влияние англизации на современный русский язык многомерно и затрагивает отнюдь не только лексический уровень. Переизбыток англоязычных номинаций в новых исторических условиях (антироссийские санкции, СВО как борьба не столько с Украиной, сколько с «коллективным Западом») справедливо оценивается как деструкция, и шаги, направленные на «импортозамещение» в области языка и культуры, совершенно правомерны и необходимы. Но влияние на грамматику, которое совпало с собственными тенденциями развития, считаем плодотворной и не подлежащей никакой ревизии.

Выводы по главе III

Важной характеристикой последних трёх десятилетий было не мотивированное разумной функциональностью использование иноязычных единиц. Отечественная эргономия страдает «болезнью» подражательства и «графогибридизации». Эта «болезнь» сопровождала русскую лингвокультуру на протяжении длительного периода, но особенно явной она стала после 1991 года. Сегодня такая стратегия уже превратилась в тормоз успешного развития. Городская искусственная ономастика постепенно избавляется от англизации.

Медиа и профессиональные языки, терминосфера науки также подверглись массированному влиянию английского языка. Однако сегодня достигнуто понимание того, что дерусификация науки подорвёт позиции русского языка на постсоветском пространстве – он не сможет выиграть в конкуренции с английским как языком с наиболее высокой мотивацией к его изучению.

Словари, созданные для воплощения в жизнь поправок к Закону о государственном языке РФ об ограничении заимствований в публичной сфере, не столько помогли решить проблему, сколько породили новые конфликты, что нашло отражение в медийных дискуссиях.

Считаем, что нужны как минимум два словаря иноязычных слов – дескриптивный и проспективный. Первый даст максимально полный охват иноязычной лексики и будет полезен как справочник, который поможет понимать общие и специальные тексты, изобилующие англицизмами. Прагматическая информация в таком словаре должна быть максимально широкой (в противном случае этот словарь ничем не будет отличаться от справочных материалов, доступных каждому в интернете). Второй словарь – прескриптивный, предписывающий, обязательный, нормативный, и также снабжённый максимально полной прагматической информацией. Прагматическая информация должна базироваться на идеях активного словаря, на принципах лексикографического и социолингвистического портретирования лексем. Такой подход к лексикографированию поможет предотвратить вербальные конфликты. Важно, чтобы прежняя неумеренная ксенофилия не сменилась тотальной ксенофобией, ксенофобным пуризмом: оправданные заимствования, которым нет аналогов в русском языке, конечно, должны остаться в общем употреблении.

Анализ влияния английского языка привёл к выводу, что обеспеченное им грамматическое заимствование (суффикс *-инг*, который русифицировался и стал морфемой русского языка), а также небывалое прежде распространение аналит-прилагательных, можно отнести к фактам позитивной интерференции, а вовсе не к «подрыву основ русской грамматики». Дело в том, что это влияние

англизации совпало с собственными тенденциями развития грамматического строя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпохальные «сломы» (политический, экономический, социальный, информационный и т. д.) рубежа XX – XXI вв. и новая государственность не могли не отразиться кардинальным образом на языке.

Медийные обсуждения состояния русского языка о правомерности использования иноязычных единиц характерны для всего постперестроечного периода. Но если в 90-х – начале нулевых годов обычными были представления о закономерности англизации русской культуры под влиянием глобализации, то позже стали преобладать идеи в духе проективной лингвистики, которая предполагает сознательное воздействие на лексическую систему языка. После 2014 г. (возвращения Крыма) и особенно после начала СВО в 2022 году идея защиты русского языка от угрожающей нашей самобытности экспансии англицизмов стала доминирующей.

Президент Российской Федерации В.В. Путин во многих своих выступлениях обозначил эпоху СВО как время «рубежное», то есть предельное, критическое. Такое время неизбежно вызывает многовекторную рефлексию в сфере аксиологии, в том числе аксиологии заимствованной лексики.

Конфликтное функционирование языка может быть связано с единицами всех уровней; в последние годы оно связано с проблемой оптимального использования заимствованной лексики, и исключительно важная социальная миссия лингвоконфликтологии состоит в том, чтобы сфокусировать внимание на необходимости перевода таких конфликтов в рациональную сферу. Все антропологические науки XXI в., в том числе и лингвоконфликтология, стремятся стать максимально полезными для социума. С их помощью было выявлено, что такая категория из сферы социальной психологии, как ксенофилия, непосредственным образом влияет на языковые процессы.

Лингвоконфликтология как междисциплинарная наука стала закономерным развитием социолингвистического знания и в целом экспансии лингвистики, её распространения на те области, которые прежде не были в её орбите.

Сегодня имеет место не взаимовлияние русского и английского языков (заимствования из русского языка в английский ничтожны), а массированное, сознательно спланированное воздействие на русский язык и всю духовную сферу как часть политики «коллективного Запада». Это языковая экспансия по сути есть метод внедрения в этническое сознание народа, подвергшегося воздействию чуждых стереотипов и ценностей. Чаще всего такая политика проводится завуалированно – под прикрытием внедрения новейших технологий или приобщения к общим культурным ценностям. Но это вмешательство в ментальный мир, которое неизбежно имеет следствием идеологическую, политическую и экономическую зависимость. И эта политика находила до недавнего времени самую благодатную почву в нашей стране. Мода на англизмы была маркером общественного сознания, который показывает ценностные ориентации социума. Сегодня такая мода вошла в непримиримое противоречие с представлениями об оптимальном развитии лингвокультуры. Актуальной задачей является формирование новой коммуникативной нормы, основанной на разумной функциональности и имеющей приоритетом собственные языковые средства, изменение мотивации речевого поведения вообще и в сфере использования иноязычных единиц в частности.

Диаметрально противоположное отношение к англизации русского языка и духовной жизни в целом выявляет не просто противостояние толерантного и интолерантного отношения к заимствованиям, но указывает на кардинальные различия взглядов на пути дальнейшего развития социума в целом. Здесь фактически выбор между продолжением «встраивания» в Западный мир и собственным путём с защитой суверенитета, в том числе – суверенитета духовного и языкового.

Можно сказать, что сегодня утверждилось представление, согласно которому неправомерно использование иноязычных единиц исключительно в качестве демонстрации престижа и социального статуса. Любое применение англицизмов должно быть оправдано с pragматической и социолингвистической точек зрения.

Масштаб англизации в нашей стране заставил пересмотреть традиционное понимание заимствования как одного из важнейших способов обогащения любого языка. Массированная англизация стала несовместимой с экологическими параметрами функционирования языка, согласно которым человек должен жить в комфортной языковой среде, не чувствовать себя в ней униженным и «второсортным».

Избыточные англицизмы порождают агнонимию и ущербную коммуникацию, нередко используются с манипулятивными целями. Предпринимаемые сегодня действия государства (принятые Госдумой поправки к Закону о государственном языке РФ) и общественные инициативы направлены на изменение ситуации.

Перспективой исследования видится дальнейшее изучение процессов гармонизации коммуникативного пространства под воздействием не только принятых законодательных мер, но и усилий всего гражданского общества, заинтересованного в языковом и культурном суверенитете.

Лингвоэкологическое понятие «здоровье языка» правомерно связывается с многообразием и богатством форм выражения. Поэтому оправданные, мотивированные англицизмы никуда не могут исчезнуть из русского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аввакумова, П. Д. Английская экспансия во французском языке / П. Д. Аввакумова // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания : сб. ст. по материалам межвуз. студ. науч.-практ. конф. Саранск: ИП Афанасьев В. С., – 2018. – С. 3–6.
2. Агафонова, Н. Д. Узуальные иноязычные вкрапления в современный русский язык: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Агафонова Нелли Джоновна. – Ростов н/Д., 1994. – 194 с.
3. Акай, О. М. Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Акай Оксана Михайловна. – Ростов н/Д., 2020. – 406 с.
4. Акинина, А. В. Неприличная форма коммерческих наименований / А. В. Акинина// Юрислингвистика. – 2023. – № 27. – С. 88–93.
5. Акопянц, А. М. Антиномия «лингвотолерантность» – «языковой пуританство» в эпоху глобализации / А. М. Акопянц, Л. А. Бабитова // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2020. – Т. 1. – № 1. – С. 6–12.
6. Александрова, Л. Д. Опыт саморефлексии в контексте медиаrealности и цифровой культуры / Л. Д. Александрова// Социум и власть. – 2018. – № 3 (71). – С. 23–29.
7. Алексеев, К. В. Правовая защита русского языка от неоправданных заимствований иностранных слов в контексте языковой безопасности / К. В. Алексеев// Русская филология и национальная культура. – 2023. – №4 (9). – С. 1–7. DOI 10.37724/n6238-4017-7377

8. Алимов, В. В. Интерференция в переводе: На материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Алимов Вячеслав Вячеславович. – М., 2004. – 260 с.
 9. Алпатов, В. М. Норма языка и конфликт норм в Японии/ В. М. Алпатов // Конфликт в языке и коммуникации : сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2011. – С. 227–240.
 10. Алпатов, В. М. Языковая политика в России и мире / В. М. Алпатов // языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф.: Доклады и сообщения. – М., 2014. – С. 11–34.
 11. Алпатов, В. М. Языковой аспект глобализации / В. М. Алпатов // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – С. 6–25.
 12. Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. 4 изд-е, испр. и доп. М.: Проспект, 2020. 536 с.
1. Апишева, О. В. Англицизмы как инструмент преодоления языкового барьера у студентов неязыкового вуза // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 4 (106). DOI: 10.23670/IRJ.2021.106.4.067 – URL: [object Object] (Дата обращения 16.10.2025).
 2. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 135–177.
 3. Апресян, Ю. Д. Коннотация как часть pragmatики слова (лексикографический аспект) / Ю. Д. Апресян// Русский язык.

Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке.
– М.: Наука, 1992. – С. 45–64.

4. Апресян, Ю. Д. О проекте Активного словаря русского языка / Ю. Д. Апресян// Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2009. – № 3 (56). – С. 118–130.

5. Апресян, Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия / Ю. Д. Апресян // Известия РАН. Сер. лит-ры и яз. – 1999. – Т. 58. – № 4. – С. 39–53.

6. Ардашкин, И. Б. «Социальный поворот» в теориях терминологического планирования: социолингвистические и социосемантические аспекты / И. Б. Ардашкин// Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 72. – С. 64–80.

7. Артемьев, М. А. Великий и немощный. Почему русский язык уже не спасти / М. А. Артемьев // Московский комсомолец, 16 декабря 2020 г. С. 4.

8. Артемьев, М. А. Русский без англицизмов? / М. А. Артемьев// Культура, 27 августа 2020 г.

9. Артемьев, М. А. Филологи – против языка?/М. А. Артемьев // Культура, 25 февраля 2021 г. С. 16.

10. Актуальные проблемы конфликторазрешения в современном мире: сборник статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 20 апреля 2023 года). – Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2023. – 242 с.

11. Ахметгареева, О. Ф. Основы лингвоконфликтологии / О. Ф. Ахметгареева, Н. А. Сидорова. Учебное пособие. – М.: Издательство «Наука сегодня», 2022. – 102 с.

12. Ахметгареева, О. Ф. Языковые средства манифестиации конфликта в политическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Ахметгареева Оксана Федоровна. – Уфа, 2022. –186 с.

13. Багана, Ж. Об отношении заимствования и интерференции / Ж. Багана // Научные ведомости. Белгород. – 2008. – № 11 (51). – С. 46–50.
14. Байчик, А. В. Массмедиа. Ценности. Конфликт / А. В. Байчик. – СПб.: Изд-во РХГА, 2020. – 248 с.
15. Байша, О. А. Западоцентризм и традиционные ценности в медиаисследованиях и СМИ /О. А. Байша // Медиалингвистика. Вып. 12. Язык в координатах массмедиа : мат-лы IX Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – СПб. : Медиапапир, 2025. – С. 759–763.
16. Балаясникова, О. В. «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии / О. В. Балаясникова, Н. В. Уфимцева // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкоznание. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 28–40.
17. Барабаш, В. В. Динамика нормативности и экологическое мышление (на материале русского языка XXI века) / В. В. Барабаш, Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. Монография. -М.: ФЛИНТА, 2023. -220 с.
18. Барабаш, В. В. Ценностный конфликт и его вербальное воплощение: лингвоэкологические параметры / В. В. Барабаш, Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. Монография. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 206 с.
19. Баранов, Д. А. Продвигающий текст как основа современного маркетинга (на материале русскоязычных медиа): дис. ...канд. филол. наук: 5.9.5 / Баранов Дмитрий Анатольевич. – Ростов н/Д., 2025. – 182 с.
20. Баско, Н. В. Иноязычное влияние: угроза или благо?/ Н. В. Баско// Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2017. – № 8 (1). – 57–61.

21. Басовская, Е. Н. Этическая языковая рефлексия как объект медиалингвистического исследования / Е. Н. Басовская// Медиалингвистика. – 2020. – № 7 (3). – С. 293–302.
22. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс–Традиция, 2001. – 304 с.
23. Беляева, И. В. Прагматическое содержание языковых единиц / И. В. Беляева// Русский язык в школе, 2010, № 6. С. 32-37.
24. Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты/ И. В. Беляева. Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2009. – 244 с.
25. Беляева, И. В. Заимствование морфем как элиминирование лакун: инговые формы в русском языке / И. В. Беляева, Э. Г. Куликова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 6. – С. 108–121.
26. Бирюкова, Д. Т. Современный газетный текст: англизмы и вербальная агрессия / Д. Т. Бирюкова// Журнал Международный студенческий научный вестник. – 2021. – № 3. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20663> (дата обращения: 15.10.2025).
27. Бобр, А. Д. Маркеры верbalной агрессии в комментариях пользователей социальных сетей: дис. ...канд. филол. наук: 5.9.8/ Бобр Арина Дмитриевна. – М., 2024. – 257 с.
28. Бовшик, А. С., Гайворонская С.О. Кринж по-русски: англизмы в ментальном лексиконе билингвов / А. С. Бовшик, С. О. Гайворонская // Язык и текст. – 2022. – Том 9. – № 2. – С.91–100.
29. Богуславская, В. В. Идеологический пуризм в контексте патриотизма: социокультурный аспект / В. В. Богуславская, Э. А. Китанина// Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 3. – С. 10–13.

30. Бойко, Л. Б. «Язык изломан? Что ж! – глядите». О некоторых аспектах регулирования в языке/ Л. Б. Бойко // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкоznания и педагогики. – 2017. – № 1. – С. 8–23.
31. Бойко, С. А. Глубина проникновения англицизмов в современный русский язык С. А. Бойков// Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25, № 4. – С. 735–741.
32. Бойко, С. А. Когнитивный анализ англицизмов с точки зрения ориентирующей функции языка (на материале текстов современной российской рекламы): дис. ... канд. филол. наук :10.02.19/ Бойко Светлана Анатольевна. – Иркутск, 2016. – 205 с.
33. Бойко, С. А. Рекурсивность использования англицизмов в современном русском языке/ С. А. Бойков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 3. – С. 48–60.
34. Бондаревский, Д. В. Аналитические тенденции как определяющий фактор языковой эволюции/ Д. В. Бондаревский. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. – 272 с.
35. Бондаренко, О. Р. Современная дилемма: овладение английским языком и сохранение русскоязычной идентичности / О. Р. Бондаренко// Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3. – С. 6–12.
36. Боярская, Е. Л. Манипуляция: стратегии и приемы // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура / Е. Л. Боярская : сборник научных трудов / под ред. М. Н. Конновой : научное электронное издание. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. – С. 57–61.
37. Бредихин, С. Н. Когнитивный блэндинг как основа создания релевантности высказывания / С. Н. Бредихин, О. С.

Шибкова, С. В. Гусаренко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 4. – С. 118–128.

38. Брусенская, Л. А. Идея «верbalного импортозамещения» и ценностный конфликт / Л. А. Брусенская // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей VII Международной научно-практической конференции. РУДН, 20 апреля 2023 г.: в 2 т. / гл. ред. Г. Н. Трофимова; под общ. ред. В. В. Барабаша, Э. Г. Куликовой; сост. А. В. Харченко. Москва : РУДН, 2023. – С. 105–111.

39. Брусенская, Л. А. Разноуровневые языковые единицы как факторы конфликтной коммуникации / Л. А. Брусенская// Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей V Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 22–23 апреля 2021 г. : в 2 т. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша. Москва : РУДН, 2021. Т. 1. С. 168-173.

40. Брусенская, Л. А. Этико-речевые нормы современного русского языка / Л. А. Брусенская, В. В. Барабаш В.А., Э. Г. Куликова. Монография. М.: Флинта. – 2022. – 164 с.

41. Брусенская, Л. А. Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке в XXI века / Л. А. Брусенская, А. Р. Котаева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – Вып. 4 (60). – 2022. – С. 24–38 с.

42. Брусенская Л. А. Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 131–148.

43. Брусенская, Л. А. Рецензия на «Риторический манифест» Г.Г. Хазагерова (Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ритор. шк. 2020. 45 с.) / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Коммуникативные исследования. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 185–193.
44. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика/ Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. Монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 184 с.
45. Бугаева, И. В. Латиница в городском ономастиконе: pro et contra/ И. В. Бугаева // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка. (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. – С. 334–338.
46. Буряк, Н. Ю. Проблемы агнонимии в культуре языковой личности / Н. Ю. Буряк// Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 1 (56). – С. 54–56.
47. Бутакова, Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бутакова Екатерина Сергеевна. – Томск, 2013. – 26 с.
48. Бушев, А. Б. Риторический феномен семантической расплывчатости / А. В. Бушев// Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2004. – С. 354–355.
49. Бушев, А. Б. Языковая динамика и социодинамика: современный российский социум /А. Б. Бушев // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Материалы Международной научной конференции. – Вып. 1. – Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2007. – С. 73–75.

50. Былевский, П. Г. Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П. Г. Былевский, Е. П. Цацкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 2 (857). – С. 162–169.

51. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх// Зарубежная лингвистика. Вып. III. Избранное. – М.: Прогресс, 1999. – С. 7–42.

52. Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх/ Пер. с англ. и comment. Ю.А. Жлуктенко. – Киев, 1979. – 260 с.

53. Василенко, Е. Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагмалингвистический аспекты / Е. Н. Василенко. Монография. – Могилёв: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2022. – 236 с.

54. Васильев, А. Д. Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке) / А. Д. Васильев, Т. К. Веренич. Монография. – Красноярск: ГОУ ВПО "Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2005. – 247 с.

55. Васильев, А. Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов / А. Д. Васильев // Сибирский филологический форум. – 2022. – № 1 (18). – С. 40–50.

56. Васильев, А. Д. Слово в российском телевидении: очерки новейшего словоупотребления / А. Д. Васильев. – М.: Флинта, 2003. – 220 с.

57. Васильев, А. Д. Языковое законодательство как реализация идеологических парадигм / А. Д. Васильев // Филология и человек. – 2011. – № 3. – URL: <file:///C:/Users/ddos1/Downloads/yazykovoe-zakonodatelstvo-kak-realizatsiya-ideologicheskikh-paradigm.pdf> (дата доступа: 09.12.2025).

58. Велиев, З. Б. Онтология лингвоюридического конфликта (на материале онимов современного русского языка): дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Велиев Захид Бахшалы оглы. – Ростов н/Д., 2021.– 180 с.

59. Верbalная коммуникация : контакты и конфликты / Н. П. Пешкова, А. А. Анищенко, Д. Р. Гилязова, А. С. Титлова ; Под общ. ред. Н. П. Пешковой. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – 212 с.

60. Веренич, Т. К. Деэксотизация современных заимствований в русском научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов): автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Веренич Татьяна Константиновна. – Барнаул, 2004. – 21 с.

61. Вержинская И. В. Антропоцентрическая природа англицизмов концептосферы СМИ / И. В. Вержинская, О. А. Агаркова // МНКО. 2020. №5 (84). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskaya-priroda-anglitsizmov-kontseptosfery-smi> (дата обращения: 16.08.2025).

62. Вертячих, В. С. Влияние англицизмов на немецкий язык (на примере модной лексики) / С. В. Вертячих, И. В. Казанцева // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира : филологический и методический аспекты // Сб. науч. ст. по материалам XII Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного ун-та, 2020. – С. 222–226.

63. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху/ И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

64. Вишневская, Г. М. Языкова глобализация и билингвизм: status quo / Г. М. Вишневская // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ.

исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – С. 41–53.

65. Волконский, С. М. О русском языке / С. М. Волконский // Русская речь. – 1992. № 2. – С. 33–47.

66. Володарская, Э. Ф. Заемствование как отражение русско-английских контактов /Э.Ф. Володарская // Вопросы языкоznания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.

67. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: автореф. дис....докт. филол. наук : 10.02.19 / Воронцова Татьяна Александровна. – Челябинск, 2006. 48 с.

68. Воронцова, Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникациях / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. истории и филологии. – 2016. – Т. 26. – Вып. 2. – С. 109–119.

69. Гартвиц, Е. В. Технология медиации в психологической работе с подростковыми конфликтами / Е. В. Гартвиц //Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С.81–85.

70. Геерс, М. Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04/ Геерс,Мария Евгеньевна. – Тверь, 2002. – 220 с.

71. Гинзбург, О. В. Агнонимическая лексика в текстах художественных произведений: классификация на примере романа Т.Х. Уайта «Меч в камне» / О. В. Гинзбург, Е. А. Зайцева // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2. – С. 506–509.

72. Глазырин, В. А. Основополагающие идеи конфликтологии: от того, что видно, – к тому, что не видно / В. А. Глазырин // Дискуссия. 2016. – № 8(71). – С. 70–75.

73. Голев, Н. Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории / Н. Д. Голев// Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докл. Междунар. научной конфер. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – С. 37–41.
74. Голев, Н. Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово-Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 136–155.
75. Голев, Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология / Н. Д. Голев, Н. В. Обелюнас // Эффективное общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2014. – С. 279–280.
76. Голошубина, О. К. Метаязыковая рефлексия в интернет-коммуникации (на примере речевого жанра «разговор в мессенджере») / О. К. Голошубина // Наука о человеке. – 2016. – № 3 (25). – С. 59–65.
77. Горбов, А. А. Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине / А. А. Горбов // Вопросы языкознания. – 2010. № 6. – С. 26–36.
78. Горшкова, Ю. Анкета // Журналисты о русском языке / Ю. Горшкова. – М.: Фак. журн. МГУ, 2016. – С. 140–142.
79. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217–237.
80. Григорьев, В. П. Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке / В. П. Григорьев // TextOnly.ru : сетевой журнал. – 2005. – Вып. 013. – URL: www.vavilon.ru/textonly/issue13/grigoriev.html

81. Гриценко, Е.С. Гипертолерантность, или о либерализме в использовании языка / Е.С. Гриценко, Н. Э. Гронская // Вестник Минского государственного лингвистического университета. – 2009. – Вып. 3(40). – С. 7–15.

82. Гуань, Шуян. От заимствованного слова до социокультурного явления: концепт «буллинг» в российском обществе / Нуань Шуян // Медиалингвистика. Вып. 12. Язык в координатах массмедиа : мат-лы IX Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – СПб. : Медиапапир, 2025. – С. 101–105.

83. Гуляева, Е. В. Коммуникативные риски, связанные с глобальным английским / Е. В. Гуляева // Известия ВГПУ. Филологические науки. Серия: Языкоzнание. – 2018, № 10. – С. 145–148.

84. Гуляева, Е. В. Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски / Е. В. Гуляева, М. В. Денисенко, И. С. Никитина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкоzнание. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 146–157.

85. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры/ В. Гумбольдт / Пер. с нем. – М., 1985. – 452 с.

86. Гурушкин, П. Ю. Феномен ценностного конфликта в массмейдийном пространстве / П. Ю. Гурушкин, Н.С. Лабуш, С. Б. Никонов, А. С. Пую // Litera. – 2024. – № 3. – С. 136–139. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70026 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70026(дата обращения: 10.08.25)

87. Гусейнова, И. А. Мода на язык как способ реализации «мягкой силы» в условиях современных геополитических изменений /И. А. Гусейнова // Язык и мода: Сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр

гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2017. – С. 28–48.

88. Гуторова, Н. А. Аксиология языковых заимствований в контексте лингвистической экологии (на материале современных англо-американизмов): автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Гуторова Наталья Сергеевна. – Майкоп, 2016. – 24 с.

89. Гусейнова, Н. А. Влияние англицизмов на формирование нового корпуса наименований коммерческих объектов / Н. А. Гусейнова// Современное русское языкоznание и лингводидактика: сб. научн. тр., посвящ. 90-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского: вып. 3/ ред. В.В. Никульцева. – М.: МГОУ, 2012. – С. 132–136.

90. Давтянц, И. И. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в контексте оппозиции «свой – чужой» (на материале мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа): дис. ... канд. филол. наук : 5.9.6. / Давтянц Ирина Игоревна. – М.: 2024. – 196 с.

91. Давыдова, М. Л. Формирование и нормализация юридической терминологии в сфере цифровых технологий / М. Л. Давыдова // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкоznание. – 2020. – № 19. – С. 52–63.

92. Девкин, В. Д. О неродившихся немецких и русских словарях / В. Д. Девкин // Вопросы языкоznания. – 2001. – № 1. – С. 85–96.

93. Дегальцева, А. В., Сиротинина О.Б. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Филология и человек. – 2022. – № 4. – С. 7–25.

94. Дедковская, Д. М. К вопросу о проявлениях аналитизма в современном русском языке / Д. М. Дедковская// Вестник ИрГТУ. – 2011. – №7 (54). – С. 201–206.

95. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис. – 2006. – 376 с.
96. Добродомов, И. Г. Заимствование / И. Г. Добродомов// Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 158–159.
97. Дубовицкая, М. А. Конфликт как форма межкультурной коммуникации: социолингвистический аспект / М. А. Дубовицкая // Вестник СГСЭУ. – 2019. – № 3 (77). – С. 199–202.
98. Дунас, Д. Медиаконфликтология как поле междисциплинарного анализа социальных конфликтов/ Д. Дунас // МедиаТренды, № 4 (98) 9 декабря 2024. С. 4.
99. Дьяков, А. И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Дьяков Анатолий Иванович. – Омск, 2015. – 51 с.
- 100.Дьяков, А. И. Участие англоязычных морфем в русском словообразовании / А. И. Дьяков //Филология и человек. – 2012. – № 2. – С. 43–56.
- 101.Дьяков, А. И. Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании / А. И. Дьяков, Е. В. Скворецкая // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 180–186.
- 102.Дьяков, А. И. Зачем российским юристам англицизмы? / А. И. Дьяков, О. А. Шиляева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6 (108). – Часть 5. – С. 157–162.
103. Дьяков А. И. Англогенность в русском языке / А. И. Дьяков, Е. А. Золотарева// Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №3 (117). – URL: <https://research-journal.org/archive/3-117-2022-march/anglogenost-v-russkom-yazyke> (Дата обращения 14.08.2025).

104. Евтушенко, О. В. Концепция нормативного словаря во исполнение закона «О государственном языке Российской Федерации» / О. В. Евтушенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 13 (881). – С. 23–29.
105. Е , Линь. Новая заимствованная лексика в русском языке как фактор динамики языковой картины мира: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Е Линь. – Тамбов, 2018. – 180 с.
106. Ещенкова, Н. Л. Англицизмы как часть современной молодёжной культуры / Н. Л. Ещенкова // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №9 (45). DOI: 10.18454/RULB.2023.45.2
107. – URL: <https://rulb.org/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.24> (дата обращения: 14.08.2025). –
108. Жиглий, Ю. В., Зливко С. Д., Липовая С. А. Об изучении терминологической агнонимии (на материале корпусов и словарей) / Ю. В. Жиглий, С. Д. Зливко, С. А. Липовая // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2025. – № 21(3). – С. 87–91.
109. Жирмунский, В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. 108. Жирмунский. – Л.: Гос. Изд-во «Художественная литература», 1936. – 298 с.
110. Жукова, Л. С. Языковой пуризм в современной Англии: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Жукова Лариса Станиславовна. – Новосибирск, 2010. – 206 с.
111. Жукова, М. Е. Иноязычные заимствования в русском языке как симптом нового мироощущения (о лузерах, «хромых утках» и «сбитых летчиках») / М. Е. Жукова // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2011. – № 63. – С. 92–95.

112. Завершинский, К. Ф. Социокультурная динамика политической памяти как источник конфликтов и согласия: теоретические экспликации и практики / К. Ф. Завершинский // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С. 134–136.

113. Закоян, Л. М. Выражение агрессии в современном русском и английском языках: на материале американского национального варианта: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Закоян Лилит Мясниковна. – М., 2010. – 640 с.

114. Захватаева, К. С. Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Захватаева Ксения Сергеевна – Владикавказ, 2013. – 186 с.

115. Зацепина, Е. А. Англицизмы в современном русском языке рубежа ХХ-XXI столетий: этимологическая справка и функциональный спектр / Е. А. Зацепина. Монография. – М.: Юрайт, 2025. – 155 с.

116. Заячковская, О. О. Когнитивные искажения как основа манипулятивного воздействия / О. О. Заячковская // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов / под ред. М. Н. Конновой [Электронный ресурс] : научное электронное издание. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. – С. 69–72.

117. Зеленина, Н. М. Ассертивность: проблема понятия / Н. М. Зеленина // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. –2022. 6(96). – URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/13865>. (дата обращения: 15.10.25)

118. Зимовец, Н. В., Петракова Ю.С. Англицизмы в современном русском языке: влияние заимствований на повышение мотивации к

изучению английского языка / Н. В. Зимовец, Ю. С. Петракова // Молодой ученый. – 2021. – № 48 (390). – С. 532–535.

119. Знак, Ю. Э. Вторичная вербальная номинация как лингвистически релевантный признак военных конфликтов нового типа / Ю. Э. Знак // Политическая лингвистика. – 2025. – № 2 (110). – С. 133–144.

120. Зоринич, Н. Англоязычные заимствования как лексическое средство выражения речевой агрессии в современных российских и хорватских СМИ / Н. Зоринич // European Journal of Humanities and Social Sciences. – 2020. – № 6. – С. 37–46.

121. Зыкова, Е. Н. Англо-русские гибридные образования как один из способов пополнения лексического состава русского языка / Е. Н. Зыкова // Современная филология : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). – Уфа: Лето, 2015. – С. 42–45.

122. Иванников, Е. Б. Языковая рефлексия в Интернет-жаргоне: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Иванников Евгений Борисович. – СПб, 2020. – 20 с.

123. Иванов Вяч. Вс. Толерантность и ее значимость для XXI века / Вяч. Вс. Иванов // Эволюция ценностей в языках и культурах. – М.: Пробел-2000, 2011. – С. 19–33.

124. Изюмская, С. С. К вопросу о соотношении понятий "речевая агрессия" и "англицизмы" в современном русском языке (на материале текстов СМИ) / С. С. Изюмская // Культура. Наука. Интеграция. – 2013. – № 4 (24). – С. 31–35.

125. Изюмская, С. С. Неологизмы английского происхождения в русской прессе 90-х годов: структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Изюмская Светлана Сергеевна. Ростов н/Д, 2000. – 168 с.

126. Ильницкий, А. М. Цивилизационные аспекты ментальной войны / А. М. Ильницкий // Военный академический журнал. – 2024. – № 1. – С. 5–10.
127. Ингул, В. В. Явление агнонимии в современном русском языке / В. В. Ингул // Сибирский филологический форум Красноярского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1 (22). – С. 106–117.
128. Исмагилова А. Р. Влияние глобализации на формирование лингвистического ландшафта/ А. Р. Исмагилова, М. И. Солнышкина, О. Г. Палутина // Вестник Марийского государственного университета. – Т. 14. – № 3. – 2020. – С. 361–366.
129. Истрина, Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи / Е. С. Истрина. – М.-Л.: Акад. наук СССР, 1948. – 32 с.
130. Каламбет, Е. В. Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии: на материале лингвистических словарей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Каламбет Елена Васильевна. – Краснодар, 2007. – 22 с.
131. Калинина, М. В. Экология языка. Заимствования в средствах массовой информации / М. В. Калинина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 43–47.
132. Калмазова, Н. Тексты цифрового правосудия: факторы заимствования терминов и мотивированность / Н. Калмазова // Юрислингвистика. – 2023. – № 29(40). – С. 6–13.
133. Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) / Е. С. Кара-Мурза // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 18–27.

134. Кара-Мурза, Е. С. Лингвоконфликтология как направление в духе экологии языка / Е. С. Кара-Мурза // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 55–58.

135. Кара-Мурза, Е. С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии / Е. С. Кара-Мурза // Юрислингвистика-10: межвузовский сборник научных статей. – Барнаул – Кемерово: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 123–135.

136. Кара-МурзаЮ С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2004. – 528 с.

137. Карасик, В. И. Дискурсивная специфика англоязычного проникновения в современную грамматику русского языка / В. И. Карасик // Взаимодействие лексики и грамматики. Тезисы докладов международной конференции. Двенадцатые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2018 г.). – М., 2018. – С. 37–39.

138. Карасик, В. И. Импорт англоязычных концептов в русскую лингвокультуру / В. И. Карасик //Русский язык в современном мире : настоящее и будущее: сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; отв. ред., ред.-составитель Раренко М.Б. – М., 2021. – С. 82– 101.

139. Карасик, В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

140. Карасик В. И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. – 524 с.

141. Караулов, Ю. Н. О некоторых особенностях состояния современного русского языка и науки о нем / Ю. Н. Караулов // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 20–23.

142. Киндеркнехт, А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике / А. С. Киндеркнехт // Научный диалог. – Т. 12. – № 1. – С. 45–68.

143.Киндеркнхт А. С. Эволюция понимания конфликта в современном научном знании / А. С. Киндеркнхт // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK422.pdf> (дата обращения: 10.11.24)

144. Киреева, Ю. Н. Функционирование иноязычных вкраплений в современном русском языке [Электронный ресурс] / Ю. Н. Киреева, Е. С. Казютина, М. Н. Сурова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – № 1. – Т. 11. – URL: <https://sfkmn.ru/PDF/43FLSK120.pdf> (дата обращения: 10.11.24)

145.Кириенко, М. Ю. Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/ Кириенко Марина Юрьевна. – Ростов-на-Дону, 1992. – 140 с.

146. Кирилина, А. В. Протекционистская языковая политика в Министерстве обороны Российской Федерации / А. В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2024. – №1(59). – С. 72–83. doi: 10.30982/2077-5911-2024-59-1-72-83

147.Китанина, Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке / Э.А. Китанина. Монография. – Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2005. – 415 с.

148.Клепач, Е. В. Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Клепач Елена Викторовна. – М., 2000. – 210 с.

149.Клобуков, Е. В. Глобализационный фактор дис코드ификации грамматических форм современного русского языка / Е. В. Клобуков // Педагогическое образование и наука. – 2012. – № 11. – С. 6–10;

150.Козлова, Е. Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка: начало

XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Козлова Евгения Евгеньевна. – Томск, 2012. – 21 с.

151. Колмогорова, А. В. Классификация экологических подходов к языку [Электронный ресурс] / А. В. Колмогорова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021. – № 1. – С. 181–201. URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 10.11.24)

152. Колосова, А. Д. Селебрити как форматообразующий элемент развлекательных телепрограмм / А. Д. Колосова // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. М.: Фак. журн. – МГУ, 2023. – С. 156–158.

153. Комалова, Л. Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния "агрессия": на материале разносистемных данных корпусной лингвистики: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21, 10.02.20. – М., 2016. – 316 с.

154. Коннова, М. Н. Предисловие / М. Н. Коннова // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов / под ред. М. Н. Конновой [Электронный ресурс] : научное электронное издание. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. – С. 3–4.

155. Конфликт в языке и коммуникации : сборник статей / Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики; сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М. : РГГУ, 2011. – 534 с.

156. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. – 414 с.

157. Корелова, А. С. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект / А. С. Корелова // Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 104. – № 3. – С. 102–110.
158. Корненецкая, И. Н. Адаптация англицизмов в русскоязычном дискурсе (на материале онлайн-издания MARIE CLAIRE) / И. Н. Корненецкая // Russian Linguistic Bulletin. 2022, №3 (31). – URL: <https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.19> (дата обращения: 02.08.2025).
159. Корконосенко, С. Г. Медиа как симулякр / С. Г. Корконосенко // Медиалингвистика. Вып. 12. Язык в координатах массмедиа: мат-лы IX Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – СПб.: Медиапапир, 2025. – С. 185–190.
160. Коротких, Е. Г. Заполнение лакун русской тематической группы «финансовая и коммерческая деятельность» англоязычными заимствованиями / Е. Г. Коротких // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте». Межвуз. сб. научн. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – С. 56–66.
161. Косырева, М. С. Глобализмы в современном русском языке: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Косырева Марина Сергеевна. – Новосибирск, 2022. – 409 с.
162. Котлярова, А. А. Лексическая интерференция в профессиональном языке (на материале английских заимствований в немецкой военной лексике): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. / Котлярова Анна Александровна. – М., 2025. – 24 с.
163. Котлярова, Т. Я. Вкрапления и заимствования из английского языка во франкоязычном интернет-пространстве: языковая политика и узус / Т. Я. Котлярова// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том 13. – Вып. 1. – С. 254–258.

164. Котцова, Е. Е. Агнонимы как объект языковой рефлексии в текстах современной периодики / Е. Е. Котцова // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2019 а. – № 4. – С. 82–90.
165. Котцова, Е. Е. Семантическая адаптация англизмов-агнонимов в лексике русского языка / Е. Е. Котцова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019 б. – № 2. – С. 139–146.
166. Кочергина, К. С. Принципы составления юрислингвистического словаря оценочной лексики / К. С. Кочергина // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2015. – С. 108–118.
167. Кошкарова, Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве. / Н. Н. Кошкарова. Монография. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. – 360 с.
168. Кравченко, А. В. Открывая язык заново: от нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке / А. В. Кравченко. – М.: ЛЕНАРД, 2021. – 432 с.
169. Кравченко, А. В., Бойко, С. А. Англотизация русского языка как экологический процесс / А. В. Кравченко, С. А. Бойко // Вестник ПГЛУ. – 2014. – № 1. – С. 31–37.
170. Кравченко, М. А. Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста / М. А. Кравченко // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 1 (32). – С. 103–111.
171. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. М.: Языки славянских культур, 2008. – 229 с.
172. Кронгауз, М. А. Язык, когда мы не регламентируем его, не вмешиваемся, – мудрее нас / М. А. Кронгауз // Культура, 25 февраля 2021 г. – С. 13.

173. Кронгауз, М. А. Лингвистическая конфликтология: конфликтная коммуникация о языке и языковых единицах в социолингвистическом аспекте / М. А. Кронгауз, А. А. Сомин // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2025. – 18(1). – 158–177.

174. Крысин, Л. П. Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 2006. – № 1. – С. 66–72.

175. Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 360 с.

176. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.

177. Крысин, Л. П. Тolerантность языковой нормы / Л. П. Крысин // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р.И. Розина. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. – С. 175–184.

178. Кузнецов, В. Г. Языки в эпоху глобализации: интеграция VS идентичность / В. Г. Кузнецов // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – С. 26–40.

179. Кузнецова, М. С. Метаязыковая рефлексия о новейших англоязычных заимствованиях, ее содержание и формы проявления / М. С. Кузнецова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2021. – № 7 (75). – URL: <https://scipress.ru/philology/articles/metayazykovaya-refleksiya-o-novejshikh-angloyazychnykh-zaimstvovaniyakh-ee-soderzhanie-i-formy-proyavleniya.html> (дата обращения: 21.09.2025)

180. Куликова, Э. Г. Англизация и анализация как системные процессы: отражение в медиа / Э. Г. Куликова // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа : мат-лы V Междунар. научн. конференции (СПб, 30 июня – 2 июля 2022 г.). – СПб.: Медиапапир, 2022. – С. 56–60.
181. Куликова, Э. Г. Вербализованная авторская рефлексия в контексте идей лингвоэкологии / Э. Г. Куликова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 3. – С. 120–124.
182. Куликова, Э. Г. О правомерности понятия «языковое импортозамещение» / Э. Г. Куликова // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей VII Международной научно-практической конференции. РУДН, 20 апреля 2023 г.: в 2 т. / гл. ред. Г. Н. Трофимова; под общ. ред. В. В. Барабаша, Э. Г. Куликовой; сост. А. В. Харченко. – М.: РУДН, 2023. – С. 300–306.
183. Куликова, Э. Г. Правонарушение в лингвоэкологии: иноязычные заимствования и экспрессивность современного публичного дискурса / Э. Г. Куликова // Философия права. – 2016. – № 2 (75). – С. 99–103.
184. Куликова, Э. Г. Проективная лингвистика, экологическое мышление и проблема иноязычных заимствований / Э. Г. Куликова // XV Международный конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в меняющемся мире». СПб, 12–16 сентября 2023 г. Избранные доклады. – СПб.: МАПРЯЛ, 2024. – С. 298–303.
185. Куликова, Э. Г. Синтаксика феминитивов и экологическое мышление / Э. Г. Куликова, О. М. Акай, З. К. Тедеева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. – 2022. – Вып. 3 (59). – С. 21–32.
186. Кулинич, М. А. Социальная власть английского языка в российском сознании / М. А. Кулинич // Эссе о социальной власти

языка. Межрегиональные исследования в общественных науках. – Воронеж, 2001. – С. 91–95.

187. Кулумбегова Л.В. Конфликтогенная грамматика (на материале современных медиийных текстов) / Л. В. Кулумбегова, И. В. Беляева// Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – Вып. 4 (60). – 2022. – С. 63–74.

188. Купина, Н. А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 82–90.

189. Курочки, М. М. Типология и функции языка в контексте гуманитарной безопасности и социальной проективности / М. М. Курочки, М. В. Маслова // Военный академический журнал. – 2015. – № 3 (7). – С. 117–122.

190. Латыпов, Р. Ф. СВО как пятая русская революция: шанс для России и «Глобального Юга» / Р. Ф. Латыпов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. № 3. – С. 129–134.

191. Лашкова, Г. В. Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотolerантности / Г. В. Лашкова, А. И. Матяшевская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22. – Вып. 2. – С. 151–157.

192. Лебедев, А. Р. Функционирование некодифицированных англицизмов тематики «Искусственный интеллект» в русскоязычных медиатекстах / А. Р. Лебедев// Медиалингвистика. Вып. 12. Язык в координатах массмедиа : мат-лы IX Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – СПб. : Медиапапир, 2025. – С. 108–112.

193. Левонтина, И. Б. Не убивай мой вайб: семантические эффекты при освоении заимствованных слов / И. Б. Левонтина // Коммуникативные исследования. – 2024. – Т. 11. – № 4. – С. 746–757.

194. Левонтина, И. Русский со словарем/ И. Левонтина. – М.: Изд-во ACT: CORPUS, 2017. – 464 с.
195. Левонтина, И. Честное слово / И. Левонтина. – М.: Издательство ACT: CORPUS, 2021. – 576 с.
196. Леонов, Н. И. Конфликтология: общая и прикладная/ Н. И. Леонов. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 395 с.
197. Лингвистика информационно-психологической войны: Коллективная монография / А.А. Бернацкая, Ю.А. Горностаева, И.В. Евсеева [и др.] под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск: Сиб.федер. ун-т, 2020. – 345 с.
198. Литвин, В. Л. Ценностный конфликт в современном обществе (социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Литвин Вячеслав Львович. – Иркутск, 2004. – 127 с.
199. Лобанов, И. Б. / И. Б. Лобанов. Говорим правильно по-русски: речевой этикет. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 191 с.
200. Лобас, П. П. Тропика, синонимика, топика как средства убеждения и манипулирования (на материале текстов общественно-политической тематики): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Лобас Павел Павлович. – Ростов н/Д. 2011. – 19 с.
201. Лукин, В. А. Прогрессивная интолерантность в коммуникативно-философском измерении / В. А. Лукин// Политическая концептология. – 2017. – № 2. – С. 74–89.
202. Лю, Цици. Лингвокультурная специфика репрезентации агрессивности в русско- и китайскоязычной интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / Лю Цици. – М., 2023. – 294 с.
203. Ляшева, М. Н. Лексические маркеры конфликта в неформальной политической интернет-коммуникации: функционально-прагматический аспект // Политическая лингвистика. – 2024. – № 3 (105). – С. 77–81.

204. Майзенберг, Е. А. Воздействие английского языка на современную русскую речь / Е. А. Майзенберг // Информационная безопасность регионов. 2012. – № 1 (10). – С. 103–105.

205. Макаренко, Г. С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Макаренко Гульдар Сиреневна. – Уфа. – 2018. – 192 с.

206. Макеева, С. О. Американская мечта в русской лингвокультуре: идеологема и бытовое понятие // Политическая лингвистика / С. О. Макеева. – 2024. – № 3 (105). – С. 175–182.

207. Малаховская, М. Л. Новейшие англицизмы в русском лексиконе в аспекте обучения переводу/ М. Л. Малаховская // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 201–209.

208. Мандрикова, Г. М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии и таронимии: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Мандрикова Галина Михайловна. – М., 2011. – 327 с.

209. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX- начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Маринова Елена Вячеславовна. – М., 2008. – 44 с.

210. Марусенко, М. А. Глобальный английский и национальная идентичность / М. А. Марусенко// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2024. – № 1. – С. 7–13.

211. Марусенко, М. А. Новый мировой языковой порядок / М. А. Марусенко. – СПб: РГПУ имени А. И. Герцена, 2019. – 684 с.

212. Медведева, Е. В. Манипулятивный потенциал видеоколлажа как одной из форм рекламного сообщения / Е. В. Медведева // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных

трудов / под ред. М. Н. Конновой [Электронный ресурс] : научное электронное издание. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. – С. 163–165.

213. Мельникова, В. М. К проблеме «неоправданности» англизмов в русском языке/ В. М. Мельникова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (4). – 2020. – С. 74–79.

214. Микулина, Л. Т. Английский язык как язык глобального образования (из опыта Российского университета) / Л. Т. Микулина// Актуальные проблемы межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Сб. материалов межрегиональной научно-практ. конфер. – СПб, 2010. – С. 76–80.

215. Мирный, В. В. Англизмы и их влияние на современный русский язык / В. В. Мирный// Вестник науки. 2024. – №6 (75). – Т. 3. – С. 1132–1139. // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.ru/article/16036> (дата обращения: 02.08.2025 г.)

216. Мищенко, И. А. Правовые и этические аспекты брэндинга в России и Словакии // И. А. Мищенко / Проблемы экономики и менеджмента. – 2013. – № 2 (18). – С. 47–50.

217. Мкртычова, Г. О. Слова категории состояния: аналитизм категоризации и грамматикализации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мкртычова Галина Ованесовна. Ростов-на-Дону, 2011. – 21 с.

218. Мозговой, В. И. Имена собственных и не собственные / В. И. Мозговой// Гуманитарно-педагогическое образование. – 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 44–51.

219. Мозговой, В. И. Нейминг и норма / В. И. Мозговой // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. – С. 345–349.

220. Мозговой, В. И. О судьбе ономастики в связи с трансформациями собственных имен в условные номинации. / В. И. Мозговой// Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – Т. 4. – № 3. – С. 59–64.

221. Мозговой, В. И. Правовые горизонты ономастики / В. И. Мозговой // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр «Азбука» – К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – С. 373–383.

222. Моисеенко, Л. В. Факторы конфликтности студенческого дискурса в условиях поликультурного образования / Л. В. Моисеенко, М. А. Викулина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 2(883). – С. 73–79.

223. Молотков, А. И. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? / А. И. Молотков// Вопросы языкознания. – 1960. – № 6. – С. 68–73.

224. Мониава, Л. Анкета / Л. Мониава// Журналисты о русском языке. – М.: Фак. журн. МГУ, 2016. – С. 297–302.

225. Морковкин, В. В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (Слова, которые мы не знаем)/ В. В. Морковкин, А. В. Морковкина / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 1997. – 414 с.

226. Москвина, Т. В. Привет privet, народ narod! Т. В. Москвина. – СПб: Лимбус Пресс, 2021. – 142 с.

227. Муравлева, В. Р. Прагмалингвистические особенности коммуникативной ситуации «информационная война» (на материале печатных текстов СМИ): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Муравлева Валерия Романовна. – М., 2021. – 275 с.

228. Муравская, И. А. Лексическое заимствование как фактор изменения когнитивной структуры (на материале англизмов в

медиадискурсе): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Муравская Ирина Александровна. – М., 2014. – 190 с.

229. Навасартян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Навасартян Лариса Гагиковна. – Саратов, 2017. – 172 с.

230. Нагайцев, В. В. К вопросу определения понятия «конфликтность в обществе» / В. В. Нагайцев // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С.242–244.

231. Нагайчук, А. Ф. Православная этика и дух миротворчества: к постановке вопроса о потенциале развития православной конфликтологии в России / А. Ф. Нагайчук, Н. В. Филатова // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. – С.248–252.

232. Некрасова, И. В. Правовое регулирование рекламы / И. В. Некрасова // Адвокат. – 2007. – № 7. – С. 87–97.

233. Нечаева, И. В. Словарь иностранных слов как лексикографический жанр / И. В. Нечаева // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 25. – С. 5–28.

234. Никитин, М. Ю. Лингвосемиотические особенности конфликтогенного массмедиийного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. / Никитин Максим Юрьевич. – М., 2023. – 22 с.

235. Никитин, М. Ю. Лингвоконфликтогенность современного массмедиийного дискурса России / М. Ю. Никитин, А. Д. Устьянцева,

Н. В. Бородина // Вестник Российского нового ун-та. Серия: Человек в современном мире. – 2021. – № 4. – С. 81–90.

236. Никитина, Е. А. Дискурсивная доминанта «импортозамещение» в современном русскоязычном медиапространстве / Е. А. Никитина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (42). – С. 93–97.

237. Новгородова, Е. В. Конфликт интерпретаций как когнитивное основание лингвоконфликтологии (на материале обыденных политических комментариев) / Е. В. Новгородова. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. – 197 с.

238. Новиков, Вл. Роман с языком / Вл. Новиков. – М.: Зебра Е, АСТ, 2007. – 416 с.

239. Новиков, Вл. Словарь модных слов / Вл. Новиков. – М.: Зебра Е. 2005. – 156 с.

240. Новиков, Вл. Новый словарь модных слов / Вл. Новиков. – М.: АСТ: Зебра Е. 2008. – 192 с.

241. Новиков, Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности / Вл. Новиков. – М.: Словари XXI века, 2016. – 352 с.

242. Новикова, М. Л. Лингвосемиотические особенности медиадискурса: вербальные маркеры манипуляции / М. Л. Новикова // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка. Сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2023 г.). – М.: РУДН им. Патриса Лумумбы, 2023. – С.238–245.

243. Новые слова и словари новых слов: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – 220 с.

244. Ноздреватых, А. В. Агнонимия и ложная семантизация как явление лексической интеграции. Национальные культуры в межкультурной коммуникации: материалы V Международной научно-практической конференции/ А. В. Ноздреватых. – Минск, 2020. – С 216–221.
245. Норлусенян, В. С. Дискурсивные функции макаронизов в современном русском языке / В. С. Норлусенян// Известия РГПУ. Филология. Вып. 2. – Ростов н/Д., 2000. – С. 60–67.
246. Норлусенян, В. С. Макаронизмы английского происхождения в современном русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Норлусенян Вячеслав Суренович. Ростов н/Д., 2000. – 24 с.
247. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ». Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028>
248. Обрезков А. А. История лингвопроектирования как поиск языками путей самоусовершенствования / А. А. Обрезков// Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки. Филология. История. Философия». – 2017. – Вып. 3 (10). – С. 66–76.
249. Одегова, О. В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности / О. В. Одегова/ науч. ред. Г.И. Петрова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 168 с.
250. Одегова, О. В. Лингвокультурная глобализация в современном мире: специфика и социокультурные эффекты: автореф. дис. ...канд. филос. наук : 24.00.01 / Одегова Ольга Владимировна. – Томск, 2013. – 21 с.

251. Орёл, М. А. Перевод с английского на англо-русский, или кто виноват и что делать? / М. А. Орёл // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 4. – С. 87–97.

252. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука, 1999. – 274 с.

253. Первова, И. Л. Международная научно-практическая конференция «Толерантность и интолерантность в современном обществе: Новые реалии» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2023. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 230–237.

254. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацбургская. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.

255. Петрова, Н. Е., Самойлова Г.С. «Инговые» существительные как разновидность процессуальной лексики: к проблеме освоения новейших заимствований русского языка / Н. Е. Петрова, Г. С. Самойлова // Научный диалог. 2024. – № 13(10). – С. 65–83.

256. Пискарева, А. А. Языковые следствия глобализации (на материале функционирования англизмов в немецком языке): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Пискарева Анастасия Александровна. – М., 2014. – 233 с.

257. Позина, А. Анкета / А. Позина // Журналисты о русском языке. – М.: Фак. журн. МГУ, 2016. – С. 324–325.

258. Погорецкая, О. А. Англоязычная интерференция в итальянском политическом дискурсе. Функциональный подход / О. А. Погорецкая // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2 (104). – С. 117–126.

259. Погорецкая, О. А. От *il politichese* к англизмам: манипулятивные техники создания неясности в итальянском

политическом дискурсе во времена Первой и Второй Республики / О. А. Погорецкая // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2021. – Вып. 2. – С.65– 71.

260.Погорецкая, О. А. Речевая манипуляция в медиапространстве итальянского политического дискурса : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.05 / Погорецкая Ольга Андреевн. – М., 2022. – 210 с.

261.Полонский, А. В. Интолерантность и ее виды в дискурсе современных российских СМИ / А. В. Полонский// Przegląd rusycystyczny. – 2020. – № 1 (169). – S. 92–104.

262.Полонский, А. В. Медиалект: язык в формате медиа / А. В. Полонский // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 37. – № 2. – С. 230–240.

263.Полонский, А. В. Русский язык в масс-медиа: конфликт между «словарем» и общественным вкусом / А. В. Полонский // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 24 (95). – Вып. 8. – С. 250–255.

264.Полубиченко, Л. В. К вопросу об англо-американском влиянии на современный русский язык и культуру / Л. В. Полубиченков// Лингвистическое образование: профессия, миссия, карьера. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь, 2003. – С. 3–10.

265.Попова, А. Анкета / А. Попова// Журналисты о русском языке. – М.: Фак. журн. МГУ, 2016. – С. 329–330.

266.Попова, М. В. Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке / М. В. Попова// Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 6 (797). – С. 52–64.

267. Пфандль, Х. О видимых, невидимых и скрытых англизмах в русском и словенском языках / Х. Пфандль // *Słowo. Text. Czas* – Y1. Szczecin; Greifswald, 2002. – Р. 420–429.
268. Радбиль, Т. Б. Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации / Т. Б. Радбиль // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова: Взаимодействие лексики и грамматики. – 2019. – Вып. 20. – С. 218–226.
269. Радбиль, Т. Б. Аналитизм VS синтезизм в активных процессах в грамматике современного русского языка / Т. Б. Радбиль // Мир русского слова. – 2020. – № 1. – С. 7–12.
270. Радбиль, Т. Б. Выражение «не по-русски» как языковое воплощение национальных ценностей в медиаречи (по данным газетных корпусов) / Т. Б. Радбиль // Медиалингвистика. 2024. – № 11 (4). – С. 487–498.
271. Радбиль, Т. Б. Культурная априоризация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира / Т. Б. Радбиль // Культура русской речи (Гротовские чтения): V Международная научная конференция: Тезисы докладов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2017. – С. 88.
272. Радбиль, Т. Б. Манипулятивный потенциал метаязыковых комментариев в языке современных русских интернет-СМИ/ Т. Б. Радбиль // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. РУДН, 21–22 апреля 2022 года. – М.: Изд-во РУДН, 2022. – Т. 1. – С. 8–15.
273. Радбиль, Т. Б. Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты / Т. Б. Радбиль // Русская грамматика: сборник тезисов Международного

научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.). – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 96–99.

274. Радбиль, Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. / Т. Б. Радбиль. Монография. – М.: Издательский дом ЯСК, 2017. – 592 с.

275. Радевич, Е. В. Трансформация дискурса глобализации в современном социально-гуманитарном знании / Е. В. Радевич // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2018. – № 2. – С. 29–34.

276. Режук, З. В., Ширяева-Шириング О. В. К вопросу о конфликтогенном потенциале жargonной лексики в современном медиадискурсе / З. В. Режук, О. В. Ширяева-Шириング // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK123.pdf>
(дата обращения 10.12.2024)

277. Речь и языки общения в конфликтогенном мире [Электронный ресурс] : Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 17-18 декабря 2021 года / ред. коллегия: С. В. Мыскин (отв. ред.), Е. Ф. Тарасов, В. Т. Кудрявцев. – Электрон, текстовые дан. (10 МВ). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2021. 180 с. URL: <http://www.psycholinguistic.ru> (дата обращения 10.12.2024)

278. Решетова, О. А. Английский язык как lingua franca бизнеса / О. А. Решетова // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Сб. материалов межрегиональной научно-практ. конфер. – СПб, 2010. – С. 93–96.

279. Родионова, И. Г. Развитие аналитических форм и аналитических конструкций в грамматическом строении современного

русского языка: автореф. дис. ...докт. филол. наук : 10.02.01 / Родионова Инесса Геннадьевна. – Тамбов, 2021. – 46 с.

280. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / АН СССР: Ин-т рус. яз. Под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 367 с.

281. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография / Радбиль Т. Б., Маринова Е. В., Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., Щеникова Е. В., Виноградов С. Н., Жданова Е. А. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. – 325 с.

282. Саакян, Л. Н. Виды и формы речевой агрессии: современные трансформации / Л. Н. Саакян// Медиалингвистика. Вып. 12. Язык в координатах массмедиа : мат-лы IX Междунар. научн. конференции (СанктПетербург, 25–28 июня 2025 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв.ред. А. А. Малышев. – СПб.: Медиапапир, 2025. – С. 313–316.

283. Савицкий, В. М. Языковое заимствование: онтологический аспект / В. М. Савицкий. Электрон. текстовые дан. – URL: http://tverlingua.ru/archive/030/content_030.htm. (дата обращения 10.12.2025)

284. Сапгир, А. Анкета // Журналисты о русском языке / А. Сапгир. – М.: Фак. журн. МГУ, 2016. – С. 363–365.

285. Саркисьянц, В. Р. Юридическая лингвистика и современная лексикография / В. Р. Саркисьянц. Монография. – Ростов-на-Дону: Книга, 2017. – 207 с.

286. Саркисьянц, В. Р. Иноязычные слова как фактор возникновения лингвоюридического конфликта / В. Р. Саркисьянц, О. В. Дышекова // Гуманитарные и социальные науки. 2019. – № 6. – С. 199–208.

287. Семенец, О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах / О. П. Семенец// Сибирский филологический форум. – 2021. – № 3 (15). – С. 15–32.
288. Сенько, Е. В. Аналитическое усилие современного русского языка / Е. В. Сенько // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы V Междунар. конгр. Исследователей русского языка (Москва, 18–21 марта 2014 г.). – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 143–144.
289. Сепир, Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии/ Э. Сепир / Пер. с англ.; под ред., предисл. А. Е. Кибрика. 2-изд. – М., 2001. – 656 с.
290. Сивков, К. В., Соколов К.М. Гибридная война / К. В. Сивков, К. М. Соколов. – М.: Наше завтра, 2023. – 280 с.
291. Сидоров, В. А. Коммуникативные агрессии и негативные концепты пропаганды / В. А. Сидоров// Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 66. – С. 318–331.
292. Сидоров, В. А. Коммуникативные агрессии современности: предтечи и состояние / В. А. Сидоров // Век информации : Медиа в современном мире. Петербургские чтения: материалы 56-го международного форума, 13–14 апреля 2017 г. / отв. ред. В.В. Васильева. 2017, № 2: в 2 т. – СПб., 2017. Т. 1. – С. 165–167.
293. Сидоров, В. А. Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок / В. А. Сидоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – № 2. – С. 300–311.
294. Сиротинина, О. Б. Рискогенность лексических заимствований и способы ее преодоления/ О. Б. Сиротинина // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной

компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротиной, М. А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. С. 47–52.

295. Сквородников, А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сквородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 13. – С. 194–222.

296. Сквородников, А. П. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект / А. П. Сквородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4 (94). – С. 31–40.

297. Слобожанина, Н. А. Англо-американизмы во французском языке Квебека: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Слобожанина Наталья Александровна. – Самара. 2008. – 23 с.

298. Смотров, М. Д. Факторы проецирования языковой силы англосферы в условиях языкового империализма (на примере Республики Индонезия) / М. Д. Смотров // Военно-филологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 83–95.

299. Соболева, Л. А. Подходы к определению категории лингвоконфликтогенности в современной лингвистике и конфликтологии / Л. А. Соболева // Евразийский гуманитарный журнал. – 2024. – № 2. – С. 33–41.

300. Соколова, Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство / Т. П. Соколова. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 208 с.

301. Соколова, Т. П. Топонимы Подмосковья: деревня Потапово или таунхаусы Марк Твен? / Т. П. Соколова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Международной научной

конференции. – Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. в 2-х частях. Ч. 1. Екатеринбург, 2012. – С. 143–145.

302. Соколова Т.П. Функционирование русского языка в ономастическом пространстве Подмосковья / Т. П. Соколова // Язык. Право. Общество: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – С. 357–362.

303. Солнышкина, М. И. Либерализм эргонимикона как угроза национальной идентичности (на примере современной Казани) / М. И. Солнышкина, А. Р. Исмагилова, Ф. Ф. Шигапова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. – 2015. – С. 34–39. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalizm-ergonomikona-kak-ugroza-lingvokulturnoy-identichnosti-na-primeresovremennoy-kazani> (дата обращения 10.12.2025)

304. Сондерс, Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформации и изменения / Г. Г. Сондерс / пер. с англ. И.В. Поляничевой; под ред. А. Г. Аксенка, И. Д. Звягельской. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 382 с.

305. Степанов, С. П. Процесс образования феминитивов как сфера борьбы за равенство полов / С. П. Степанов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 6 (126). – С. 129–135.

306. Степанов, С. П. Стремление к выражению гендерного равноправия как разрушитель русской грамматики / С. П. Степанов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 2 (98). – С. 90–94.

307. Стрельцов, А. А. Русинглиш: дань моде или язык XXI века?/ А. А. Стрельцов // Русская словесность. – 2010. – № 5. – С. 5–9.

308. Тарасова, М. В. Семантические изменения английских заимствований в русском и немецком языках в условиях глобализации:

автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Тарасова Маргарита Владимировна. – Белгород, 2009. – 22 с.

309. Тарасова, М. С. Актуальная лексика периода экономических санкций 2014-2017 гг. «Импортозаместительный»: семантика, употребление, коннотации / М. С. Тарасова// Политическая лингвистика. – 2018. – № 3 (69). – С. 76–83.

310. Тираспольский, Г. И. Язык и лингвистика / Г. И. Тираспольский. Монография. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – 194 с.

311. Тоцкая, О. В. Специфика политического дискурса в газетных статьях (на материале современного английского языка)/ О. В. Тоцкая, С. В. Бекетова, И. Б. Андиш // Russian Linguistic Bulletin. 2023, № 12 (48). – URL: <https://rulb.org/archive/12-48-2023-december/10.18454/RULB.2023.48.15> (дата обращения: 07.10.2025).

312. Трощенкова, Е. В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения / Е. В. Трощенкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Вып. 2. – С. 24–34.

313. Тужба, Э. Н. Глобализация как мировой процесс: теоретический анализ / Э. Н. Тужба, Ю. В. Пупкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – №7. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-17> (дата обращения: 07.10.2025).

314. Туранин, В. Ю. Использование заимствованной терминологии в текстах современных российских законов: возможности и пределы / В. Ю. Туранин // Современное право. – 2009. – № 4. – С. 14–17.

315. Ульяницкая, Л. А. Лексическая и грамматическая интерференция во фланандском варианте нидерландского языка :

автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ульяницкая Любовь Александровна. – СПб, 2018. – 26 с.

316. Урсул, Н. В. Развитие макаронизмов в британской культуре / Н. В. Урсул // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – С. 3–11.

317. Усенко, Н. М. Синтаксика лексем «патриот», «патриотизм» и социальный контекст (на материале современного медиадискурса)/ Н. М. Усенко // Политическая лингвистика. 2024. – № 4 (106). – С. 241–248.

318. Ушаков, Б. Ю. Семантика и функции лексических заимствований в современной русской прессе: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ушаков Борис Юрьевич. – СПб., 2009. – 212 с.

319. Фахрутдинова, М. Т. Особенности процесса англизации современного русского языка / М. Т. Фахрутдинова // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Том 11. – № 5. – С. 247–254.

320. Федорук, М. С. Англо-американизмы как источник обогащения лексического состава французского языка (на материале французских средств массовой информации) /М. С. Федорук // Управление в социальных и экономических системах : м-лы XVI международной научно-практической конференции (16–17 июня 2007 г., г. Минск) /Минский ин-т управления ; редкол.: Н.В. Суша [и др.]. – Минск, 2007. – URL: <http://elibrary.miu.by/conferences!/item.uses/issue.xvi/article.173.html>. (дата обращения: 12.10.2023)

321. Федулова, М. Н. Языковая политика современной России в контексте вопросов национальной безопасности / М. Н. Федулова // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3 (111). – С. 12–18.

322. Феофанова, О. А. Реклама: новые технологии в России / О. А. Феофанова. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 384 с.

323. Филиппова, М. П. Содержательные параметры речевой агрессии в жанре интернет-комментария: дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / Филиппова Мария Петровна. – Ижевск, 2024. – 264 с.
324. Фролова, Н. Н. Дискурсивные функции маркировочных наименований (брендов): лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Фролова Наталья Николаевна. – Краснодар, 2011. – 23 с.
325. Хагуров, Т. А. Гуманитарное импортозамещение: о некоторых итогах и актуальных задачах российского обществознания/ Т. А. Хагуров // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24. – № 1. – С. 155–164.
326. Хазагеров, Г. Г. Конгруэнтность ксенофобии и интернационализма в речемыслительной практике сталинской эпохи (риторический анализ) / Г. Г. Хазагеров // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2016. – № 21. – С.60–65.
327. Хазагеров, Г. Г. Культура речи как ценность и речевая культура как данность. Экологический подход / Г. Г. Хазагеров // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2019. – № 30. – С. 76–84.
328. Хазагеров, Г. Г. Риторический манифест / Г. Г. Хазагеров. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовской риторической школы. – 2020. – 45 с.
329. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
330. Хазагеров, Г. Г. Четыре взгляда на троп / Г. Г. Хазагеров. – М.: Флинта, 2022. – 280 с.
331. Харазия, Е. Т. Актуальные проблемы лингвистической безопасности / Т. Е. Харазия // Мир науки. Социология,

филология, культурология. 2023. Т. 14, № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/56FLSK123.pdf> (дата обращения: 12.12.2025)

332.Химик, В. В. Допустимо ли сквернословие в словарях общего типа? / В. В. Химик// Актуальные проблемы лексикографии. – М., 2013. – С. 357–360.

333.Хроменков, П. Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Хроменков Павел Николаевич. – М., 2016. – 405 с.

334.Хутыз, И. П. Прагматика глобализма современных англицизмов / И. П. Хутыз // Филология как средоточие знаний о мире. – М.; Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. – С. 102–106.

335.Царькова, В. С. Целесообразность использования англицизмов в системе менеджмента качества: сборник трудов конференции / В. С. Царькова, О. Г. Шилова // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. – С. 58–61.

336.Цветова, Н. С. Новая русская речь (к вопросу об изменении принципов коммуникативной культуре) / Н. С. Цветова// Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2018. – № 4. – С. 11–16.

337.Ценгер, С. С. Морфологическая интерференция при контакте французского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ценгер Светлана Сергеевна. – М., 2014. – 14 с.

338.Цой, Л. Н. Конфликтологическая компетенция в коммуникации: теория и практика / Л. Н. Цой // Сборник статей по материалам международной научной конференции 9–11 июля 2015 г. «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов». – М.: НИУ ВШЭ, 2015 г. – С. 126–128.

339. Чале, З. И. Социальная маркированность и языковой престиж иноязычного слова в современном немецком языке / З. И. Чале // Экологический вестник. Приложение № 3. – Краснодар: КубГУ, 2006. – С. 219–221.

340. Чернышева, Т. В. Основы лингвоконфликтологии / Т. В. 340. Чернышева. Учеб. пособие. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. – 190 с.

341. Черняк, В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 295–304.

342. Чжао, Юйцянь Англицизмы и их дериваты в политической лексике современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Чжао Юйцянь. – М., 2023. – 231 с.

343. Чуковский К.И. Живой, как жизнь. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 175 с.

344. Шагбанова, Х. С. Языковые средства речевого манипулирования / Х. С. Шагбанова // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Том 9. – № 5А. – С. 72–80.

345. Шаталова, Ю. Н. Нейминг в региональном аспекте (на материале названий продовольственных магазинов г. Белгорода) / Ю. Н. Шаталова, А. Н. Медведева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5 (59) в 3-х частях. Ч. 1. – С. 167–171.

346. Шемчук, Ю. М. Лингвотолерантность в эпоху глобализации / Ю. М. Шемчук // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – № 1. – С. 95–98.

347. Шигина, С. Ю. Макаронизмы в парадигме иноязычной лексики / С. Ю. Шигина // Актуальные проблемы филологии:

Межвузовский сб. научн. статей. – Владикавказ: Изд-во СОГУ. – 2012. – С. 168–173.

348.Шишкина, Н. М. Об изучении иностранного языка в условиях проведения специальной военной операции / Н. М. Шишкина // Вестник ВГУ Серия: Проблемы высшего образования. – 2024. – № 2. – С. 73–76.

349.Шкапенко, Т. М. Англо-американское междометие «вау» в современном русском языке / Т. М. Шкапенко // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М. – 2016. – № 4. – С. 141–149.

350.Шульга, М. В. О векторе развития русской морфологической системы / М. В. Шульга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкоzнание. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 232–242.

351.Шумарина, М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Шумарина Марина Робертовна. – М., 2011 – 802 с.

352.Щеглова, Е. А. «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» как лексикографический источник нового типа / Е. А. Щеглова, Н. А. Прокофьева // Вопросы лексикографии. – 2024. – № 33. – С. 52–70.

353.Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба// Щерба Л.В. Избранные работы по языкоzнанию и фонетике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Т. 1. – С. 54–91.

354.Щербинина, Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина. Учебное пособие. – М.: Флинта: – Наука, 2004. – 224 с.

355.Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды/ Ю. В. Щербинина.– М.: Форум, 2012. – 400 с.

356. Эбель, Н.В., Маслова Ю.В. Рунглийский язык и его отличительные особенности / Н. В. Эбель, Ю. В. Маслова // Язык. Дискурс. Текст. Мат-лы III междунар. Конференции. – Ростов н/Д: ГОУ ВПО «Южный федеральный университет», 2007. – С. 78–79.

357. Экология русского языка: словарь лингвоэкологических терминов / автор-сост. А.П. Сковородников. – М.: Флинта, Наука, 2017. – 384 с.

358. Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А. – М., 2018. – 202 с.

359. Яколенко, А. Д. Институты конфликторазрешения в России: сущность и проблематика / А. Д. Яколенко. – URL: http://xn--80aa1dk.xn--p1ai/images/nauka/forum6/forum6_390–392.pdf (дата обращения: 15.12.2025)

360. Ярощук, И. А., Судникова Н. Ю. Проблемы развития нейминговой экспертизы как нового рода судебно-лингвистической экспертизы / И. А. Ярощук, Н. Ю. Судникова // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 1 (54). – С. 283–287.

361. Aall P. Building Resilience and Social Cohesion in Conflict / P. Aall, C.A. Crocker// Global Policy. – 2019. № 10. – P. 68–75.

362. Backhaus, P. Linguistic Landscape. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus // Multilingual Matters. – New York ; Ontario : Clevalon. – 2007. – P. 103–121.

363. Barnhill, A. What Is Manipulation? / A. Barnhill // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – P. 51–73.

364. Barni, M. Linguistic landscape and language vitality/ M. Barni, C. Bagna // Linguistic Landscape in the City. Bristol; North York : Multilingual Matters. 2010. – P. 13–19.

365. Baron, M. The Mens Rea and Moral Status of Manipulation/ M. Baron // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. P. 98–121.

366. Cave, E. M. Unsavory Seduction and Manipulation / E. M. Cave // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – P. 176-201.

367. Chen, S. Language and ecology: A content analysis of ecolinguists as an emerging research field /S. Chen // Ampersand, 2016. – Vol. 3. – P. 108–116.

368. Crystal, D. English as a global language / D. Crystal. 2 nd ed. – Cambridge, 2003. – 491 p.

369. Darquennes, J. Language conflict research: A state of the art / J. Darquennes. In: International journal of the sociology of language. 2015, 2015(235). – P. 7–32.

370. Fairclough, N. Language and Globalization / N. Fairclough. – London and New York: Routledge, 2006. – 188 p.

371. Fill, A. F. Ecolinguistics in the 21st Century: New Orientations and perspective /A. F. Fill, H. Penz // The Routledge handbook of ecolinguistics / A. Fill, H. Penz (eds.). – New York, London : Routledge, 2018. – P. 437–443.

372. Finke, P. Transdisciplinary Linguistics. Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age perspective / P. Finke // The Routledge handbook of ecolinguistics / A. Fill, H. Penz (eds.). – New York, London : Routledge, 2018. – P. 406–419.

373. Evans, M. (eds.). The Routledge handbook of language in conflict / M. Evans, L. Jeffries, J. O'Driscol. – Abingdon, New York, Routledge, 2019. – 612 p.

374. Ismagilova A., Voronina E., Nalimova S. Comparative Linguistic Analysis of English Borrowings in Spanish and German Media and Social Network Texts / A.

Ismagilova, E. Voronina, S. Nalimova // The Journal of Social Sciences Research. Special Issue. 1. – 2018. – P. 317–320. URL:

<https://arpgweb.com/pdf-files/SPI-1-15-317-320.pdf>

387. Habermas, J. Strukturwandel der Öffentlichkeit/ J. Habermas Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2013. – 399 s.

375. Halliday, M. Written Language, Standard Language, Global Language / M. Halliday // The Handbook of World Englishes. 2-nd edition. – Wiley Blackwell, 2020. – P. 333–348.

376. Hansen, V. The Year 1000. When Explorers Connected the World – and Globalization Began / V. Hansen. – Penguin Books, 2021. – 308 p.

377. Klejberg, Yu. Epatage and manipulation: concept and deviantological nature / Yu. Klejberg // Вестник МГОУ. Психологические науки, 2013. №4. – C. 41–46.

378. Kravchenko A., Boiko S. Anglicisms in Russian in the Context of the Orientational Function of Language. Book of Proceedings /A.

Kravchenko, S. Boiko. International Symposium on Language and Communication. 17–19 June, 2013. – Izmir, Turkey. Izmir: Ege University Ataturk Culture Center. – P. 233–246.

379. Kravchenko, A. V., Boiko S. A. What is happening to Russian? Linguistic change as an ecological process / A. V. Kravchenko, S. A. Boiko // Russian Journal of Communication. – 2014. – № 6(3). – P. 232 – 245.

380. Kulikova, E. The Language of Tolerance and the Problem of Non-Ecological Elements in Mass Media / E. Kulikova, V. Barabash // Media Education (Mediaobrazovanie). – 2022. – № 18(4). – P. 600–606.

381. Langer, N., Nesse A. Linguistic purism / N. Langer, A. Nesse // The handbook of historical sociolinguistics. – Bristol, 2012. – P. 607–625.

382. Maillat, D., Oswald S. Defining Manipulative Discourse: The Pragmatics of Cognitive Illusions/ D. Maillat, S. Oswald // International Review of Pragmatics. 2009. – № 1. – P. 348–370.
383. Manne, K. Non-Machiavellian Manipulation and the Opacity of Motive / K. Manne // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – P. 221–247.
384. Mills, C. Manipulation as an aesthetic flaw / C. Mills // Manipulation: theory and practice / ed. By C. Coons, M. Weber. – New York: Oxford University Press, 2014. – P. 135–151.
385. Pulcini V., Furiassi C., Rodriguez Gonzales F. The lexical influence of English on European languages / V. Pulcini, C. Furiassi, F. Rodriguez Gonzales // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. – P. 1–26.
386. Rashkin, H. et al. Truth of varying shades: Analyzing language in fake news and political fact-checking // Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2017. – P. 2931–2937.
387. Rollason, C. Unequal systems: on the problem of Anglicisms in contemporary French usage / C. Rollason // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. – P. 39–56.
388. Phillipson, R. Linguistic Imperialism / R. Phillipson. Oxford: Oxford University Press, 1992. – 374 p.
389. Scalcau, A. The paradoxes of political correctness / A. Scalcau // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. – 2020. – № 15 (4). – P. 53–59.
390. Sidorov, V. Communicative Aggression in the Russian Media Sphere: Background and Manifestations / V. Sidorov, R. Ivanyan, S.

Kurushkin, K. Nigmatullina // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol 9 (36). DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i36/102032

391. Sjöblom, P. Commercial names // The Oxford Handbook of Names and Naming/ P. Sjöblom / Ed. C. Hough. Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 453–464.

392. Stibbe, A. Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By /A. 392. Stibbe . – London, New York: Routledge, 2015. – 210 p.

393. Thomas, G. Linguistic Purism / G. Thomas. – London, New York: Longman, 1991. – 252 p.

394. Tsagouria, P. The Influence of English on Greek. A sociological approach / P. 394. Tsagouria // Anglicization of European lexis. From words to phraseology. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. – P. 97–107.

395. Van, Dijk T. A. Discourse and manipulation / Dijk T. A. Van // Discourse & Society. – 2006. – № 17 (3). – P. 359—383.

396. Voronina, E.B. Westernization of Russian Culture by Media Products/ E.B. Voronina, A.R. Ismagilova // Man in India. – 2016. – Vol. 96. – Issue 3. – P. 913–918.

397. Winter-Froemel, E. The pragmatic necessity of borrowing. Euphemism, dysphemism, playfulness — and naming / E. Winter-Froemel // Taal & Tongval. 2017. –Vol. 69. – № 1. – P. 17–46.

398. Wood, A.W. Coercion, manipulation, exploitation /A.W Wood // Manipulation: theory and practice / ed. by C. Coons, M. Weber. New York: Oxford University Press, 2014. – – P. 17–51.
<http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0002>

